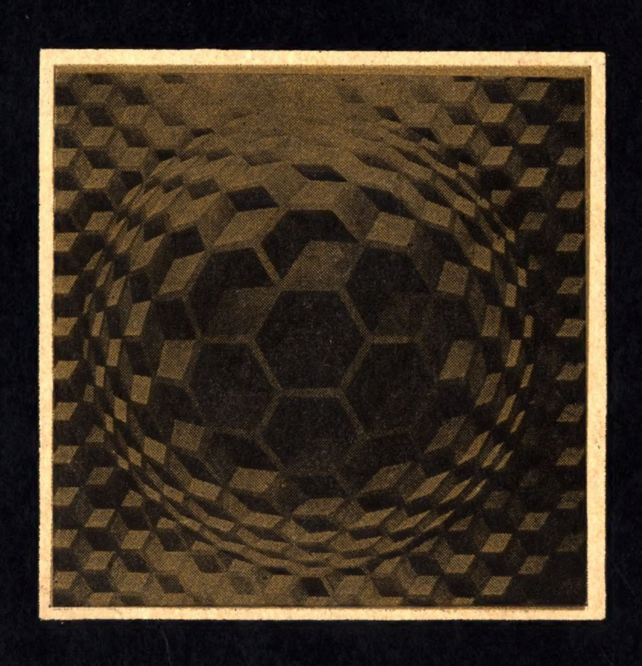
Г.-М. Дитль, Г. Газе, Г.-Г. Кранхольд

ГЕНЕТИКА ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Г.-М. Дитль, Г. Газе, Г.-Г. Кранхольд

ГЕНЕТИКА ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

МОСКВА · «МЫСЛЬ» · 1981

28.04
Д49

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод с немецкого с сокращениями
В. В. СТОЛЯРОВА
Послесловие
С. А. ПАСТУШНОГО

Д $\frac{10501-045}{004(01)-81}$ 18-81. 0301000000

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Бурный прогресс знаний в области молекулярной биологии и генетики, а также усилившееся внимание медицины к генетике человека требуют ответа на множество вопросов философского и социально-этического характера, появившихся в связи с этим. Ответ на любой из них неразрывно связан с двумя основными мировоззренческими проблемами: с тем, как исследователь понимает природу человека, и с формированием научно обоснованной этической позиции ученого.

Многие естествоиспытатели и медики пытались дать ответ на мировоззренческие вопросы, связанные как с открытиями в области общей генетики и генетики человека, так и с теми новыми практическими возможностями, которые создают эти открытия. Предложенные ответы, естественно, сильно различаются, а подчас оказываются прямо противоположными. Их характер зависит от того, в каких конкретных социально-экономических и политических условиях живут и работают ученые, от их мировоззренческих позиций. Дискуссии имеют место и среди ученых, стоящих на почве марксистско-ленинского мировоззрения.

Однако следует отметить тот факт, что зачастую внимание концентрируется на частных вопросах или ответы даются только с точки зрения какой-либо специальной дисциплины. Большие заслуги в выяснении общих, принципиально важных мировоззренческих вопросов и специальных этических проблем в исследуемой области принадлежат редакции журнала «Вопросы философии» и некоторым советским естествоиспытателям и обществоведам, благодаря усилиям которых был проведен ряд дискуссий.

Особенно следует отметить концепцию академика Н. П. Дубинина по проблеме социальной и генетической программы человека, в значительной мере стимулировавшую развитие наших собственных взглядов. Научные публикации Н. П. Дубинина и работы других советских ученых по рассматриваемым вопросам свиде-

тельствуют о плодотворности этой концепции и одновременно указывают на необходимость дальнейшей интенсивной разработки философских, этических и социальных вопросов биологии в целом и генетики человека в частности.

Развернувшееся в США и других капиталистических странах обсуждение отмеченных аспектов генетики человека также требует обобщенного освещения проблемы с точки зрения марксизма-ленинизма.

Поскольку работа над рукописью книги была завершена в 1975 г., то мы смогли лишь в общей форме и очень кратко затронуть в ней наиболее важные научные проблемы, связанные с новейшими достижениями и методами комбинации и рекомбинации генов, «генной инженерией». С тех пор по этим проблемам развернулась широкая международная дискуссия, истоки которой восходят к известному обращению группы ученых, возглавляемой профессором Бергом (США, 1974), и к конференции в Азиломаре (1975). Позиция научных организаций и ученых социалистических стран, проникнутая сознанием высокой ответственности, нашла отражение, в частности, в принципиальных заявлениях Академии наук СССР и ГДР.

В числе опубликованных в последнее время работ философов-марксистов по философским и специальным вопросам молекулярной генетики и генетики человека мы хотели бы отметить прежде всего публикации члена-корреспондента АН СССР И. Т. Фролова.

Предлагаемая работа является результатом многих дискуссий с медиками и естествоиспытателями. В ней предпринимается попытка с философских позиций дать целостную картину общих и специальных мировоззренческих и этических проблем генетики человека. Этим мы хотели бы внести свой вклад в обсуждение данных проблем и в критику взглядов буржуазных ученых.

Авторы

Раздел I. ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Глава 1. МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Исходные принципы и цель исследования

Нашей главной задачей является изложение философско-этических и социальных проблем генетики человека, обсуждение возникших здесь вопросов и поиск ответов на них. Разрабатывая и обосновывая возможные решения, мы ставили цель сформулировать в данной специальной области и принять в качестве исходной «нашу социалистическую позицию, ценностные установки, восприятие жизни, нашу социальную психологию»[1]. Такая постановка задачи обусловлена необходимостью овладеть научно-технической революцией, придать ей содержание, адекватное нашему общественному строю, смыслу социализма, интересам и идеалам рабочего класса, всецело направить ее на благо каждого человека, на счастье всего народа, поскольку речь идет о целях развития науки и использования ее данных, о формировании образа жизни, решении проблем окружающей среды, народонаселения, семьи, образования и культуры.

Не подлежит сомнению, что современная биология — особенно молекулярная биология и генетика человека — многообразными нитями, прямо и опосредованно, связана с мировоззренческими, этическими и социальными проблемами взаимоотношения человека, общества и природы. Поэтому рассмотрение конкретных вопросов, касающихся применения достижений генети-

ки человека, осуществление соответствующих мероприятий сегодня и в ближайшем будущем предполагают, что развиваемые взгляды основываются на понимании мировоззренческого и социально-этического значения биологии и генетики человека для научно-технической революции, смысла социально-биологического аспекта проблемы, заключающегося в определении сущности и развития человека. Излагая нашу точку зрения по основным мировоззренческим и социально-этическим вопросам в полемике с теми учеными, представления которых обусловлены влиянием буржуазной идеологии, особенно биологизаторского и антропологического направлений, мы опираемся на ряд работ, написанных с позиций марксизма-ленинизма, а также на материалы научных конференций. При этом мы учитываем, что, хотя по многим вопросам в основном достигнуто согласие, некоторые моменты еще являются дискуссионными.

Это побуждает нас не ограничиваться исключительно рамками генетики человека, а по мере необходимости, касаясь более широкого круга вопросов, связанных с мировоззренческой проблематикой, именно диалектической взаимосвязи человека, природы и общества, обращаться к данным биологической и медицинской наук, а также этологии и экологии. Такие экскурсы предпринимаются для того, чтобы отчетливо раскрыть всю важность более широких проблем научно-технической революции при социализме, таких, как новый характер господства человека над внешней и своей собственной природой, диалектика природы и общества, развитие человека как биосоциального существа. Кроме того, представляется необходимым дать анализ основных концепций буржуазной идеологии по проблемам взаимоотношений природы и общества, человека и окружающей среды, естествознания, общества и прогресса, а также соотношения социального и биологического в развитии человека и в современных буржуазных трактовках человека.

Исходя из этого и учитывая главную задачу данной работы, мы выделяем следующие, на наш взгляд существенные, вопросы. Во-первых. Какое место занимают новые научные результаты биологии (молекулярной биологии, генетики) в научно-технической революции, что нового вносят они в господство человека над об-

щественным бытием, природой и самим собой? Каковы значение, возможности и задачи последовательно гуманистического использования этих результатов сегодня и в будущем по мере усиления господства человека над внутренними и внешними природными условиями его жизни, поскольку социализму свойственны качественно новые общественные отношения? С этим, между прочим, связан и вопрос о том, каковы возможности, задачи и цели вмешательства в наследственность человека и где границы такого вмешательства?

В чем состоит идеологическая функция концепций биологического «улучшения» человека, «биологической революции»? Где истоки принципиальной научной несостоятельности этих концепций, каким образом затушевывают их классовые основы представители культурно-пессимистических, антинаучных направлений буржуазной идеологии?

Во-вторых. В какой связи с этими новыми научными достижениями в области биологии, и особенно генетики человека, способами их получения и целевыми установками ученых, с проблемами, относящимися к условиям, возможностям и границам их использования на благо или в ущерб человеку, находятся встающие ныне новые вопросы этики научной работы? Каким образом ответы на них обусловлены общественным строем, классовыми интересами, в переплетении которых функционируют наука и здравоохранение как социальные институты и которые решающим образом определяют нравственные отношения, оценки и нормы? И далее, существуют ли специфические новые задачи и законы этики науки, связанные с генетикой человека? И если да, то есть ли возможность создания обязательных в международном масштабе принципов, правил и норм? Ведь в конечном счете при оценке достижений науки речь идет о проблемах человека, его достоинстве, об оценке общественного прогресса.

В-третьих. Каким образом современные результаты биологии, и особенно генетики человека, подтверждают разработанное классиками марксизма-ленинизма положение о единстве биологического и социального в человеке, о сущности человека как совокупности общественных отношений, о социальной детерминации личности? Почему только такое представление о человеке может служить критерием гуманного использования

достижений науки, основой единства научного познания биологической природы и закономерностей социальной жизни, признания доминирующей роли общественных отношений, взятых в их целостности? В связи с этим мы, с одной стороны, выступаем против биологизаторских «обоснований» неизменности человека и противоположных им представлений о том, что его «улучшение» возможно и необходимо лишь путем совершенствования его биологической основы, а с другой — предпринимаем попытку точнее определить характер взаимодействия, специфику передачи и усвоения генетической и социальной программ, генетической и социальной наследственности и наследования.

В-четвертых. Каковы принципы, цели и общие перспективы применения результатов генетики человека в здравоохранении при социализме, вытекающие из указанных исходных мировоззренческих и социально-этических позиций? Как складываются такие принципы и установки, как они развиваются в ходе прогресса науки и как достигается единообразие в их использовании? При осуществлении генетической консультации населения в социальной и медицинской ориентации генетических мер по отношению к человеку ключевым вопросом является правильное определение и учет взаимосвязи интересов личности, семьи и общества, сочетание добровольности и ответственности как в решениях самого пациента, так и во врачебной помощи и руководстве им, а также в юридических нормах.

Биология, общая генетика и генетика человека в условиях научно-технической революции

Что касается научных основ качественного переворота в производительных силах, справедливо называемого научно-технической революцией, то биология, несомненно, относится к числу тех наук, которые имел в виду К. Хагер, когда писал: «Успешное овладение научно-технической революцией при социализме и бурное развитие отдельных отраслей естествознания все настойчивее выдвигают в центр внимания связанные с этим процессом мировоззренческие вопросы» [2].

Прогресс в области молекулярной биологии, основанный на таких фундаментальных открытиях, как объяснение механизма белкового синтеза, расшифровка генетического кода, всемерно способствовал получению

новых результатов в познании жизненных процессов и оказал решающее воздействие на развитие других областей биологии.

Рапопорт и другие определяют молекулярную биологию как «совокупность элементарных основ биологических процессов»[3] и рассматривают слияние биохимических, физических и генетических концепций в едином стиле мышления естествоиспытателей как явление, характерное для революции в биологии. Они сравнивают влияние молекулярной биологии на науку о живой материи с тем переворотом, который, по мнению английского ученого Блекета, произошел более 60 лет назад в физике под воздействием развития квантовой физики и теории относительности. Именно этот скачок в естествознании положил начало развитию научных предпосылок нынешней научно-технической революции[4].

Проявляя большую осторожность и сдержанность относительно формулировки о новом веке как веке биологии, Бёме тем не менее указывает, «что значение биологических наук возрастает в той мере, в какой они позволяют человеку, опираясь на познание и объяснение элементарных процессов жизни, в возрастающей степени овладевать жизненными процессами и управлять ими в интересах человечества»[5]. Он обосновывает большое значение биологических наук в условиях научно-технической революции и называет две основных причины, на основе которых генетика выдвигается сейчас на центральное место. Это происходит потому, что, с одной стороны, предмет ее исследования, а именно закономерности сохранения, передачи, реализации и изменения генетической информации и регулирования этих процессов, представляет собой одну из фундаментальных проблем жизни, с другой — не существует никаких проявлений жизни, нормальных или патологических, которые так или иначе не испытывали бы на себе влияния генетической программы[6].

Лётер тоже характеризует проблему наследования как ключевую в овладении процессами жизни[7], а лауреат Нобелевской премии американец Луриа рассматривает науку о наследственности как науку, «которая в здании естествознания относится к числу наилучшим образом обоснованных, внутренне наиболее стройных и свободных от противоречий областей познания. Для биологии она представляет собой то же, что для физи-

ки великие открытия: объяснение движения в ньютоновских законах механики и атомного строения материи»[8].

Что касается генетики человека, то она изучает специфические формы проявления «закономерностей генетических процессов в человеческом организме и в группах населения»[9] и «получает необходимое знание... путем распространения на человека выводов, полученных на других объектах исследования, а также путем непосредственных наблюдений человека и сменяющих друг друга поколений людей»[10].

Разделяя мнение Баха, мы выделяем три основные задачи генетики человека — исследований в этой области и возможного использования их результатов. Во-первых, улучшение (или предотвращение ухудшения) генофонда всего населения. Во-вторых, предупреждение генетических дефектов или их смягчение, исключение их последствий у отдельных лиц и их семей. Если второе направление, которое фактически идентично с медицинской генетикой, в настоящее время является более важным и значительно более развитым, нежели первое, и, по всей вероятности, останется таковым и в будущем, то и первое тем не менее вполне правомерно, потому что ученые, работающие в области генетики человека, ответственны не только перед индивидом, но и перед обществом. Возможные в будущем меры в области генетики человека, направленные на генофонд целой популяции, следует отличать от злонамеренного использования результатов генетики человека в этой области (селекция человека).

Наряду с упомянутыми направлениями медицинской генетики должно быть названо и третье, которое в настоящее время еще не получило достаточного развития в плане исследований и практического использования их результатов, но впоследствии, видимо, станет приобретать все большее значение. Речь идет о том, чтобы изучать и в должной мере учитывать генетические основы здорового человека, их влияние и роль в развитии человека как личности. Эта проблема имеет важное значение для всех институтов воспитания, а также для здравоохранения и социальной политики, особенно в отношении различных возрастных групп, для профориентации многих других областей и организаций, имеющих отношение к человеку, его раз-

витию как личности в различные периоды его жизни, в зависимости от различных условий.

Разделяя и это мнение Баха, мы считаем, что задачи генетики человека и специалистов, работающих в этой области, не могут сводиться только к выяснению явно патологических моментов наследственности, они должны включать также исследование генетики биологических и психических основ человеческого бытия [11]. Относительно генетики человека Н. П. Дубинин формулирует следующую фундаментальную мысль: «Уже сама постановка вопроса о характере генетических структур человека и о возможности их коррекции означает совершенно новый подход к проблеме человека. Без преувеличения можно сказать, что это одна из самых важных и многообещающих идей, которые когда-либо возникали в истории цивилизации» [12].

Исходя из изложенных соображений относительно роли биологии и генетики в научно-технической революции, можно сказать следующее. Результаты биологической науки вообще и исследований в области молекулярной биологии и генетики в частности, которые уже сегодня используются в производстве продуктов питания, в сельском и лесном хозяйстве, в микробиологической промышленности, экологии, медицине и здравоохранении, представляют собой значительный вклад в развитие производительных сил в условиях научно-технической революции. Это позволяет надеяться, что роль биологии во всех названных областях будет расти и дальше. В качестве примера укажем на использование общей генетики в создании новых высокоурожайных сортов пшеницы и риса, гибридной кукурузы и т. д. Генетическая обработка микроорганизмов в последующие годы и десятилетия приведет к созданию производства нового типа (например, микробиологического производства биомассы, которое позволит экономически целесообразно решить проблему пищевого и кормового белка) [13].

К. Хагер подчеркивает значение биологии в настоящее время и в будущем: «...физика поставила на службу человеку силы атома, биология стремится дать ему в руки господство над жизнью на Земле, включая жизненные процессы в самом человеческом организме. Это открывает новые возможности для производства продуктов питания и сырья, сохранения, укрепления и вос-

становления человеческого здоровья, трудоспособности и жизнерадостности, планирования семьи и создания благоприятной для жизни и здоровья окружающей среды.

Наряду с воздействием на жизненные процессы, протекающие в растениях, животных и человеке, стоит задача разработки новой физической и химической технологии производства, основанной на биологических принципах. И в медицинской науке следует ожидать революционного влияния научно-исследовательских работ, базирующихся на результатах и достижениях биологии, особенно микробиологии»[14].

Имея в виду роль биологических наук в процессе превращения науки в непосредственную производительную силу, а также их растущее значение для целенаправленного, ориентированного на человека и среду его обитания воздействия на процессы жизни, Н. П. Дубинин и И. Т. Фролов говорят о вступлении науки в «век биологии» как новом этапе научно-технической революции[15]. Это понятие употребляется, очевидно, по аналогии с понятием «атомный век» и в противоположность техническим и биологизаторским концепциям ясно и однозначно выражает революционный характер, качественные изменения в развитии указанных наук, их выдающуюся роль в развитии познания в целом и в прогрессе производительных сил на данном историческом этапе. Против употребления понятий «революция» и «век» в этом смысле, а не в плане подмены ими качественных изменений в обществе и периодизации общественной истории (социальные революции, исторические эпохи) принципиально ничего возразить нельзя.

Если другие авторы призывают к осторожности в отношении рассматриваемых понятий и их употребления, то это делается потому, что в условиях современного прогресса науки в области фундаментальных исследований, тесного взаимодействия различных отраслей знания, возрастающего значения пограничных научных дисциплин и областей пересечения различных наук представляется проблематичным выделять какую-либо одну науку как определяющую. Осторожность необходима еще и потому, что подобные понятия, как будет показано на примере понятия «биологическая революция», используются буржуазной идеологией с

целью исказить и фальсифицировать содержание и значение науки как социального института, отвергнуть неразрывную связь научно-технической революции с социальным развитием и общественным строем, а также диалектическую взаимосвязь естествознания, общества и человека.

Объективно складывающаяся в определенном смысле ключевая роль биологических наук в целом связана с основной проблемой естественных предпосылок жизни и развития человека в условиях научно-технической революции. Особенно убедительно она проявляется в революционизирующих биологию открытиях молекулярной биологии и генетики. В самом широком смысле этот прогресс знания затрагивает следующие взаимосвязанные процессы и проблемы: взаимодействие научно-технической революции и развития человека; отношение человека к природе; вопросы экологического равновесия и его нарушений; проблемы развития, образования и воспитания человека с учетом полного использования генетических, биологических и психологических факторов; диалектика социальной и биологической адаптации человека к новым условиям цивилизации; вопросы смягчения давления (отягощенности) со стороны патологических мутаций; борьба против наследственных болезней, а также против попыток вмешательства в наследственность человека.

Покажем на примерах, как рассматриваются эти проблемы в буржуазном естествознании. Так, Байч ставит ряд типичных, формулируемых в «общей форме» вопросов, на которые буржуазная идеология дает соответствующие ответы. При этом сознательно отвлекаясь от коренных социальных условий, факторов и возможностей решения поставленных проблем, буржуазные идеологи используют их общую трактовку большинством естествоиспытателей капиталистического мира, которые, если и включают социальные аспекты в рассмотрение вопросов (это делают по большей части те, кто обладает подлинным чувством ответственности), то в лучшем случае лишь в форме призывов к «разуму», «опыту» человека и человечества.

Байч пишет: «Сегодня чаще, чем когда-либо, слышен вопрос: куда идет вид «человек»? Идет ли он по восходящей линии или движется навстречу неизбежному закату? Не создали ли мы окружающий мир таким, что

в нем отчетливо проявляется несовершенство генетической информации вида «человек»?

Не должен ли вид «человек» изменить свою генетическую информацию? Ведь в конечном счете она ответственна за все возникающие трудности, потому что очень медленная биологическая эволюция этой информации не могла поспевать за гораздо более быстрой эволюцией культуры и цивилизации.

Вопросы подобного рода не новы. Во всех великих религиях центральной идеей являются несовершенство человека, земной юдоли его бытия и обещание счастья и спасения в потустороннем мире; в политических идеологиях центральное место занимают надежды и обещания, что эта цель может быть достигнута уже здесь, на Земле»[16].

Таким образом, вопрос о биологическом несовершенстве человека он ставит в прямую связь с исходными положениями религии, с ее обещаниями потустороннего счастья, а последние в свою очередь ставит в один ряд с «главными надеждами и обещаниями политических идеологий», считающих эту цель достижимой на Земле. При этом вопрос о правомерности подобных сравнений остается открытым. Хотя упоминаемые политические идеологии прямо и не указаны, тем не менее ненаучность метода, с помощью которого смешиваются такие разные проблемы, как возможности биологического изменения генетического плана человека, восходящее развитие общества и ориентация религии на потусторонний мир, вполне очевидна.

Другой известный биолог, Портман, желающий обосновать «антропологические представления», отличные от проектов биологической селекции человека и практически исходящие из положений буржуазной философской антропологии, высказывается более определенно. Опираясь на научные аргументы, заслуживающие порой серьезного внимания, он выступает против утопии типа искусственного генетического совершенствования человека, но ставит на одну ступень с ними изменение человека в процессе активного практического преобразования им условий собственной жизни и приправляет все это значительной дозой антикоммунизма. Он пишет: «Некоторые генетики питают надежду, что если с железной последовательностью в течение долгого времени осуществлять селекцию, то в неизвестной нам ро-

довой наследственности это неизбежно приведет к сдвигам в желаемом направлении. Втайне даже надеются на некий «конечный эффект» длительного непрерывного социального воздействия. В действительности же будет иметь место не селекция в генофонде молекулярных структур, а упрочение определенных систем воспитания при помощи террора и насилия, создание такого социального климата, который в большей или меньшей степени способствует внешнему приспособлению индивидов...» [17].

Такие представления, как биологический антропологизм, не преодолеваются и тогда, когда ведется полемика против одного из его вариантов — идеи селективного усовершенствования человека. Некоторые считают, что возможно только одно изменение человека—биологическое. Однако если никакие существенные биологические изменения уже невозможны, то в равной мере признаются невозможными и социальные, общественные изменения, восходящее развитие. В конечном счете остается неизменная, изначально непознаваемая «вечная природа человека». Портман так и утверждает: «Жизнь каждого индивида начинается с исходных позиций элементарного человеческого существования. Осознание этого первоначального условия каждой человеческой индивидуальности является важнейшим моментом того, что мы называем актуальностью; возврат неизбежного, первоначального, исходного пункта элементарного человеческого существования — это и есть то, что мы переживаем как актуальность вневременного. Понимание утопичности селекционных планов генетиков возвращает нас к благоговению перед тайной человека» [18].

В своих рассуждениях о возможностях генетики человека Байч в отличие от других сознательно избегает нашумевших утопических проектов генетического улучшения человека и развивает, подобно Фогелю, программу «малых шагов», содержание и научное обоснование которой мы рассмотрим далее. Но хотя его попытка дать ответ на поднятые им вопросы осуществляется в правильном направлении, он всецело остается в рамках идеалистического мышления. Это особенно отчетливо проявляется, например, в следующих его рассуждениях: «Угрожающей оказывается наша неспособность так устроить окружающий мир, чтобы мы могли оптималь-

но использовать собственные наследственные задатки и не преступать постоянно генетически обусловленные границы нормальных реакций; угрожающей представляется и наша недостаточная способность гуманно регулировать отношения с другими людьми именно таким образом, чтобы каждый человек мог полностью развернуть свои природные задатки и в то же время чтобы его организм не испытывал перегрузок. И в этом смысле, по-видимому, будущее человечества зависит от того же самого, чему оно обязано всеми достигнутыми до сих пор успехами: от способности учиться» [19].

Но когда он отмечает, что «виду «человек» еще предстоит изобрести некий мирный способ организации совместной жизни многих людей» [20], он полностью игнорирует реальное существование социалистического общественного строя, социалистического содружества, в рамках которого уже в течение нескольких десятилетий успешно претворяется в жизнь это «изобретение», практически строится общество без эксплуатации, угнетения, колониализма, общество, в котором постоянно улучшаются социальные условия для развития наследственных задатков каждого человека.

Когда же он говорит о процессе «обучения», то имеет в виду не происходящий в обществе процесс «обучения» человека в ходе классовой борьбы, построения коммунистического общества, не обеспечение оптимальных социальных условий для развития природных задатков и действительного обучения индивидов, а «более глубокое изучение специфических фенотипических процессов, именно самих процессов обучения и мотивации обучения, с тем чтобы суметь предоставить каждому принадлежащему к виду «человек» индивиду оптимальные шансы для его индивидуального процесса обучения» [21].

В другой статье Байч высказывает весьма интересную мысль о значении совокупности признаков, характеризующих человеческую способность к обучению, в соотношении с признаком «быть способным создавать и применять язык», тесно связанным со способностью осуществлять культурную эволюцию. Соглашаясь с взглядами Добжанского, Байч пишет: «Культура стала, очевидно, самым мощным средством приспособления окружающей среды человека к его генотипу...» [22] Однако продолжение этой мысли у него звучит скепти-

чески и пессимистически: «Вопрос о том, удовлетворяет ли еще современным требованиям та конфигурация генетического плана совокупности признаков, характеризующих способность к обучению, которая сформировалась в итоге отбора на протяжении всего развития человечества, остается открытым...

Открытым является вопрос и о том, окажется ли достаточным наличное множество фенотипических способностей к обучению, для того чтобы организовать и стабилизировать систему человек — окружающая среда еще до того, как она погибнет вследствие очевидной асимметрии, созданной нами самими»[23].

И наконец, завершает он эту работу той же самой пессимистической, с биологизаторских позиций сформулированной мыслью: «Возникает вопрос, окажется ли способность к обучению у человечества достаточной для того, чтобы справиться с трудностями и дефектами в системе человек — окружающая среда, которые мы сами произвели на свет».

Байч исходит из следующего утверждения Эйнштейна: чтобы выжить, человечеству необходим новый способ мышления. Он пишет в заключение: «Напрашивается вопрос и охватывает озабоченность по поводу того, будет ли достаточной способность вида «человек» к обучению, чтобы развить новый способ мышления»[24].

В связи с этим необходимо сделать два замечания. Первое: обращает на себя внимание явный параллелизм данных соображений с теми аргументами, которыми Ледерберг и Хаксли обосновывали концепцию селекции человека с более высоким интеллектом. Эту концепцию как путь к решению проблемы Байч отвергает, но она сама собою вытекает из его пессимизма, потому что он не учитывает прогрессивное общественное развитие в современную эпоху — эпоху закономерного перехода от капитализма к социализму.

Соответствующая аргументация Ледерберга гласит: «Отвечая на вопрос д-ра Броновского относительно наших мотивов, я заявляю, что большинство из нас считает современное население всего мира недостаточно интеллигентным для того, чтобы оно могло предотвратить всеобщее уничтожение»[25]. Едва ли можно сформулировать биологизаторскую точку зрения более отчетливо!

С первым замечанием тесно связано и второе. Когда речь заходит о новом способе мышления, то под этим следует подразумевать только новое содержание мышления, а именно новое качество общественного сознания, познавшего условия и закономерности освобождения рабочего класса и всего общества от эксплуатации и угнетения, закономерности построения и развития нового общества, в котором люди все более сознательно созидают и подчиняют своему контролю как общественные отношения, так и отношение к окружающей среде. Этот новый способ мышления, новое общественное сознание возникает, как известно, не путем биологического выведения человека с более высоким уровнем интеллекта, а на базе материальных общественных отношений, вытекает из объективного положения рабочего класса при капитализме и развивается в полную меру благодаря материальным условиям общественного бытия при социализме.

Возвращаясь к мысли Н. П. Дубинина и И. Т. Фролова относительно «века биологии» и к объективным основам этой формулировки, мы считаем необходимым подчеркнуть, что указанные авторы последовательно выступают против всех биологизаторских представлений и выводов. Они утверждают, что все ступени и формы реализации имеющихся и будущих достижений медицины и здравоохранения (в поиске и применении методов регулирования биосферы и биогеоценозов, в овладении законами направленного изменения наследственности) определяются социальными факторами[26].

Они последовательно опровергают технократические и антинаучные воззрения, разоблачают основы и функции социал-дарвинистских теорий о генетически обусловленной неизменности социальной сущности человека, а также концепций неизбежного разрушения природной среды, культуры и морали вследствие развития науки и техники. Но в то же время они настаивают на необходимости полностью охватить новое в субъект-объектных отношениях человека, появляющееся в условиях научно-технической революции. «Такое понимание взаимодействия процессов научно-технического прогресса и человека предполагает активную его адаптацию не только в виде социальных реакций, изменяющих (смягчающих или снимающих) отрицательное воздействие некоторых проявлений научно-техническо-

го прогресса на биологию, психологию и генетику человека, на природное окружение, в котором он живет» [27].

Отмеченные общественные проблемы тесно связаны с отношением общества и человека к природным условиям их жизни и развития, в решающей степени обусловленным интересами господствующего класса. Ими же определяются содержание и характер соответствующих концепций, их мировоззренческих и социально-этических основ, а также практический подход к решению рассматриваемых проблем. Их мировоззренческая и социально-этическая значимость, связь с гуманизмом, с нравственными ценностями, обусловленными общественным строем и классовыми интересами, особенно отчетливо проявляются в вопросах, относящихся к исследованию биологических и молекулярных основ наследственности человека и к практическому использованию его результатов [28]. Именно здесь, и особенно в вопросах генетики человека, решительно расходятся ученые, стоящие на различных мировоззренческих и социально-этических позициях. Именно здесь буржуазные идеологи осуществляют подмену понятия «качественный прогресс в биологии», который с большой осторожностью следует называть «революцией в биологии», учитывая его место и значение в научно-технической революции, в развитии науки, понятием «биологическая революция», которая якобы должна занять место социальной революции.

Место и функции биологизаторского варианта буржуазной антропологии

Критика концепций «биологической революции», и прежде всего различных евгенических утопий, а также пессимистических выводов относительно развития науки и культуры, диктует необходимость выяснить место, функции, особенности биологизаторских концепций буржуазного антропологизма в современной империалистической идеологии. Сказанное убеждает нас, что существует самая тесная — содержательная и идеологическая — связь социал-дарвинистских и евгенических концепций с теми их вариантами, которые приобретают особое значение, поскольку непосредственно выходят на проблемы экологии.

Сначала о месте и функциях биологизаторской антропологии в современной идеологии империализма. Революционное преобразование общества, совершаемое в процессе строительства социализма и коммунизма, ведет к формированию нового человека. Без этого нового человека, его всестороннего развития построение коммунистического общества так же невозможно, как и без материально-технической базы коммунизма. Основой изменения сознания широких масс, формирования социалистической личности является преобразование общественного бытия, осуществляемое благодаря активной деятельности людей в процессе революционной практики, тесно связанное с воспитанием и самовоспитанием человека.

Таким образом, изменение человека, формирование нового социального типа личности неразрывно связано с изменением всех общественных отношений, с ведущей ролью рабочего класса и его развитием, с усвоением его классовых интересов всеми входящими в него индивидами, а также его союзниками по классовой борьбе.

Углубление общего кризиса капитализма, обострение его противоречий находят свое выражение в кризисе человеческого существования в эксплуататорском обществе. Это проявляется в нравственной деградации человека, культе жестокости и насилия, деформации и разрушении человеческих связей, в отчуждении человека, растущей преступности, распространении наркомании, порнографии и т. п.

Указанные процессы объясняют, почему, как пишет П. Н. Демичев, «проблема человека оказалась в центре внимания многих социальных и философских теорий»[29]. И если марксистско-ленинской философии совершенно чужд философский антропологизм в какой бы то ни было форме, то буржуазной идеологии присущи самые разнообразные формы мировоззренческого антропологизма.

Представители буржуазной ревизионистской идеологии также нередко облачают свои нападки на реальный социализм и революционное марксистско-ленинское учение в форму антропологических концепций о сущности «человека», о якобы существующем при социализме отчуждении, о свободе индивида, который будто бы изолирован от общества и т. д.

Абсолютизация индивида, искажение или отрицание

диалектических взаимосвязей индивида и общества, постулирование абстрактной сущности человека, который не принадлежит ни к какому классу, ни вообще к действительности и существует, как писал К. Маркс, лишь «в туманных небесах философской фантазии»[30],— таковы основные принципы рассмотрения проблем человека в буржуазной философской антропологии. Ее критический анализ был дан в работах ученых ГДР О. Бергнера[31] и Р. Лётера.

Бергнер различает три основных типа антропологических концепций: субъективистский иррационализм в форме экзистенциалистской антропологии, сайентистский субъективизм в форме технократических, структуралистских и социологических представлений о человеке и, наконец, биологизаторский антропологизм. Лётер, как и Бергнер, обращает внимание на теоретическую связь между концепциями современной буржуазной философской антропологии, биологизаторскими направлениями в форме неофрейдизма и искаженным истолкованием этологии и генетики. Он рассматривает прежде всего взгляды Шелера, Плесснера, Ландсберга, Гелена и Хенгстенберга и выявляет, в какой мере они затрагивают биологическую основу человека и включают ее в свои концепции. Философская антропология, как показывает Лётер, имеет своим исходным пунктом сравнение человека и животного, хотя обосновывается и развивается она вне рамок соответствующих специальных наук. Советский философ И. Т. Фролов, рассматривая соотношение современной науки и гуманизма, также анализирует технократические концепции и внешне противостоящую им романтически-утопическую, проникнутую ностальгией «критику науки», вскрывает мнимоальтернативный характер соотношений сайентизма и антропологизма[32].

Биологизаторские варианты буржуазной антропологии, которые в рамках буржуазных теорий об обществе и человеке все более выступают на передний план и спекулируют на оживлении психоаналитических концепций фрейдизма, а также на извращении смысла результатов этологии и генетики, призваны выполнять специфические функции в рамках общих концепций буржуазной идеологии.

На основе заведомо неправильного истолкования биологического и социального, соотношения животного

и человека, т. е. вопросов, имеющих принципиальное научное и мировоззренческое значение, предпринимается попытка доказать вечность, неизменность «природы человека», его врожденную безнравственность, подчиненность инстинктам и низменным влечениям. С помощью такого рода концепций, призванных, по мнению их авторов, обновить социал-дарвинизм, затушевываются основные противоречия империализма. Разрушение личности и деформирование человека в буржуазном обществе объясняются не иначе как «природой» человека, его генетическими основами, унаследованными им от животных предков агрессивными влечениями. Таким образом достигается явно апологетическая цель: представить кризис буржуазной личности как общий кризис всего человечества и объявить невозможными какие-либо социальные изменения и прогрессивное развитие человека в социалистическом и коммунистическом обществе.

Спектр идеологических функций биологизаторских концепций простирается от биологического обоснования различных теорий элиты до утверждения неискоренимости войн, проистекающих якобы из природной агрессивности человека. В пропаганде подобных взглядов большую роль играют поддержка и авторитет буржуазных естествоиспытателей, выступающих с биологизаторскими представлениями о человеке, находящимися в тесной мировоззренческой и теоретической связи с философской антропологией. Спекулируя на реальных достижениях и проблемах современного научного познания взаимосвязей биологического и социального, на новейших результатах исследования генетиками и этологами природных и генетических основ человеческой жизни, буржуазные идеологи стремятся оказывать влияние на духовный климат в обществе. Это осуществляется и путем массового тиражирования в форме бестселлеров работ буржуазных естествоиспытателей, и посредством широкой пропаганды всякого рода псевдонаучной литературы, разносящей захватывающие дух генетические утопии и усиленно культивирующей антропологически окрашенный, утонченный антикоммунизм, который, будучи прямо или косвенно направлен против марксистско-ленинского понимания общества и человека, против всех ценностей реального социализма, является апологетикой империализма.

Основные направления буржуазной интерпретации генетики человека

В капиталистических странах в дискуссиях по различным проблемам прогресса в биологии и медицине, особенно по вопросам генетики и ее применения, выявились три главных направления, причем во взглядах отдельных биологов и генетиков и еще более интерпретаторов из лагеря профессиональных идеологов и журналистов нередко наблюдается взаимное наложение и совмещение этих направлений.

Сторонники первого направления отстаивают практическую ориентацию научных исследований и применение их нынешних и будущих достижений в целях неограниченного манипулирования процессами наследственности и продолжения рода, вообще биологическими основами человека, считая это всеисцеляющим средством от социальных пороков и противоречий капитализма, нравственной деградации и кризиса человека, экологического кризиса и т. д. Выдвигаемые здесь цели и предложения, как и их обоснование, весьма различны. По существу таким образом утверждается биологическое «объяснение» или апологетическое «обоснование» общественных явлений и отрицается определяющее значение социального во взаимодействии социального и биологического.

Авторы наиболее реакционных вариантов откровенно ставят целью биологически обосновать, а главное — увековечить классовое господство эксплуататоров посредством выведения особых рас сверхлюдей и рабов, отрицая при этом социальную обусловленность прошлого и будущего прогрессивного развития человека. В данном случае речь идет об упоминавшихся концепциях «биологической революции», выдвигаемой в качестве альтернативы революции социальной. Тем самым делается попытка отвлечь внимание от необходимости глубоких изменений в общественных отношениях, которые можно осуществить лишь в ходе революционной борьбы рабочего класса, ведущей к освобождению человека от эксплуатации, угнетения, колониализма, войн, безграмотности и нужды, к предотвращению разрушения окружающей среды. Все внимание переключается на биологическое манипулирование индивидом. Рассматриваемые концепции отражают кризис человека и

представлений о человеке в современном буржуазном обществе.

Содержание и выводы концепций биологической революции относительно человека и человечества Лётер резюмирует следующим образом: «В качестве практического результата современной биологии предсказывают появление людей, которые благодаря искусственной «селекции» будут устойчивы против облучения, отравления окружающей среды и инфекционных заболеваний, а также свободны от наследственных болезней. Они будут зачинаться в пробирке и развиваться в искусственной матке. Их дарования и таланты будут программироваться заранее, их пол будет предопределяться, их воля будет управляться с помощью электроники. Предусматриваются также различные формы людей, а также химеры, смешанные существа, состоящие из автомата и человека и предназначенные для различных условий обитания — от морских глубин до других небесных тел»[33].

Второе направление представляет собой в известной мере реакцию на подобные взгляды, но его не следует принимать за действительную альтернативу. По существу оно остается в рамках поставленного на голову биологизма, поскольку, ссылаясь на охарактеризованные выше концепции, его представители усматривают основную опасность для человечества в прогрессе биологии, современной генетики и вообще науки и техники и тем самым отвлекают внимание от действительной опасности, грозящей человеку в современном буржуазном обществе и заключающейся не в последнюю очередь в использовании с преступными целями научно-технического прогресса вообще и прогресса в биологии и генетике в частности. Это направление враждебно науке и прогрессу. Его сторонники затушевывают классовый характер реакционных евгенических проектов генетической манипуляции человеком. В то же время, обвиняя биологию и генетику в появлении таких концепций, они хотели бы наложить на все более полное и глубокое научное познание человека консервативный и даже клерикальный запрет. Это культурно-пессимистическое направление по своей объективной функции не менее реакционно; оно является составной частью, точнее, поставщиком аргументов для активизирующегося антисайентизма.

В публикациях буржуазных авторов оба варианта нередко встречаются вместе: с одной стороны, широко и детально излагаются и смакуются сенсационные евгенические проекты и утопии, что фактически является их своеобразной пропагандой, а с другой — к этому добавляются культурно-пессимистические стенания. Такой способ подачи материала, часто используемый и средствами массовой информации капиталистических стран, не служит целям просвещения и не является предупреждением от опасностей, с его помощью осуществляются биологизаторские манипуляции сознанием масс.

Суть дела не меняется и тогда, когда в рамках подобного изложения предоставляется слово представителям третьего направления, серьезные, научные и трезвые аргументы которых все же не могут предотвратить или решающим образом ослабить действие преподносимых в сенсационной форме концепций первого и второго направлений. Своеобразным примером сочетания первых двух направлений служит ставшая бестселлером книга английского биолога и публициста Гордона Рэтрея Тэйлора «Биологическая бомба замедленного действия» [34].

К третьему направлению принадлежат многочисленные ученые и врачи. В подавляющем большинстве это не марксисты и даже близко не стоящие к марксизму люди, но их характеризует демократическое умонастроение. С позиций традиционного буржуазного естественнонаучного гуманизма они критикуют взгляды сторонников первого и второго направлений и выступают за использование новых результатов генетики исключительно на благо человека. Мы еще обратимся к данному направлению, когда будем специально рассматривать проблемы этики ученого, здесь же ограничимся следующими замечаниями.

Гуманизм этих естествоиспытателей, несмотря на свою ограниченность, является действенной силой в борьбе против коренящегося в самой сути империализма враждебного человеку использования науки. Мы во многом разделяем принципиальные цели их критики, направленной против антигуманистических и антинаучных концепций, и видим в них реальных или возможных союзников. В последнее время появились явные признаки того, что их число и влияние именно в области гене-

тики начинают возрастать. Об этом можно судить, например, по сообщению Турбина о XIII Международном конгрессе генетиков, проходившем в августе 1973 г. (США) [35].

Однако следует учитывать также и то обстоятельство, что и у этих ученых существует разрыв между биологическим научным знанием и их мировоззрением, несущим на себе печать буржуазной идеологии, их пониманием человека, поскольку им свойствен пессимизм относительно последствий научно-технического прогресса, соотношения человека, природы и общества, религиозно-идеалистические воззрения. Противоречивость воззрений обусловлена их общественным положением, отрывом от рабочего класса, в ней проявляются также отрицательные последствия все более узкой специализации в науке [36].

Концепции «биологической революции». Данные концепции тесно связаны с буржуазной футурологией, представители которой уделяют большое внимание вопросам общей генетики и генетики человека, а также возможностям использования ее результатов в будущем. Совершенно очевидно содержательное и идеологическое родство представлений о «биологической революции», революционизирующем воздействии биологии на общество и человека с технократическими концепциями, согласно которым научно-техническая революция без социальной революции, вместо нее якобы автоматически разрешает все противоречия капитализма. Налицо и самая тесная связь с утверждениями о возможности технически реализовать любую идею, провозглашающими всемогущество науки и ее понимание в духе инструментализма. Состояние благодушия, которое навевают эти концепции и основанные на них конструкции будущего, в 60-х годах охватило буржуазную идеологию; оно в определенном смысле отвечает биологизаторским пророчествам, содержащимся в концепциях «биологической революции» [37].

Так, в известном прогнозе Хельмера (Рэнд корпорейшн) предсказывается большое число возможных научных открытий в области биологии к 2000 году [38], которые, подобно прогнозам Тэйлора, выдаются за исходный пункт моделей «биологической революции». В своих предсказаниях Тэйлор, например, исходит из того, что все научные рекомендации непременно будут реализо-

ваны, хотя и отмечает, что это зависит от социальных и экономических соображений. Он перечисляет проекты создания химеры «человек-животное», «отделенного от тела мозга», «клонированного человека», «комплекса мозг-мозг», химеры «человек-машина», в самом содержании которых заложен явно антигуманистический смысл. В некоторых из таких разработок, выдаваемых за технически исполнимые, хорошо видно неоднозначное применение открытий генетики, которые можно использовать как для реализации биологизаторских идей, так и для оказания помощи больным, устранения генетических и других пороков, для повышения работоспособности человека.

«Биологическую революцию» часто пропагандируют в своих сенсационных публикациях люди, далекие от биологии и руководствующиеся сомнительными идеологическими мотивами. Они объясняют необходимость подобной «революции» якобы существующим биологическим несовершенством и неприспособленностью человека к созданной им среде, «биологической деградацией человека» вследствие прогресса медицины, угрозой «генной смерти», недостаточностью развития интеллекта человека, будто бы существующей опасностью для «интеллигентов» (социально и биологически «высокоценных» людей) со стороны «неполноценных», число которых, по их мнению, значительно возрастает. Дальше всего идут те, кто намеревается с помощью биологической манипуляции закрепить нынешнюю социальную структуру и управлять социальным поведением, чтобы исключить таким образом всякие революционные выступления. Те же цели преследуют и авторы широко пропагандируемых предложений по применению фармакологических или электронных средств управления волей человека. Реакционный публицист Блюхель, например, писал в вышедшей в 1971 г. в ФРГ книге: «Сверхчеловек есть смысл земли — так сказано в «Заратустре» Ницше. Но он не может оставаться продуктом случайных мутаций, более того, его планомерное выведение является важнейшей задачей будущего человека»[39].

Следует учитывать, что разработка и распространение антигуманных проектов, опирающихся на достигнутый уровень развития науки и ее будущие результаты, свидетельствуют о враждебной человеку сущности империализма. Поэтому необходимо помнить о реальной воз-

можности злоупотреблений научными достижениями, обусловленной экономической и социальной мощью империализма, его влиянием на развитие буржуазной науки. Ни в коей мере нельзя игнорировать значение таких соображений, тем более что они, как правило, обладают бóльшим воздействием на публику, нежели серьезные и объективные высказывания ученых, поскольку специально предназначаются для формирования определенных идеологических установок. Модели биологизаторской манипуляции человеком, «биологического совершенствования» человечества были развиты ведущими буржуазными естествоиспытателями еще в 60-х годах. Особенно известны модели, предложенные на симпозиуме, организованном Международным фармакологическим концерном CIBA в 1962 г., на котором известные ученые (среди них многие — лауреаты Нобелевской премии, например покойный Мюллер, Ледерберг, Дж. Хаксли, Крик, Халдейн и др.) всерьез обосновывали целый ряд возможных в будущем планов биологического совершенствования человечества, охарактеризованных как весьма желательные. Последнее нужно подчеркнуть особо, ибо существует мнение, будто во время этой встречи участники ее просто «невинно» пофантазировали[40]. По существу же речь идет о следующих предложениях и планах.

Генетическое улучшение человечества путем искусственного оплодотворения женщин спермой «генетически полноценных доноров», сохраняемой в специальных спермобанках (Мюллер). Мюллер, который годами пропагандировал эти грубые методы, варьируя, правда, понятие «полноценный донор», и рекомендовал их добровольное использование «прогрессивными партнерами по браку», всерьез считал возможной разработку и использование таких новых методов, как сохранение яйцеклетки, развитие зародышевых клеток на ранней стадии вне тела матери и сохранение их в глубоко замороженном состоянии, наконец, внеполовое размножение посредством клонирования, которое с успехом было осуществлено на лягушках и в случае его возможного применения в отношении человека могло бы в следующие десятилетия привести к появлению множества генетических близнецов.

Ледерберг отвергает возможность применения к человеку метода соматической селекции, разработанного

при выведении пород животных, из-за медлительности его действия и выступает за более результативную, по его мнению, генетическую манипуляцию, «благодаря которой за одно или два поколения евгенической практики удалось бы достичь того, на что сегодня требуются десятки или сотни поколений». Он имеет в виду прежде всего усиление мощи человеческого интеллекта и надеется осуществить это (наряду с прочим) посредством селекции и дородового вмешательства в развитие зародыша, что будто бы позволит добиться увеличения размеров человеческого мозга.

Крик и Пири ставят под сомнение право каждого человека иметь детей. Они считают вполне допустимым и даже достойным рекомендовать введение обязательного разрешения на это со стороны государства и выдачу соответствующих лицензий для элиты. Введение ограничений на рост народонаселения в развивающихся странах при определении условий экономической помощи было предложено Дж. Хаксли еще в 60-х годах. Оно и сегодня пропагандируется как путь решения проблемы «демографического взрыва». Дж. Хаксли рекомендует путем строгого контроля за рождаемостью добиться отбора на интеллектуальность, специальные дарования, ловкость, красоту и другие качества.

Наконец, обсуждались разнообразные варианты выведения особых рас людей — от переходных форм между человеком и обезьяной до типов людей, специально приспособленных для выполнения специфических функций и определенных видов деятельности [41].

Для обоснования подобных проектов обычно указывают прежде всего на ухудшение общих качественных характеристик мирового населения вследствие накопления генетических дефектов, обусловленных тем, что прогресс медицины исключает естественный отбор, а также на увеличение мутаций в результате повышения радиоактивности, на слишком низкий уровень развития человеческого интеллекта или угрозу его снижения, на демографический взрыв. Поэтому, отмечает Дж. Хаксли, «направление эволюции начало менять свой знак с положительного на отрицательный, с прогресса на регресс...», и именно биологи обязаны «разъяснить миру, что будущее человечества находится в опасности. Если современные тенденции и далее будут осуществляться бесконтрольно, человечество в конечном счете превратится

в раковую опухоль нашей планеты, вместо того чтобы быть хозяином своей дальнейшей эволюции»[42].

Луриа, считающий самой большой проблемой последующих десятилетий рост народонаселения, видит главную опасность (и прежде всего в области социального развития) в том, что могут быть предприняты «попытки создать для определенных индивидов или целых групп преимущества в продолжении рода на основе их телесных, духовных или расовых признаков...». Это породило бы «условия для новых форм угнетения... Геноцид, вероятно, стали бы оправдывать не волей господа, законом джунглей или потребностями Пентагона, а требованиями евгеники»[43]. И далее: «В обществе, охваченном конкуренцией, проникнутом кастовым сознанием и погоней за властью, возможность улучшить людей посредством селекции или манипуляции над яйцеклетками, сперматозоидами или генами могла бы только усилить угнетение и неравенство. Это послужило бы массовому производству рабов, послушно тянущих свою лямку, и взращиванию элиты совершенно идентичных господ...»[44] Он вполне правильно утверждает, что познание наследственности человека не дает никакого научного оправдания евгенике[45].

Однако, когда на этом основании он делает вывод, что «генетики не признают попыток разделить людей, например нации или расы, на «полноценные» и «неполноценные»»[46], с ним нельзя согласиться. Конечно, мы не можем возлагать ответственность на биологов и генетиков за появление и реакционную роль социал-дарвинизма и расизма, но нельзя отрицать того, что некоторые биологи и генетики поставляли и поставляют для них псевдонаучные «обоснования». Следует напомнить, например, социал-дарвинистские положения и апологетику социальной структуры буржуазного общества с помощью генетического обоснования различий в общественном положении, в образовании и умственных способностях у социальных групп, классов и рас, содержащиеся в высказываниях Дж. Хаксли, Ильзы Швидецки, Дарлингтона и др.[47]

Турбин пишет, что на XIII Международном конгрессе генетиков в США велась полемика против усиливающегося в последние годы влияния социал-дарвинизма, представители которого пытаются доказать, что различия в духовном развитии рас и социальных групп обу-

словлены наследственностью. Отсюда они выводят соответствующие рекомендации по сохранению чистоты генофонда «высших рас» посредством разделения их в школах, принудительной стерилизации «неполноценных лиц», а также мер в области социальной политики и иммиграции. Все это обосновывается псевдонаучными аргументами буржуазных генетиков, евгеников и специалистов по расовым теориям, дающих заведомо ложную интерпретацию тестов на умственные способности у представителей различных социальных групп и рас [48].

В связи с этим Турбин подчеркивал (и это мы хотим отметить особо, поскольку в настоящее время участились нападки на генетику, ее достижения и отдельных представителей), что большинство генетиков не согласны с расизмом и социал-дарвинизмом. Они решительно выступили на конгрессе и перед общественностью против злонамеренного использования науки в реакционных политических целях для оправдания расовой и классовой дискриминации, против необоснованных утверждений о том, что различия в умственных способностях у представителей различных социальных и расовых групп определяются наследственностью [49]. Что касается концепции «биологической революции» и ее идеологической функции, то об этом достаточно ясно высказался Тэйлор: «Мы находимся сегодня... на пороге биологической революции, подлинной революции двадцатого века; она окажет на человеческую жизнь более глубокое влияние, чем промышленная революция девятнадцатого века и технологическая революция, переживаемая нами ныне» [50].

Итак, оказывается, биологическая, а не Великая Октябрьская социалистическая революция, не революционное преобразование мира в процессе перехода от капитализма к социализму составляет главное содержание нашей эпохи и является подлинной революцией двадцатого века. Совершенно ясно, что понятие революции применяется здесь не просто для обозначения качественных изменений в биологической науке, происходящих в ходе научно-технической революции и представляющих собой одну из ее важных научных основ. Оно употребляется как альтернатива революции социальной. Более того, о «биологической революции» говорят как о феномене, имеющем гораздо большее значение, чем социальная революция.

Следует отметить, что Тэйлор характеризует современные и будущие открытия биологической науки, особенно генетики, и их использование в подчеркнуто сенсационном духе. Он популяризирует и пропагандирует авантюристические, утопические, а зачастую антигуманистические извращения и варианты использования этих открытий как якобы единственно возможные, не учитывая зависимость развития науки, ее целей, взаимосвязей, условий разработки и использования открытий от общественного строя, господствующих классовых интересов. Вследствие этого он оказывается в одном ряду со сторонниками «биологической революции», технобиологической футурологии, тезиса «технически все возможно» и выступает глашатаем идей культурно-пессимистического направления буржуазной идеологии.

Концепции культурного пессимизма и антисайентизма. В последние годы все интенсивнее выдвигаются на первый план пессимистические концепции, авторы которых пытаются возложить ответственность за исходящую от империализма опасность для человечества (от войн до разрушения окружающей среды) на науку и технику, технический прогресс, промышленное развитие. Поэтому революционное низвержение империалистической системы господства, становящееся все более необходимым вследствие обострения ее противоречий, представляется ими как неизбежная гибель человечества в результате угрожающего прогресса и роста науки и техники. Эти варианты буржуазной идеологии распространяются сторонниками усиливающихся консервативных течений, а также близких к левому экстремизму направлений «критики науки». И хотя «пессимистическое» направление сегодня более влиятельно, все же следует отметить, что «оптимистический» и «пессимистический» варианты уже долгое время сосуществуют друг с другом [51].

За несколько лет до того, как представители «Римского клуба» предупредили мир об угрозе катастрофы и гибели, Тэйлор заявил, что эта угроза гибели человечества исходит от использования открытий биологии. При этом он, как и нынешние авторы различных вариантов культурного пессимизма и антисайентизма, молчаливо предполагал вечное существование капитализма. Именно отрицание определяющей роли социальной революции, успехов в строительстве социализма и коммунизма не позволяет ему и другим (даже отвлекаясь от

сознательной апологетики) понять огромные потенциальные возможности, заложенные в развитии науки и техники, в том числе биологической науки и генетики, для расширения и углубления господства человека над внешней и собственной природой в условиях социализма и коммунизма и увидеть в новом общественном строе основу предотвращения опасностей, о которых много раз предупреждал он сам либо приводил тревожные высказывания других авторов. Тэйлор писал: «...новые открытия в биологии имеют очень глубокие последствия, и можно предположить, что они способны разрушить западную цивилизацию, если не всю мировую культуру» [52].

Он касался вопросов о контроле над объемом и направлением научных исследований, о возможности «замораживать» их результаты, но пессимистически оценивал перспективы их положительного решения. С позиций пессимизма он оценивал и возможность ответить на вопрос о том, «к какому обществу мы стремимся», высказывая при этом определенные намеки на некоторые характерные для капиталистического общества противоречия и особенности их проявления. Главной трудностью, с которой мы сталкиваемся при попытке справиться с проблемами, поставленными современной биологией, указывал он, является незнание того, «как должен выглядеть мир, которого мы желаем для себя» [53].

Неуверенность в будущем и пессимизм подобных концепций объективно обусловлены действительной бесперспективностью капитализма, они тесно связаны с незнанием или игнорированием социализма как научно и практически доказанного закономерного будущего всего человечества, существующего сегодня в странах мировой социалистической системы. Тэйлор выражал в своих выводах безысходный пессимизм и этот страх перед будущим переносил на все человечество, в том числе и на социализм. «Если биологическая революция будет распространяться бесконтрольно, то на исходе двадцатого века она принесет человечеству такие же бедствия... какими были перенаселенные, грязные и нездоровые нищенские трущобы девятнадцатого столетия... оставленные машинной революцией... Последующие поколения, если они вообще будут существовать... должны бороться против этого. В противоположность индустриальной революции последствия биологической револю-

ции затронут не только некоторые западные страны; по всей вероятности, весь мир станет огромной ареной биологического бедствия и запустения...»[54].

Может показаться, что в выражении пессимизма и ощущения приближающейся катастрофы, а также незнакомства с достижениями социализма дальше идти некуда. Он писал: «Мы не знаем никаких средств и путей преобразования структуры нашего общества. Если окажется выгодно продлить жизнь пожилым, мы сделаем это, независимо от того, какое влияние окажет на культуру столь радикальное изменение возрастной структуры нашего населения. Если будет выгодно конструировать химеры «человек-животное», то мы будем производить и их. Если же покажется привлекательным «стирание» памяти, мы будем делать и это. Чтобы найти выход из создавшейся ситуации, нам нужно иметь больше фантазии и деятельной силы, чем мы обладаем ими на Западе и на Востоке. Ныне создается впечатление (и не без основания), что мир готов, подняв развевающиеся знамена, отправиться в ад, и, вероятно, он сделает это»[55].

Тэйлор характеризовал отношение общества к науке и ученым, к их роли и указывал на ряд явлений, которые все заметнее выступают сегодня в странах империализма. С одной стороны, он положительно оценивал уже упомянутый симпозиум CIBA как выдающееся событие и особо отмечал «чистые размышления этих пионеров будущего», что, кажется, противоречит его тревожным предупреждениям, сомнениям и озабоченности. Единственный выход он видел в том, чтобы поручить использование открытий биологии группе лиц, просвещенных и осознающих свою ответственность. С другой стороны, он предрекал, что общество выступит против науки, что против нее может возникнуть сильная оппозиция. Он развивал эти соображения в связи с вопросом об ответственности ученого за просвещение населения и своевременное предупреждение общественности об опасности и проблемах, возникающих в процессе использования научных достижений, причем характерен уже сам заголовок раздела, посвященного данным вопросам: «Ученый на скамье подсудимых»[56].

Он пришел к заключению, что «биологи предпочитают прятать голову в песок, вместо того чтобы задуматься над последствиями своей деятельности для со-

циальных отношений»[57], но в такой категорической форме этот вывод так же ошибочен, как и приведенное выше мнение Луриа о генетиках.

Столь же ошибочны и не менее опасны взгляды фрейбургского биолога Хаусмана, который говорит, с одной стороны, о захватывающих перспективах и необходимости применения генетических трюков как самоцели, а с другой — о страхе перед губительным развитием, являющимся следствием иррационального компонента подсознательного, порожденным некой присущей человеческой душе потребностью. Эти взгляды опасны потому, что в них высказывается мнение, будто наука, отнявшая у людей веру в сказочное, должна служить «подсознательному требованию иметь эрзац сказочного»[58], и это является якобы одной из причин популярности дискуссий о генетической манипуляции.

Он утверждал: «...все, что пишут относительно генетической манипуляции, нельзя обосновывать желанием помочь человечеству, ибо это скорее лишь предлог для оправдания иррационального наслаждения открытиями как таковыми, которое специалисты в области молекулярной биологии, очевидно, не могут подавить»[59]. Вероятно, нечто подобное имеет место; наверное, для этого есть как социальные причины, так и индивидуальные, кроющиеся в характере, в недостаточно развитом сознании собственной ответственности. Но когда речь заходит о развитии и использовании генетики человека на благо или во вред человеку, решающую роль играют социальные условия и причины. Обращение к иррациональному, подсознательному, характеристика специалиста в области молекулярной биологии как своего рода «Франкенштейна» способствуют тому, что внимание отвлекается от самых важных вопросов и опасность усматривается прежде всего в науке, в ученом, а не в буржуазном обществе, использующем в преступных целях науку и ученых.

В связи с прогрессом молекулярной биологии и генетики человека в последние годы усилились нападки на науку со стороны представителей культурно-пессимистического направления, выступающих по видимости против упомянутых антигуманистических проектов и утопий биологизма, а на деле — против научно-материалистического объяснения наследственности и жизни человека и прикрывающихся при этом этическими сообра-

жениями. Поскольку они ищут опасность для человека не там, откуда она действительно исходит, и указывают в качестве таковой на прогресс познания в биологии, и особенно в генетике, постольку их аргументы обращены принципиально против научного прогресса, а также против возможного использования новых знаний на благо человека. Уже в заголовках ряда работ этого направления выражается концепция консервативно-клерикальной опеки над наукой. Таковы, например, название книги Т. Регау «Люди по чертежу. Человек как материал в руках бездушной науки», книги Р. Кауфмана «Изготовители людей. Будущее человека в биологически управляемом мире».

Хотя в работе Ф. Вагнера «Манипулирование человеком посредством генетики. История, методы, цели и последствия» и подвергаются критике взгляды некоторых биологов, в том числе участников упоминавшегося симпозиума CIBA, и даже приводятся отдельные правильные аргументы, однако в целом характер аргументации таков, что в ней ощущается явно враждебное отношение к науке. Так, «критика» взглядов Мюллера преподносится следующим образом: «...этот попутчик коммунизма пытается избавить женщину от «первобытного статуса рабыни» с помощью легализации абортов и других средств контроля над рождаемостью...»[60] При этом критика положений Мюллера дается с позиций консервативно-клерикального догматизма, который является всего лишь иной формой реакционного сознания. Мимоходом упоминаются некогда имевшие место симпатии Мюллера к коммунизму, на него навешивается ярлык «попутчика коммунизма» с целью вызвать у читателя впечатление, будто искусственная селекция человека, антигуманизм и коммунизм суть явления одного порядка.

Подобного рода «критики» в изобилии извергают нападки на генетиков в таком, например, духе: «Большинство генетиков столь же мало заботятся о последствиях своих исследований, как и банковские чиновники о финансовой политике Международного банка или своего правительства»[61]. Здесь гибель человечества — или в лучшем случае «биологически-генетический террор» — изображается как нечто неизбежное. Основная культурно-пессимистическая, враждебная науке идея этой работы, формулируемая всегда глобально — относительно

«всего мира», «мировых проблем», «духа времени», наиболее отчетливо звучит в следующих словах: «В мире, проникнутом верой в науку и ожидающем от научных исследований некоего всемогущества, в мире, в котором страсть к новшествам уже давно приобрела патологические формы, эти исследования имеют в качестве своих сторонников дух времени и его ревностных служителей, видящих в разгадке тайны жизни величайшую из сенсаций»[62].

Выступая в основном против биологизаторских вариантов буржуазного антропологизма, связанных с современной генетикой, мы уделяем внимание и культурно-пессимистическим, враждебным науке вариантам буржуазной идеологии, именно потому что обе эти формы проявления буржуазного «духа времени» служат, хотя и по-разному, одной цели — отвлечь внимание от действительных противоречий капитализма на современном этапе его общего кризиса и от единственно возможного пути их разрешения. Эти противоречия изображаются в явно апологетическом духе, как общемировые проблемы, а принципиальные различия в характере научно-технического прогресса при социализме и капитализме намеренно затушевываются либо просто игнорируются.

Проблемы развития науки, техники и человека вырываются из общего социального контекста с целью подорвать вполне обоснованный оптимизм относительно будущего человека в социалистическом обществе, отравить сознание людей пессимизмом, ожиданием катастрофы и гибели старого мира. Во всяком случае речь здесь идет о более широком круге проблем, встающих не только в связи с развитием биологии и генетики, но и с кризисом таких теорий империалистической идеологии, как теория индустриального общества, технократические и прочие подобные концепции. При этом вновь предпринимается попытка — на сей раз с иной стороны — доказать возможность конвергенции различных общественных систем[63]. К этому вопросу мы вернемся при рассмотрении проблемы человек — природа — общество, а также проблем окружающей среды.

В капиталистических странах все сильнее начинают сказываться опасные последствия злоупотреблений достижениями науки, обусловленные тем, что наука и ученые там находятся на службе капиталу, все решитель-

нее проявляются озабоченность ученых, их недовольство общественной ролью науки, неуверенность, вызванные усилением антисайентизма [64].

Понять подобные явления можно лишь на основе философского, этического научного анализа связей науки, научно-технического прогресса, положения ученого в обществе и характера социального строя. Только таким образом можно вскрыть истинные цели, ради которых в буржуазной идеологии искажаются указанные связи. В последние годы члены Всемирной федерации ученых проанализировали многочисленные формы проявления и причины существования этой, по удачному выражению Кучинского, «антинауки, выступающей в качестве идеологии» [65]; против нее выступили многие ученые и общественность. Одновременно были подняты принципиальные вопросы об ответственности ученых, этике науки, к рассмотрению которых мы обратимся в следующем разделе [66].

Гуманистическое естественнонаучное направление и его ограниченность. В последние годы критика рассмотренных выше вариантов буржуазных концепций, возникших в связи с развитием генетики (биологизаторско-техницистского, социал-дарвинистского и враждебного науке культурно-пессимистического направлений), была осуществлена представителями марксистско-ленинской философии и естествоиспытателями с позиций всесторонне обоснованных представлений о человеке, научного анализа взаимосвязей общества, природы и человека. Она базируется на изучении социально-филогенетического, социально-онтогенетического и социально-экологического аспектов общей социально-биологической проблемы, раскрытии реальной диалектики социального и биологического в конкретных общественных процессах [67].

Учет взаимосвязей науки и общественного строя, роли науки как социального института, цель и функции которого (включая социальную и этическую оценку знаний) вытекают из сущности и объективно обусловленных целей и ценностей общественного строя и господствующего в нем класса, является не только основой критики антигуманистических направлений, но и исходным пунктом выработки положительной ориентации развития и использования результатов генетики, включая генетику человека, в социалистическом обществе.

Понимая важность решения отмеченных фундаментальных проблем и рассмотрения актуальных конкретных вопросов, касающихся использования достижений генетики человека при социализме, а также анализа соответствующих этических оценок и целевых установок в области здравоохранения, мы считаем необходимым дать изложение нашей принципиальной позиции, марксистского понимания этики науки и сущности человека как единства социального и биологического начал. Лишь при этом условии исследование роли общей генетики и особенно генетики человека в научно-технической революции и «сквозная» критика биологизаторских и культурно-пессимистических концепций приобретут, как нам представляется, завершенный вид; кроме того, появится возможность показать, в какой мере объективно могут стать нашими союзниками те биологи, генетики и врачи из капиталистических стран, которые выступают за развитие и использование этих наук исключительно на благо человека и число которых непрерывно возрастает; наконец, можно будет увидеть ограниченность их позиций и воззрений.

Предварительно мы ознакомимся с некоторыми характерными аргументами и аспектами третьего из указанных направлений и с тем, как его сторонники критикуют ложную посылку и положения биологизаторских концепций селекции и «улучшения» человека, а для сравнения и в качестве исходного пункта кратко охарактеризуем принципиальные установки и цели, сформулированные генетиками социалистических стран с позиций марксистско-ленинского понимания человека. Например, Н. П. Дубинин и И. Т. Фролов видят задачу медицинской, общей и молекулярной генетики, а также генетики человека в том, чтобы «сохранять здоровым наследственный механизм человека и противодействовать дефектным мутациям, не изменяя основ наличной генетической информации. Новый человек, как духовная личность, будет создан путем социальных преобразований» [68].

Возможно, в будущем окажется осуществимым разумное использование методов генной инженерии, и прежде всего в форме соматического вмешательства в генную структуру клеток живого индивида — в духе эвфеники — с целью излечения от генетически обусловленных заболеваний или их предотвращения [69]. Что ка-

сается прямой манипуляции с зародышевой клеткой с целью предотвращения заболеваний, то следует учитывать, что речь может идти, вероятно, только о моногенных унаследованных рецессивных фенотипах. Хотя это относится к большему числу аномалий, но частота проявления каждой из них очень низка. В то же время применение данного метода в случае наиболее важных и часто встречающихся многофакторных полигенных наследственных заболеваний, а также простых доминантных аномалий представляется малообещающим или значительно более трудным для реализации[70].

По поводу намерений улучшить умственные способности человека с помощью евгенических программ следует сказать, что даже с чисто генетической, научной точки зрения (оставляя пока в стороне вопрос о социальной обусловленности развития умственных способностей, о более полном использовании наличных возможностей нашего мозга) биологические основы интеллектуальных особенностей людей связаны с полигенными наследственными предпосылками, что вообще генетические основы человеческой личности в деталях еще не изучены[71].

Итак, о евгенических проектах необходимо сказать следующее: 1) намерение улучшить человека в соответствии с заранее заданным идеалом является чисто субъективистским и его осуществление в условиях государственно-монополистического капитализма, при господстве в обществе интересов эксплуататорского класса с помощью подчиненной ему науки в конечном счете вылилось бы в попытку генетически обеспечить продление классового господства буржуазии; 2) критерий того, что лучше или хуже для человеческого развития, а также для расширения знаний о генетических основах определенных признаков, о возможности непосредственно влиять на генетические основы определенных свойств человека, невозможно выработать в рамках генетики прежде всего из-за указанных выше соображений; 3) следует подчеркнуть, что независимо от того, будет ли когда-нибудь необходимым или желательным биологическое «улучшение» человека, всякие попытки ломать и «подгонять» под какие-то мерки генетическую структуру человека могут привести к изменению его высокой генетической стабильности, вариабельности и многообразия. Это было бы в высшей степени опасным и безответст-

венным делом, поскольку последствия такого вмешательства были бы необратимы.

На симпозиуме, организованном CIBA, и на других встречах в таком же духе высказывались и ведущие генетики из капиталистических стран. Так, Маккей заметил по поводу фактической бесцельности различных предложений относительно селекции человека: «Абсолютно невозможно прокладывать курс корабля по тому ориентиру, который мы закрепляем на его буге. Если мы вообще хотим правильно использовать растущую мощь наших евгенических познаний, то для этого нужна бóльшая мудрость, чем наша» [72].

Говоря об опасности подобных концепций «улучшения» человека вследствие недостаточности наших знаний, Добжански и Уоллес предупреждают: «Нужно особо подчеркнуть, что генетические последствия евгенической программы, которая основывается на ложных или неточных положениях генетики, могут оказаться для генетического фонда столь же опасны, как облучение. Совершенно ясно, что реализация некоторых евгенических рекомендаций, выработанных несколько десятилетий назад, была бы самым страшным видом безумия» [73].

Дэвис отмечает, что эффективные системы евгенического контроля полностью изменили бы отношения между людьми и ликвидировали бы брак и семью. Добжански аргументирует свою позицию в том же направлении и фактически выступает против все более широко пропагандируемой идеи клонирования выдающихся личностей. «Возражения против этих программ вызваны не только тем, что их авторы пытаются издеваться и насмехаться над самыми высокими чувствами человеческого существа, но и тем, что они считают, будто уже сейчас мы должны знать гораздо больше, чем знаем о том, какого рода генетическое снаряжение было бы для человека наилучшим в отдаленном будущем. Едва ли можно считать проявлением неуважения к величию таких мужей, как Дарвин, Галилей и Бетховен, мысль о том, что даже мир с многими миллионами Дарвинов, Галилеев и Бетховенов не был бы лучшим из миров» [74].

На упомянутом выше симпозиуме CIBA выдвигались аргументы и против утверждения о якобы происходящем снижении уровня интеллектуального развития челове-

чества. Например, Броновски отмечает: «Я не знаю... ни одного доказательства того, что сегодня человечество в каком-либо отношении, доступном количественному выражению, уступает человечеству, каким оно было 50 лет назад. Даже наоборот ...тестирование умственных способностей у шотландских детей в течение последних 25 лет дало совершенно противоположные результаты» [75].

Штраас обстоятельно рассмотрел вопрос о будто бы имеющей место контрселекции, в том числе выражающейся в ухудшении интеллекта, умственных способностей. При этом он подверг критике современные буржуазные антропологические теории «отсеивания», используемые для обоснования классовой структуры и превосходства господствующего класса при капитализме. Проанализировав результаты сравнительных исследований умственных способностей детей в Шотландии, проведенных в 1932 и 1947 гг. более чем на 70 тыс. детей (в обоих случаях) и показавших в 1947 г. лучшие результаты, чем в 1932 г., он пришел к выводу, что висящий над нами дамоклов меч высокой рождаемости умственно неполноценных людей в действительности туп. Он подверг критическому разбору постоянно повторяемый тезис о повышенной рождаемости у дебильных людей и обнаружил, что это утверждение зиждется на весьма слабом основании. Уже с помощью упрощенных популяционных моделей английского генетика Пенроуза он показал, что увеличение числа дебилов не происходит даже в том случае, если признать за факт предполагаемую у них повышенную рождаемость и наследование слабых умственных способностей [76].

С рассматриваемыми идеями тесно связана аргументация тезиса об угрозе генетической дегенерации человечества, вызванной тем, что развитие общества и успехи медицины в возрастающей мере обеспечивают продолжение рода людям с «больной наследственностью», исключая таким образом естественный отбор. Н. П. Дубинин указывает, что этим очень медленно протекающим изменениям противодействуют два важных процесса, отодвигающих первое на задний план: громадный рост населения на земном шаре и великое смешение рас. Анализируя данные явления, он приходит к следующему заключению: «Такие мощные процессы, протекающие в наши дни и положительно влияющие на гене-

тику человека... со всей очевидностью показывают, насколько спекулятивны, антинаучны и демагогичны теории, утверждающие, будто уже теперь происходит генетическое вырождение человечества. Ничто не угрожает генетическим основам человечества как биологического вида. Протекающие здесь изменения настолько малы, что эти основы полностью сохранят свой мощный биологический потенциал в течение тысячелетий»[77].

Фрейбургский биолог Бреш также выступает против «ужасающего предсказания полной генетической дегенерации человечества». Он отмечает: «Если рассматривать влияние медицины на человеческую наследственность с точки зрения популяционной статистики, то станет ясно, что ...вызывающий опасения процесс займет сотни, а может быть, и тысячи поколений... Увеличение частоты дефектных генов в популяции в течение длительного времени, несомненно, не может быть аргументом против стремления медицины помочь генетически больным индивидам»[78].

Исследования Добжански и Медево показали, что генетическая отягощенность, груз генетических дефектов не являются чем-то присущим только виду «человек» и, кроме того, амбивалентность (многозначность) генов в различных комбинациях и в зависимости от условий окружающей среды не допускает абсолютизации роли отдельных генов. На этом основании Медево утверждает: «Мнение о том, что прогресс медицины и гигиены вызвал генетическое вырождение человечества, не соответствует действительности»[79]. Кнапп специально исследовал фенилкетонурию* как одно из моногенетических рецессивных наследственных заболеваний и пришел к тому же выводу, что Бреш и Фогель, а именно: в случае таких заболеваний ухудшение генофонда происходит крайне медленно[80].

В упомянутой работе Штраас рассматривает обоснованность аргументов об опасности биологического вырождения человечества применительно к различным видам наследственных заболеваний и приходит к заключению, что «высказываемые опасения... имеют известное основание»[81], «что развитие неумолимо ведет, хотя и чрезвычайно медленно, к возрастанию имеющей место генетической отягощенности человечества»[82]. Однако это

* Врожденное нарушение белкового обмена в организме человека, ведущее к слабоумию. — *Прим. переводчика.*

возможно допустить лишь в том случае, если исходить исключительно из биологической сущности человека, игнорировать или не учитывать, например, такой действующий в противоположном направлении фактор, как просветительная и консультационная функции генетики человека, что не только влияет на индивидуальные результаты в отдельных семьях, но и усиливает популяционно-генетический эффект воздействия социальной регуляции.

Бах признает наличие популяционно-генетического аспекта в деятельности генетических консультаций в социалистическом обществе и считает указание на него вполне обоснованным, но отводит ему второстепенную роль[83]. Далее проблема целей и ориентации генетических консультаций будет рассмотрена подробнее.

В заключение приведем разумные и довольно осторожные рассуждения Фогеля, который, критически излагая различные генетические утопии и проекты, сопоставляет благоприятные и неблагоприятные факторы генетического развития человечества. В качестве предполагаемых неблагоприятных последствий он называет повышение доли мутаций, обусловленных облучением и химическими мутагенными веществами, некоторое повышение рождаемости наследственно больных вследствие врачебной терапии фенотипа, а также некоторое возрастание рождаемости лиц с легкой формой слабоумия в результате отказа от употребления противозачаточных средств.

Предположительно благоприятно воздействующими на наследственность он считает следующие обстоятельства: во-первых, видимо, отпадает необходимость в генетическом приспособлении к таким, например, факторам, как неполноценное питание и инфекционные болезни; во-вторых, значительно снижается частота хромосомных аномалий, новых мутаций и уродств вследствие того, что деторождение становится все более характерным для людей молодого возраста, а также потому, что, по всей вероятности, будет иметь место добровольный отказ от потомства в семьях с наследственными заболеваниями благодаря генетическим консультациям и просветительной деятельности[84]. Примерно такие же соображения высказывает Байч[85].

Чтобы отвергнуть биологизаторские концепции селекции человека (в приведенных выше высказываниях это

делается, опираясь преимущественно на специальную научную аргументацию), необходимо выяснить то действительно положительное значение для человека, которое имеет использование результатов генетики в социалистическом обществе. О главном аспекте данной проблемы — определяющей роли общественной формы движения материи для будущего развития человека — речь будет идти в одном из последующих разделов. Здесь же мы намерены обсудить актуальные и осуществимые в самом близком будущем мероприятия, определить нашу позицию по отношению к ним, что, конечно же, не исключает соображений по поводу более отдаленных перспектив генетики человека; при этом мы имеем в виду все три указанных ранее направления в использовании ее достижений. Можно согласиться со следующим положением Бреша, хотя для ближайших лет оно вряд ли актуально: «Возможно (и я думаю, этот день мы можем ожидать без страха), будущие поколения, более зрелые в научном, этическом и социальном отношениях, будут сознательно осуществлять генетические изменения человека с ясным пониманием всех последствий» [86].

Однако более высокая социальная и определяемая ею этическая зрелость человечества может быть достигнута только в результате построения коммунизма на всей Земле, и для этого в социалистическом обществе создаются сегодня все необходимые предпосылки. Если возникнет необходимость, это общество, опираясь на полное господство над общественными условиями бытия, на новый характер господства над внешней природой, будет сознательно изменять природу человека, направлять биологическую эволюцию [87]. Как отмечали И. Т. Фролов и Н. П. Дубинин, «только решающие открытия в этой области и радикальное преобразование существующих в мире условий могут привести к тому, что станет возможной наука о прогрессивном изменении наследственности человека (будет она называться евгеникой или нет — это другой вопрос)» [88].

Идеологические проблемы экологии в системе человек—природа—общество

Одной из актуальнейших проблем ближайших десятилетий является сохранение внешних природных условий, окружающей человека среды, биосферы и ноосфе-

ры. При этом принципиально важно учитывать, что человек как общественное существо «приспосабливается к окружающей среде не в ходе пассивной биологической эволюции, а в процессе активного общественного развития» [89].

Диалектическая взаимосвязь природы и общества, качественные различия в характере этой взаимосвязи, во взаимодействии общественного человека с природой при наличии различных производственных отношений раскрыты в основных положениях классиков марксизма-ленинизма, которые полностью подтверждаются сегодня реалиями охваченного общим кризисом капитализма и динамично развивающегося социализма. Относительно капитализма Маркс писал в «Капитале»: «Капиталистическое производство ...развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» [90]. Для всех антагонистических обществ, и особенно для капитализма, справедливо положение: «...культура, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно...* оставляет после себя пустыню...» [91]

Нынешний глубокий экологический кризис является составной частью обостряющегося общего кризиса капитализма. Это положение следует подчеркнуть особо, так как представители самых различных вариантов современной буржуазной идеологии, спекулируя на реальных и серьезных экологических проблемах, стремятся подменить социальные и политические противоречия нашей эпохи, прежде всего основное противоречие между социализмом и капитализмом, неким общим противоречием между природой и человеком. Они истолковывают кризисы капиталистического общества, в том числе и экологический, как кризисы «человечества вообще», развивая таким образом идею экологической конвергенции двух противоположных общественных систем. В качестве «выхода» они предлагают ограничение экономического роста и научно-технического прогресса, а также создание новой, экологической морали.

Таким образом, социальные проблемы фактически подменяются биологическими, и в этом проявляется связь данных вариантов буржуазной идеологии с концепциями биологического антропологизма. Они направлены на то, чтобы заглушить, притупить остроту клас-

совой борьбы именно сейчас, когда проблемы охраны окружающей среды объективно становятся важной сферой борьбы против монополий[92]. Необходимо разоблачать всякие попытки затушевать общественное содержание проблемы охраны окружающей среды, абсолютизировать ее технический аспект. Следует со всей ясностью показывать качественное различие в отношениях противоположных общественных систем к природе и окружающей среде, несмотря на наличие при определенных условиях весьма сходных научно-технических проблем.

Отмеченные вопросы непосредственно связаны с различным социальным содержанием научно-технической революции в условиях противоположных общественных систем. Они показывают, что противоречие между природой и обществом отражается в классовой борьбе, и особенно в ее идеологической форме, что именно в отношении к природе социализм все убедительнее выявляет свои преимущества. Ведь по существу речь идет об отношении к человеку, к условиям его существования и развития и — еще более конкретно — о сохранении внешних природных условий его жизни, биосферы и ноосферы, а эти проблемы напрямую смыкаются с вопросом о внутренних природных, биологических основах жизни вида Homo sapiens.

Классики марксизма-ленинизма предсказали переворот в отношениях общества к внешней природе и внутренней природе человека в результате ниспровержения капитализма — последнего антагонистического общественного строя. Они обосновали и раскрыли сущность того переворота, который осуществляется сегодня в обществе реального социализма в процессе органического соединения преимуществ нового общественного строя с достижениями научно-технической революции.

В одной из ранних работ Энгельс характеризует этот великий переворот как примирение человечества с природой и с самим собой[93], что означает прежде всего устранение антагонизма в производственных отношениях, ликвидацию угнетения человека человеком и имеет своим следствием и предпосылкой «примирение с природой» — следствием потому, что речь идет о новом качестве господства над природой, а предпосылкой — поскольку имеется в виду сохранение природы как главного условия для развития производительных сил.

Ту же мысль позднее высказал Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», связав коммунизм с полным развитием «господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы...» [94]

Подчеркивая определяющее значение *общественных отношений* и необходимость их прогрессивного изменения, а значит, и соответствующего преобразования *общественной сущности человека* (его общественной «природы»), мы должны понимать, что тем самым открывается возможность более эффективно строить взаимоотношения природы и общества в интересах каждого отдельного человека. Сохранение и защита окружающей среды становятся необходимой задачей. Одновременно повышается значение и открываются новые возможности для охраны и развития внутренних природных, биологических основ человека.

Энгельс словно хотел предотвратить любые поверхностные представления о господстве над внешней и собственной природой, всякую недооценку значения проблем окружающей среды и природных основ жизни человека и реальных проблем в этой области, возникших в ходе научно-технической революции, когда писал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой... на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [95].

Новый смысл господства над природой при социализме и коммунизме состоит в том, что общественный человек «своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [96], что «ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [97].

Эта глубокая мысль К. Маркса дает ключ к пониманию того, как следует осуществлять контроль над развитием научно-технической революции, и особенно автоматизации производства, чтобы это соответствовало сущности социализма и способствовало развитию личности трудящихся. Ясно, что в приведенных высказываниях классиков марксизма-ленинизма в противоположность биологизаторским конструкциям речь идет не о биологическом приспособлении человека к созданной им технике, а, наоборот, о приспособлении техники к развитию человека. Когда Маркс говорит о «человеческой природе», то он прежде всего имеет в виду общественную природу человека, которая в условиях социализма и коммунизма благодаря господству над общественными отношениями получает полный простор для своего развития.

Вместе с тем Маркс и Энгельс имеют в виду и более узкий аспект понимания человека как единства биологического и социального, прямо относящийся к рассматриваемым здесь проблемам и означающий, что в условиях социалистического общества становится возможным развивать производство, строить общественную жизнь, производственные отношения также в соответствии с природными, биологическими основами человека. Важную диалектическую идею господства человека над своей собственной общественной жизнью, внешней природой и над самим собой наиболее четко сформулировал Ф. Энгельс в подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу»: «Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными» [98].

Разработанная Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» мысль об отличии человека от животных, выражающемся в наличии сознательной жизнедеятельности, используется применительно к скачку в общественном развитии, в результате которого сознательная деятельность в полной мере распространяется наконец и на социальные условия жизни человека. Сформулированная таким образом качественно новая основа господства человека над внешней природой и над самим собой позволяет выработать последовательно гуманистическую ориентацию в постепенной реализации задач и мероприятий, направленных на охрану как

внешних природных условий человеческой жизни, так и внутренних биологических основ вида «человек» каждого отдельного индивида, и не в последнюю очередь на охрану его здоровья.

Исходным пунктом рассмотрения этих специфических проблем является принципиальное признание объективно-исторического значения социалистических производственных отношений: для развития производительных сил, придания гуманистического характера научно-технической революции, для определения общественной ценности науки. Такой подход впервые открывает возможность преодолеть унаследованный от капитализма разрыв естествознания и общественных наук, установить единство наук о природе и обществе, что и предсказывал Маркс: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука» [99].

Требование установить подобное единство вытекает, как отмечал К. Хагер, «из необходимости гармоничного, пропорционального и сознательного развития всех сфер жизнедеятельности общества» [100]. Вполне очевидно, что это совершенно необходимо для комплексного изучения и решения таких проблем, как развитие народонаселения, охрана окружающей среды, охрана здоровья в самом широком смысле и т. п.[101]

Для определения значения и места генетики человека, решения вопросов об ориентации исследований и использований ее достижений, ее социальной функции и связанной с ней этической проблематики, а также роли, которую играют при этом марксистско-ленинская философия, этика и другие общественные науки, принципиально важна следующая мысль К. Хагера: «Не менее актуальным является плодотворный союз марксистско-ленинской философии и конкретных наук в решении тех мировоззренческих вопросов, которые выдвинуты бурным развитием биологии и медицины. Успехи современной генетики открывают новые возможности господства над природными процессами и воздействия на них, которые имеют решающее значение для будущего человечества. Поставленные в ходе современного развития общества социальные и мировоззренческие проблемы не могут быть решены в рамках частных наук. Это возможно лишь с позиций диалектического и историче-

ского материализма, который представляет собой научно обоснованную общественную теорию и дает человеку представление о гуманистических ценностях. Он позволяет также вести аргументированную критику ненаучных и антигуманных попыток использовать результаты генетики и других наук для обоснования элитарных, расистских или идеалистических представлений и концепций общественного развития»[102].

В Советском Союзе по ряду комплексных проблем были проведены совместные дискуссии с участием философов, естествоиспытателей и обществоведов, представлявших различные отрасли знания. Обсуждались такие темы, как: «Человек и среда его обитания»[103], «Современные проблемы образования и воспитания»[104], «Взаимодействие естественных и общественных наук»[105], «Философские, социальные и этические проблемы генетики человека»[106], «Наука и глобальные проблемы современности»[107]. Аналогичные темы обсуждались в ГДР на коллоквиумах естествоиспытателей, философов и представителей других общественных наук в Кюлюнгсборне[108].

Несомненно, что проблема разрушения природной среды, причиненного ей ущерба является одной из самых серьезных в наше время; она связана с крайне опасными для здоровья человека и его генетических основ последствиями. Эта проблема тесно переплетается с научно-технической революцией, особенно с факторами, присущими ее начальной стадии. Однако глубинные причины возникшей опасности заключены не в науке и технике, поэтому ее нельзя предотвратить путем «обуздания» науки, прогресса производительных сил. Напротив, речь должна идти о том, чтобы и далее развивать науку и технику, ибо это позволит решить самые разнообразные проблемы. Однако это отнюдь не означает, что существует будто бы единственный выход из создавшегося положения — на путях исключительно технического развития. Такой выход возможен только благодаря соответствующим общественным преобразованиям[109].

Более того, неотложная потребность решения проблемы сохранения благоприятной для жизни человека среды является сегодня одной из важных объективных причин необходимости уничтожения капитализма и построения социализма. «Система ценностей социализма,

движущей силой которого является служение всему обществу, включает в себя сохранение окружающей среды как часть разносторонней деятельности человека»[110].

Не упрощая проблем взаимодействия человека и окружающей среды при социализме (на достигнутой ныне ступени его развития), понимая, что они не могут быть легко и быстро разрешены, мы должны видеть их отличие от экологического кризиса, к которому привел империализм. При социализме речь идет главным образом о необходимости ликвидировать наследие капиталистического общественного строя, а также о недостаточной степени развития производительных сил и материальных возможностей для полного решения этой задачи в условиях первой фазы коммунистической формации. Основной смысл отношения социалистического общества к окружающей среде, к природе выразил Л. И. Брежнев в речи «Пятьдесят лет великих побед социализма»: «Бурный рост науки и техники делает особенно актуальной вечную проблему отношений между человеком и природой. Еще первые социалисты считали, что важной чертой общества будущего явится сближение человека с природой. С тех пор прошли века. Построив новое общество, мы воплотили в жизнь многое из того, о чем могли лишь мечтать предшественники научного социализма. Но природа не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ, и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого человека»[111].

Наконец, нельзя не видеть, что когда мы говорим об опасности кризиса окружающей среды, то, нисколько не умаляя его взаимосвязи с общим кризисом и самыми острыми антагонизмами капитализма, с противоборством противоположных общественных систем, мы все-таки имеем дело с мировой проблемой, связанной с общими противоречиями развития человечества в целом, противоречиями между человеком, обществом и природой. Как в вопросе об угрозе термоядерной войны, исходящей от империализма, так и здесь речь идет о том, чтобы положить на чашу весов все силы, прежде всего вес и растущее влияние социализма, борьбу рабочего класса, прогрессивных ученых в капиталистических странах, чтобы побудить капиталистические государства к эффективным формам сотрудничества на международной

арене в рамках мирного сосуществования государств с различным общественным строем [112].

Связь этих проблем с социальными, с отношением между классами, с противоборством противоположных общественных систем неоспорима, и потому не может быть единого подхода, одинаковых интересов и возможностей для их решения. Противоречия, возникающие в странах капитала в ходе научно-технической революции, тесно переплетаются с борьбой противостоящих общественных систем, и отрицание этого факта, что свойственно, например, представителям «Римского клуба», ведет к серьезным ошибкам, а порой к паническому страху среди буржуазных ученых перед проблемами окружающей среды, к фактической апологетике капитализма, несмотря на правильность многих приводимых этими учеными данных и нередко весьма точно подмечаемую ими взаимосвязь отдельных процессов и проблем [113].

В то же время существует целый ряд задач, которые стоят перед всем человечеством и делают возможными и даже необходимыми коллективные усилия стран с различным общественным строем. И социалистические страны в первую очередь проявляют наибольшую активность, выдвигают важные предложения в целях сохранения условий мирного сосуществования. Налицо первые шаги и результаты сотрудничества государств с противоположным общественным строем: расширяется сотрудничество в области охраны окружающей среды, здравоохранения, происходит дальнейшее объединение усилий в борьбе против особо опасных заболеваний [114].

Существуют, вероятно, точки соприкосновения и при обсуждении этических проблем, связанных с развитием генетики и имеющих целью предотвратить опасность, грозящую человечеству

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТИКИ НАУКИ И ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА

Анализ проблем генетики человека показал их непосредственную связь с разнообразными философскими вопросами, прежде всего с вопросами, относящимися к историческому материализму. Они тесно переплетаются с фундаментальными проблемами взаимоотношения человека, природы и общества, обеспечения гармонического единства природы и общества, рационального использования природных ресурсов на благо человека и создания необходимых для этого общественных отношений.

Правильное определение места указанных проблем в противоборстве двух мировых общественных систем, анализ их связи с такими важными философскими вопросами, как понимание сущности человека, его образа и смысла жизни, развитие личности, социальные и нравственные ценности, образуют основу для четкой постановки конкретных вопросов и поиска точных ответов на них.

Для обоснования собственной точки зрения, которая будет изложена во втором разделе этой книги, при обсуждении этических аспектов специальных мероприятий в области генетики человека в социалистическом обществе необходимо осветить исходные принципы исторического материализма и марксистско-ленинской этики в понимании вопросов, относящихся к сущности взаимосвязей общественного строя и науки, гуманизма и науки, этики и развития современного естествознания, а также социальной ответственности естествоиспытателя и врача. Только таким образом, на наш взгляд, можно научно обосновать критерии нравственной ориентации и оценки поведения с точки зрения их соответствия общественному прогрессу, социалистическому общественному строю, классовым интересам рабочего класса, социалистическим общественным ценностям, сущности человека.

В последние годы обсуждение вопросов, касающихся связи научно-технического прогресса, и в частности раз-

вития естествознания, с гуманизмом и этикой, приобретает все больший размах. О некоторых аспектах и направлениях этой дискуссии, а также о характере ее мировоззренческого и общественного содержания мы уже говорили ранее. Одним из главных вопросов, в обсуждении которого участвуют естествоиспытатели, врачи, философы, этики и социологи, является вопрос о социальной ответственности естествоиспытателя, о значении для человека новых открытий естествознания и о границах их использования, особенно в связи с возможной опасностью злоупотребления ими. Тем самым поставлены вопросы о соотношении истины и ценности знания, взаимосвязи научного, общественного и нравственного прогресса, а также об условиях последовательно гуманного использования достижений современного естествознания и о нравственной ответственности ученого.

Для ответа на эти вопросы решающее значение имеет выявление зависимости науки, ее роли, функций, целеустановок и форм использования ее результатов от общественного строя, производственных отношений, коренных интересов и целей господствующего класса, а также от обусловленных ими систем общественных и нравственных ценностей. Именно вопрос об отношении социализма и капитализма, рабочего класса и монополистической буржуазии к науке, в частности к естествознанию, искажают буржуазные идеологи. В его решении прежде всего проявляется ограниченность и буржуазный характер абстрактного гуманизма многих естествоиспытателей в капиталистических странах.

Е. Кельнер и Р. Моцек совершенно правы, утверждая, что разработка специальной этики науки «в качестве руководства для ученых в условиях современного капитализма», которая должна направлять их деятельность в духе добра и справедливости, не может служить надежным решением указанных ключевых проблем, ибо, с одной стороны, нельзя переоценивать возможности этики, а с другой — игнорировать принципиальную зависимость системы этических норм и ценностей от характера общественного строя и классовых интересов. «Излечение вырождающейся науки нужно начинать не с разработки этики, а с переворота в отношениях, с необходимостью порождающих такую извращенную науку»[115].

Советский философ Ф. В. Константинов также выступает против положения, часто высказываемого учеными и философами капиталистических стран, согласно которому один из главных источников кризисов и противоречий в сегодняшнем мире кроется якобы в моральной неподготовленности человечества к современной научно-технической революции. Так, английский историк и социальный философ А. Тойнби считал, что обратной стороной научно-технической революции является моральное разложение людей, на основании чего он делал утопический и по существу реакционный вывод: «Наши усилия, нашу энергию мы должны направлять не на науку, а на религию и этику». Причем в характеристике и оценке явлений разложения и кризиса западного (капиталистического) общества Тойнби приходил к столь же пессимистическим выводам [116].

Упоминая об этическом пессимизме известного гуманиста физика М. Борна, который с сожалением говорил о разрушении мирного фундамента цивилизации вследствие развития науки и техники, Константинов отмечал: «Разрушение вековых этических ценностей есть проявление кризиса капиталистической цивилизации. Но главная причина морального и духовного кризиса, о котором говорит великий физик, кроется не в этом. Корни кризиса и источник опасности лежат в антагонистической сущности породившего их общественного строя» [117].

Решающий толчок к широкому обсуждению во всем мире последствий научно-технического прогресса, опасностей злонамеренного использования открытий современного естествознания, а также этических проблем современной науки, социальной ответственности естествоиспытателя был дан атомной бомбардировкой американцами японских городов и той ролью, которую сыграли физики в создании теоретических предпосылок и изготовлении атомной бомбы. В философской литературе ГДР развитие этой дискуссии было обстоятельно проанализировано Г. Герцом, который на основе анализа В. Гейзенберга, проводившего различие между «открывателями» и «изобретателями», а также абсолютного постулата «этики познания» Ж. Моно дал критическую оценку постановки некоторых принципиальных проблем и предлагаемых буржуазными естествоиспытателями решений [118].

Определенную прогрессивную роль играют Пагуошское движение ученых и Всемирная федерация ученых, в рамках которых ученые разных специальностей и мировоззренческих позиций выступают за гуманное использование достижений науки и высказывают весьма различные суждения об условиях и путях достижения этой цели. В ГДР широкую известность своими выступлениями и публикациями по проблемам гуманного использования науки и ответственности ученого получил М. Стейнбек[119].

Опасность отрицательных социальных последствий применения науки и техники в ущерб человеку при капитализме коренится отнюдь не в отсутствии этики науки и ученых, поэтому она не может быть устранена путем создания глобальной этики научно-технической революции или написания новой «Клятвы Гиппократа» для ученых. Тем не менее вопрос о задачах и возможностях гуманистически настроенных ученых взять на себя социальную ответственность, занять определенную нравственную позицию в буржуазном обществе является крайне важным. Встает также вопрос о задачах, возможных точках соприкосновения и заключении союза с ними в политической борьбе за мирное сосуществование, против империализма на стороне рабочего класса и в конечном счете за социализм.

В условиях господства социалистических производственных отношений и политической власти рабочего класса наука освобождается от антагонизмов эксплуататорского общества и может полностью развить свою действительную сущность, выражающуюся в «познании природы и мира с целью сознательного использования результатов этого познания в интересах человечества». Здесь не существует более социальных основ для использования науки и техники в эгоистических классовых интересах и враждебных человеку целях[120]. Но это не снимает необходимости конкретно отвечать на постоянно возникающие вопросы об ориентации и использовании науки в соответствии с ценностями социалистического общества. Решение этических проблем современного естествознания должно вырабатываться представителями марксистско-ленинской этики в тесном сотрудничестве с естествоиспытателями, философами и представителями других общественных наук, в союзе со всеми воинствующими материалистами. Примером

такого сотрудничества в области молекулярной биологии, общей генетики и генетики человека могут служить упоминавшиеся совместные дискуссии по социальным и этическим проблемам генетики человека в Советском Союзе и Кюлюнгсборнские коллоквиумы в ГДР.

Ф. В. Константинов формулирует важный вопрос, поставленный ходом современного общественного развития и научно-технического прогресса, следующим образом: «Куда и к чему может привести научно-технический прогресс, каковы его социальные, а следовательно, и моральные последствия?»[121] Подчеркивая со всей определенностью, что при социализме не существует антагонистических противоречий между научно-технической революцией и нравственным прогрессом, он в то же время указывает, что марксизм учитывает всю сложность взаимосвязей обоих видов прогресса (научно-технического и нравственного) и имеет в виду возможное отставание последнего. Эту взаимосвязь нужно анализировать с классовых позиций и конкретно-исторически, т. е. с учетом качественных различий между общественными системами, интересами господствующих в них классов и системами морали. Характерной отличительной чертой социализма и его преимуществом в сравнении с антагонистическими общественно-экономическими формациями является принципиальное соответствие научно-технического, социального и нравственного прогресса, что, конечно, не исключает появления неантагонистических противоречий и необходимости их разрешения.

Вопросы этики науки рассматриваются в работах Кельнера и Моцека[122], Лютера и Прена[123], Лея[124] и Летера[125]. Но как нам кажется, наиболее обстоятельные суждения по этой проблематике высказал Герц, который анализировал соотношение марксистско-ленинской философии и естествознания[126]. В числе философских проблем научно-технической революции в условиях социализма, требующих дальнейшей разработки, наряду с вопросами о роли естествознания в развитии производительных сил, об отношениях человека и природы, о развитии личности в условиях НТР Герц особо указывает на необходимость разработки «этики, соответствующей результатам научно-технической революции»[127]. В данном случае мы полностью согласны с замечаниями Лютера и Прена о том, что требование создать этику,

соответствующую запросам научно-технической революции, следует четко отграничить от иллюзии о возможности существования классово нейтральной этики, обусловленной якобы исключительно «этическим измерением» естествознания. Мы считаем, что марксистская этика науки должна реально оценивать место моральных проблем, относящихся к надстройке, в рамках общих проблем социального детерминизма и классовой борьбы [128].

Определение задач и основ этики науки у Герца, по нашему мнению, полностью соответствует этим требованиям. Он говорит не об особой этике для ученых, а о моральной и социальной ценности научных теорий, которая не может быть выведена из развития самого естествознания. Герц подчеркивает, что нравственные требования к ученым определяются отношением общества к науке, которая является составной частью процесса общественного развития. Поэтому он считает, что этика науки представляет собой «научный анализ и теоретическое объяснение соотношения науки и гуманизма, истины и ценности научных теорий, а также социально обусловленных нравственных требований, предъявляемых к ученым и касающихся их отношения к теоретическому познанию и использованию его результатов в обществе». В связи с этим, отмечает он, возникает вопрос, существуют ли законы этики науки, «представляющие собой отражение объективных связей между развитием науки, социально обусловленными моральными представлениями и нравственным поведением ученых» [129].

Нельзя не согласиться с Герцем, когда он, например, имея в виду достижения генетики человека, правомерно ставит вопрос: не наступило ли время для того, «чтобы этики вплотную занялись вопросами применения естественнонаучных знаний на благо человека и содействовали выработке научных критериев, определяющих границы гуманного использования открытий науки?» [130]

Лютер и Прен формулируют задачу фактически в том же направлении, призывая к разработке этических критериев, которые дадут врачам надежные ориентиры в их деятельности, в понимании нравственной ответственности, особенно в связи с такими вопросами, как трансплантация органов и развитие некоторых биологи-

ческих приемов, глубоко затрагивающих сферу интересов отдельной личности[131].

Кельнер и Моцек делают некоторые оговорки относительно разработки этики науки как самостоятельной дисциплины. Они убедительно показывают социальные причины усиленной поддержки буржуазными учеными идеи создания этики науки как своего рода защитной реакции на утрату в условиях империализма единства науки и гуманизма, попытку хотя бы в сознании воссоздать это единство, поскольку механизм использования естественнонаучных знаний в практике буржуазного общества не подлежит контролю естествоиспытателей[132].

Они подчеркивают, что этика науки строится на основе системы философских понятий и высказываний, и поэтому подходят к нравственным аспектам медицины с определенных мировоззренческих и идеологических позиций, включают эту область человеческой деятельности в сферу своих основных положений, не ограничиваясь лишь формулировкой соответствующих правил поведения, но и не игнорируя такую задачу[133].

Не признавая этики науки в качестве самостоятельной дисциплины, указанные авторы тем не менее отмечают наличие специфической, относительно самостоятельной «области научно-этических проблем». Под научно-этическим исследованием они понимают прежде всего «применение мировоззренческих и этических положений марксизма-ленинизма к анализу ситуации, в которой оказываются ученые в результате включения науки в сферу общественной жизнедеятельности; далее, исследование объективных основ вызванных наукой изменений в ценностном и практическом отношениях человека к его природному и общественному окружению, исследование самих этих отношений; наконец, выработку норм, определяющих возможность использования новых научных знаний, непосредственно касающихся человека (молекулярной биологии, генетики человека, органопластики и др.)»[134].

Многие из указанных этических вопросов обсуждались в сентябре 1974 г. в Париже на встречах «за круглым столом» под эгидой ЮНЕСКО, в которых приняли участие ученые-марксисты (философы, биологи, медики), в том числе и из ГДР. В центре внимания стояли проблемы трансплантации органов и ее ценностные аспекты, установления момента смерти (у донора органа

для пересадки); искусственного прекращения беременности; эвтоназии (медикаментозного умерщвления неизлечимо больных); биологических основ поведения и манипуляции поведением с помощью действующих на психику медикаментов; проблемы генетических изменений в условиях научно-технической революции, экзотоксикологии и охраны окружающей среды; сохранения экологического равновесия в морях; утилизации отбросов и сохранения биологических круговоротов [135].

На коллоквиуме в Кюлюнгсборне в 1970 г. Гейслер высказал мнение, что важнейшие этические вопросы современной генетики обусловлены тремя основными моментами: во-первых, возможностью использования достижений современной генетики для разработки биологического оружия, а также безответственной селекции человека и иного подобного злонамеренного применения результатов генетической науки. Во-вторых, возможностью использования новых научных результатов в медицине. Вследствие относительного (вероятно, и абсолютного) прироста генетически обусловленных заболеваний необходимо выявлять и исключать в окружающей среде мутагенные причины болезней, развивать раннюю диагностику с целью быстрого распознавания врожденных недостатков и разработки действенных эвфенических приемов и методик компенсации генетических дефектов. Учитывая достигнутый сегодня уровень знаний, надо продумать и изучить возможности устранения генетических недостатков с помощью средств молекулярной генетики. Хотя этические проблемы генетической манипуляции человеком или воздействий на жизненные процессы в человеческом организме еще не встали со всей остротой на повестку дня, однако для решения этических и правовых проблем в будущем уже теперь необходима их предварительная разработка, чтобы общество смогло в дальнейшем принимать уверенные и обоснованные решения в этой области.

В-третьих, этические проблемы возникают также в ходе самого исследования, особенно в области генетики микроорганизмов; здесь особенно нужна осторожность, чтобы исключить даже непреднамеренные опасные последствия. В связи с возможной опасностью некоторых экспериментов выдвигаются строгие требования к сознанию ученых, к их общественной и нравственной ответственности (в том числе в процессе подготовки и вос-

питания молодых научных работников), из которых следует исходить при разработке и соблюдении предписаний безопасности, при обеспечении информацией научной общественности — а в определенных случаях и всего общества — о положении дел в науке. Большая ответственность за создание и обеспечение соответствующих условий для проведения таких исследований ложится на общество и соответствующие общественные и научные организации. Учитывая накопленный опыт, а также серьезные негативные последствия пренебрежительного отношения к требованиям безопасности или безответственного отношения к ним в случаях манипуляции результатами опытной проверки и экспертиз, например, со стороны химических и фармакологических концернов, имевшей место при производстве ряда медицинских препаратов, нельзя отрицать, что здесь налицо серьезная общественная и нравственная проблема [136].

Что касается этого момента, также обусловившего появление этических проблем современной генетики, то на него уже указывала в публичном обращении группа ведущих американских ученых (так называемая группа профессора Берга). Эти ученые считают, что некоторые эксперименты (например, введение в находящуюся в цитоплазме бактерий ДНК генов, вызывающих повышенную сопротивляемость действию антибиотиков, а также эксперименты по включению онкогенных вирусов в бактерии или другие клетки) должны быть прекращены, пока не будет достаточно четко выяснена степень их потенциальной опасности и не будут найдены соответствующие методы предотвращения их опасных последствий. Относительно другой группы экспериментов эти ученые пишут, что к их осуществлению не следует подходить легкомысленно [137].

Следует отметить, что в данном заявлении американских ученых, как и в политически остром выступлении Шапиро, Беквита и Иерона в 1969 г.[138], проявляется сознание ими своей ответственности в условиях господства монополистического капитала. Они предупреждают человечество об опасности тяжелых социальных последствий своих собственных научных исследований и, как говорит Берг, хотят оказать моральное давление на тех, кто, пренебрегая опасностями, ведет работу дальше. В этом заявлении содержится (по определению Кучинского) двойное требование к прогрессивным ученым

капиталистических стран: «Давать информацию о результатах исследования и бороться за их использование в интересах прогресса» [139].

Хотя выступление группы Берга и не мотивировало прямыми опасениями за возможное применение биологических средств войны, но оно продиктовано заботой о здоровье людей. Очевидно, что указанные ею опыты и техника их проведения могут быть использованы и для подготовки биологической войны.

И тем не менее необходимо со всей серьезностью сказать, что призывы к прекращению подобных экспериментов, моральные требования и обращения не могут предотвратить в странах капитала использование в реакционных, враждебных человеку целях результатов научно-исследовательской работы биологов и генетиков, техники их экспериментирования. Надеяться на это значило бы питать опасные иллюзии, что наука там, включаясь в систему монополистического капитализма, не подчиняется целям господствующего класса, интересам монополий, империалистических правительств и военно-промышленного комплекса. В любом случае привлечение даже ограниченного числа высококвалифицированных ученых для проведения таких работ в учреждениях некоторых монополий или государственных и военных организациях, недоступных контролю со стороны общественности, может оказаться в определенных условиях вполне достаточным, чтобы, несмотря ни на какие протесты и заявления, продолжать разработку этих враждебных человечеству направлений научных исследований.

С одной стороны, общетеоретические результаты научных исследований, особенно фундаментальных, в принципе могут быть использованы многозначно, а прогресс научного знания в сущности оказывается противоречивым [140]. С другой стороны, в рамках капиталистической организации науки, учитывая социальное положение, происхождение, идеологическую обработку научной интеллигенции в буржуазном обществе, наверняка всегда найдутся ученые, готовые пойти на использование научных достижений в реакционных целях. Кроме того, следует учитывать, что такие ученые помимо материальных уз связаны с господствующим классом реакционными по своей классовой сути мировоззрением и моралью и потому субъективно «честно» верят в «цивилизатор-

скую миссию США», американского монополистического капитала, действующего якобы на благо прогресса и свободы; у них «нет и тени намека на представление об исторической ответственности современной науки»[141]. Необходимо еще раз подчеркнуть принципиально важное положение Х. Лея, сформулированное в докладе «Научное познание, прогресс и ответственность» на коллоквиуме в Кюлюнгсборне: «С точки зрения марксизма неодинаковая направленность развития естествознания и техники может быть преодолена только путем утверждения социалистических производственных отношений и ликвидации эксплуатации»[142].

Следует признать, что только моральные сентенции и призывы прекратить определенные научные исследования и опыты вряд ли смогут предотвратить возможное сознательное злоупотребление ими. Развернувшаяся в США в связи с выступлением группы Берга дискуссия показывает достаточно ясно, хотя не всегда прямо и непосредственно, зависимость науки и ученых от всей системы господствующих отношений в современном капиталистическом обществе. С одной стороны, в этой дискуссии высказывалось сомнение в том, что рекомендациям группы Берга последуют ученые, не входящие в нее; говорилось, что ученые, не принадлежащие к элите, вероятно, не будут иметь никаких оснований придерживаться этих рекомендаций. С другой стороны, некоторые участники дискуссии приветствовали обращение как прецедент, дающий повод для развертывания дебатов об академической свободе, о том, может ли каждый ученый вести любое исследование по собственному выбору, другие же опасались, что усилится тенденция к регламентации научно-исследовательской работы[143].

В этих мнениях так или иначе отражается конкуренция между учеными и их группами в капиталистическом обществе, монополизация определенных исследований, регламентация и наличие препятствий на пути их осуществления.

Касаясь всего комплекса научно-этических вопросов, поставленных в связи с исследованиями в области генетики и применением их результатов, мы хотели бы подчеркнуть, что все эти дискуссии подтверждают мнение тех марксистов, которые считают бесперспективными высказываемые некоторыми прогрессивными учеными на Западе надежды на «Клятву Гиппократа», будто бы

способную направлять в гуманистическом духе деятельность ученых независимо от общественного строя страны, в которой они живут. Нереальность такой надежды объясняется противоположной направленностью использования одних и тех же научных открытий, невозможностью достаточно полно и однозначно предвидеть отдаленные последствия научно-исследовательской работы и применения ее результатов в будущем; проблемами, возникающими вследствие возрастающей специализации научной работы, и т. д.[144] Однако решающее значение при этом имеют две основные связи, раскрытые и проанализированные учеными с позиций исторического материализма, марксистско-ленинской общественной науки.

Во-первых, сущность науки, в том числе и естествознания, как социального института можно правильно понять только в том случае, если ее функции не сводить к получению знаний и развитию производительных сил. Необходимо раскрыть ее специфическую функцию в рамках соответствующего общественного строя, в определенной системе производственных отношений. Чтобы ответить на вопрос, какие цели ставят перед наукой противоположные общественные системы и господствующие в них классовые силы и как они используют ее достижения, необходимо не просто указать на общественную детерминацию науки, но и конкретно, всесторонне раскрыть взаимосвязи между общественным строем, господствующими производственными отношениями и наукой.

Только таким образом можно выяснить, в какой мере различные общественные системы и интересы господствующих в них классов открывают возможность и превращают в необходимость всестороннее развитие и целенаправленное использование науки во имя прогресса общества, на благо человека[145]. Марксизм-ленинизм научно доказал, а развитие реального социализма практически подтвердило, что «только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия»[146].

Противоположность капитализма и социализма проявляется в развитии естествознания не как противоположность теоретических результатов познания, а прежде всего как классово обусловленная противоположность

общественных целей научной работы и способов реализации ее достижений. Что же касается «Клятвы Гиппократа», и в частности, например, положения, предписывающего «не использовать научное образование в каких-либо целях, могущих причинить вред человеку, и посвятить полученные знания интересам человеческого прогресса, свободы, справедливости, мира, улучшению жизни» [147], то следует согласиться с Кучинским, который писал, что ученый в условиях капитализма несет ответственность лишь постольку, поскольку знает или должен знать об использовании своего изобретения или открытия. Не существует абстрактной ответственности ученого за неадекватное использование результатов его исследования «и не может быть ответственности ученого просто как ученого!» [148] Согласно Стейнбеку, «злонамеренное использование достойных восхищения достижений естествознания может быть предотвращено только благодаря развитию общества» [149]. Ответственность за характер, условия, цели и способы использования научных исследований и их результатов несет прежде всего общество с присущими ему определенными производственными отношениями и системой классового господства. Эта ответственность не может быть переложена на науку (в частности, на естествознание), на отдельных ученых или группы научной интеллигенции.

Социально-этическая ответственность ученого — это в действительности, как подчеркивает Кучинский, не особая моральная ответственность, а ответственность прежде всего политическая, обязывающая его занять свое место в борьбе против империализма на стороне рабочего класса, бороться за социалистическое преобразование общества. Только при таком условии можно в принципе исключить злоупотребления наукой в буржуазном обществе и обеспечить последовательно гуманную ориентацию ее исследований и использования полученных результатов.

Говоря о социальной и моральной ответственности ученого в буржуазном обществе, его отношении и участии в классовой борьбе пролетариата, необходимо провести социальный анализ положения и роли интеллигенции, в частности ученых-естествоиспытателей, в условиях современного государственно-монополистического капитализма. Этот анализ позволит определить возможности привлечения интеллигенции как союзника

рабочего класса в его борьбе на различных ее этапах — от борьбы за мирное сосуществование, за конкретные шаги на пути разоружения, за ограничение власти и влияния военно-промышленного комплекса, в том числе его влияния на науку, до союза в борьбе за социализм.

Мы считаем, однако, что каждый ученый в буржуазном обществе несет особую ответственность, но это не имеет ничего общего с теорией элиты, согласно которой люди, занимающиеся умственным трудом, якобы должны быть поставлены в исключительное, привилегированное положение. Ответственность ученого заключается в том, что он должен любым способом информировать общественность о результатах своей исследовательской работы и содействовать тому, «чтобы другие ученые заботились об использовании своих достижений в двух направлениях: с одной стороны, находить средства для предотвращения использования их во враждебных человеку целях, обеспечить их гуманное применение. С другой стороны, ученый должен выступать и как пропагандист, т. е. информировать общественность о различных — гуманных и антигуманных — путях использования достижений науки» [150].

Что касается указанных Гейслером первого и третьего комплексов проблем относительно генетических исследований, борьбы против их антигуманного использования и опасных последствий этого, то их решение невозможно без активного участия ученых в борьбе, которую ведут страны социалистического содружества за соблюдение достигнутых договоренностей о запрещении производства и хранения биологического оружия, за распространение этих соглашений на химическое оружие; они должны решительно выступать за то, чтобы на основе разработки и строгого соблюдения соответствующих правил безопасности обеспечить по крайней мере уменьшение угрозы для здоровья людей, возникающей в результате проведения некоторых опытов.

Особая ответственность ученых обусловлена прежде всего тем, что они лучше, чем кто-либо, представляют характер научно-исследовательских работ и различные возможности применения их результатов. Поэтому они могут, учитывая растущее значение науки для современного и будущего развития общества, для регулирования отношений человека, природы и общества, внести

свой вклад в классовую борьбу современной эпохи, выступить на стороне прогрессивного, революционного класса и поставить ему на службу свои знания. Известные и признанные ученые могут своими авторитетными выступлениями оказывать весьма значительное влияние на общественное мнение. Господствующий эксплуататорский класс всегда пытался использовать это влияние в своих интересах. Но от позиции ученого зависит, чтобы оно стало действенной силой в борьбе за мирное сосуществование, в классовой борьбе против империализма, за социализм.

Всемирной федерацией ученых по этой проблеме была проведена широкая дискуссия, в частности в связи с заметным оживлением в капиталистических странах враждебных науке и человечеству концепций, а также в связи с разработкой группой Язона планов империалистической войны США во Вьетнаме[151].

Существует и ряд других аргументов, направленных против «Клятвы Гиппократа». Эти аргументы раскрывают действительный характер и условия реализации моральной ответственности ученого. Так, само по себе естественнонаучное знание автоматически не означает ориентацию ученого на практическое выполнение требования использовать знания только в интересах прогресса, свободы, мира и справедливости, ориентацию на ту или иную конкретную позицию и роль в классовой борьбе, которую должен взять на себя ученый в буржуазном обществе.

Иначе говоря, сами по себе естествознание и техника не являются ни добром, ни злом. Исходя лишь из естественнонаучных знаний, нельзя решить вопрос об их значении для человека, определить критерии оценки их гуманизма, выработать масштабы и нормы их этической ценности. Например, Моно в качестве единственно возможного в данном случае решения требует признания абсолютной ценности знания, его истинности. Но коль скоро это требование ограничивается истинами естественнонаучного порядка, никакая этическая оценка деятельности ученого принципиально невозможна. Более того, если последовательно придерживаться такой точки зрения, то можно мотивами поиска истины оправдать и эксперименты на человеке.

Только распространение материализма на область общественных явлений, осуществленное марксистско-

ленинской общественной наукой, позволяет с научных позиций раскрыть сущность общественных ценностей, систем и норм морали, их конкретное содержание и изменение в ходе развития общественно-экономических формаций, их классовый характер как надстроечных форм. И если с позиций исторического материализма была научно доказана невозможность существования некой всеобщей, вневременной системы ценностей и кодекса морали, якобы не зависящих от противостоящих друг другу общественных систем, от классовых антагонизмов и интересов, то это не дает повода для этического пессимизма как следствия краха иллюзий, что имеет место у Борна, или отрицания возможности и необходимости разработки системы ценностей и норм морали, для отказа от всякой идеологии вообще, что характерно для Моно.

На основе исторического материализма, марксистско-ленинской общественной науки раскрывается действительное значение естественнонаучных знаний для человека, их гуманистического использования в интересах общественного прогресса и мира и таким образом обосновываются общественные ценности как критерии и ориентиры нравственного поведения. При этом центральное место занимают следующие вопросы: отношение между объективными общественными законами и нравственными поступками; между общественными закономерностями, классовой борьбой и классово обусловленными системами общественных (в том числе моральных) ценностей; между нравственными поступками и моральной ответственностью отдельного индивида; наконец, между общественными отношениями, развитием науки и моральной ответственностью[152].

Что касается «Клятвы Гиппократа» для естествоиспытателей, то из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Осознание моральной ответственности за использование научных знаний на благо мира, свободы, прогресса и справедливости решающим образом зависит от политического сознания, от понимания того, что материальные основы реализации общественных ценностей коренятся в социалистическом обществе. Только переход от капитализма к социализму как закономерный результат классовой борьбы рабочего класса может обеспечить полную и безусловную ориентацию науки на эти ценности.

Чтобы ученые в буржуазном обществе могли подняться до осознания ответственности интеллигенции и положения ее как союзника рабочего класса в борьбе против капитала, чтобы уяснить взаимосвязи между капиталистическими монополиями, современным империалистическим государством и наукой и т. д., они должны усвоить общественно-научные знания и перейти на позиции рабочего класса. Только обладая этими знаниями, они могут осознать и моральную ответственность, а это является предпосылкой соответствующего образа их нравственного поведения. Условия для приобретения указанных знаний как основы нравственных решений индивида, конкретных критериев и моральных требований к его поведению в социалистическом и капиталистическом обществах существенно различаются. Детерминирующие факторы формирования такого понимания позиций и установок у ученых в условиях государственно-монополистического капитализма чрезвычайно разнообразны и многолики. Существует большое число промежуточных ступеней перехода от буржуазного сознания на мировоззренческие позиции рабочего класса и сознательного включения в его борьбу, но это не освобождает ни одного ученого от личной моральной ответственности за его деятельность и ее последствия. Однако сложный и разносторонний процесс перехода от одной идейной позиции к другой является составной частью классовой борьбы и идеологического противоборства и не может быть подменен морализированием и установлением неких «общих» моральных норм.

Несомненно, значительную роль в данном процессе играет выяснение вопросов о соотношении истины и ценности в естественнонаучном познании, о предпосылках гуманистической ориентации и использования естествознания, о требованиях к моральным решениям и нравственному поведению ученого. Глубокое влияние на осознание действительных взаимосвязей между общественным строем и развитием науки, на постепенный переход естествоиспытателей капиталистических стран с позиций традиционного абстрактного гуманизма на идеологические и политические позиции рабочего класса оказывают общественные ценности социализма, социалистический гуманизм, единство социализма и науки. Немаловажная роль должна принадлежать и разработке марксистско-ленинской этики науки.

Интересная постановка научно-этических проблем, связанных со вторым из указанных Гейслером комплексом проблем — использованием результатов общей генетики в генетике человека, содержится в высказываниях Кучинского относительно различия между «Клятвой Гиппократа» для врача и для ученого-естествоиспытателя. Клятва врача, считает Кучинский, связана с объективными фактами, касающимися индивидуальной жизни пациента, такими, как сохранение его здоровья, соблюдение врачебной тайны и т. д., и поэтому она не подлежит мировоззренческой интерпретации. «Клятва Гиппократа» для ученого, напротив, включает мировоззренческую установку и представляет собой обязательство в отношении общества [153].

Поскольку врачи используют знания генетики человека применительно к отдельному пациенту или к обратившемуся за советом в генетическую консультацию индивиду, то при этом складывается, по мнению Кучинского, такое же в принципе исходное общественное отношение, как любое другое социальное отношение между индивидами. Подчеркиваемое Кучинским различие, касающееся некоторых основных обязанностей врача и требований к его деятельности, конечно, следует учитывать, но его нельзя переоценивать, ибо отношение врача и пациента как специфическое социальное отношение в действительности вплетено в конкретную систему общественных отношений, и выполнение основных обязанностей врача по отношению к пациенту зависит от экономических факторов, от общественного положения врача и пациента. Поэтому нельзя не видеть, насколько тесно применение современных достижений медицины связано с мировоззренческими проблемами, с общественными и моральными ценностями. Особенно это касается использования знаний генетики человека в медицине, причем не только в том смысле, о котором говорил Гейслер, но и в рамках генетической консультации.

Герц, говоря о законах этики науки, указывает, что «центральным звеном каждого такого закона должно являться представление о человеке, точнее, ответ на вопросы о месте человека в мире, о смысле жизни и характере общественного прогресса» [154]. Этот критерий следует полностью отнести и к моральным проблемам врачебной деятельности, к использованию генетики человека. К указанным критериям мы добавили бы чело-

веческое достоинство и условия всестороннего развития личности.

Отмечая специфику некоторых основных обязанностей врача, Кучинский тем самым обращает внимание на наличие некоторых элементарных, общечеловеческих норм морали, несомненно признаваемых марксизмом-ленинизмом. П. Н. Федосеев также отмечает: «Объективная логика производства и объективные условия общественной жизни породили в известном смысле простейшие, элементарные, но тем не менее исключительно важные нормы морали»[155]. Общечеловеческие нормы морали отражаются и в традиционном гуманизме, в том числе в гуманизме врачей и естествоиспытателей. В антагонистическом классовом обществе они подчиняются морали господствующего класса и вследствие этого функционируют в искаженном, ограниченном виде. Социалистическое общество развивает на основе пролетарской морали новые моральные нормы и принципы, но сохраняет при этом и общечеловеческие, элементарные нормы, простые законы нравственности. Оно освобождает их от искажений и превращает в обычные правила отношений между людьми[156].

Применительно к области этических вопросов медицины и генетики человека данное положение следует понимать так, что между взглядами гуманистически настроенных ученых и врачей, которые высоко ценят элементарные нормы морали, следуют им в своей практической деятельности, и диалектико-материалистическим мировоззрением существуют определенные точки соприкосновения. Это служит основой возможного союза с ними.

Врачи и ученые, сознательно стремящиеся отстоять гуманистическое содержание своей профессии, вступают в конфликт с бесчеловечной практикой и деформированными представлениями о человеке в условиях капитализма, которые проявляются в антигуманных концепциях и явлениях и в той области, в которой они ведут свою профессиональную деятельность. Но следует признать, что разрешение этого конфликта, как и решение новых сложных проблем научного прогресса на основе абстрактного гуманизма, невозможно. Тем важнее становится разработка рассматриваемых проблем и путей их решения с позиций рабочего класса, его мировоззрения и принципов морали социализма.

В социалистическом обществе существуют объективные социальные и классовые предпосылки для того, чтобы возникающие в связи с прогрессом науки, в том числе генетики, новые проблемы последовательно решались, исходя из марксистско-ленинского понимания сущности и достоинства человека, в интересах развития социалистической личности и на благо человека. Но это вовсе не означает, что такое решение приходит само. Принципиальная возможность обоснования и разработки единых целей, масштабов и ориентиров для использования генетики человека в деятельности социалистической системы здравоохранения превращается в действительность только благодаря коллективному труду генетиков, биологов, врачей, философов, этиков, юристов, организаторов и работников системы здравоохранения.

Представители биологических и медицинских дисциплин не могут, оставаясь лишь на почве естествознания и медицины, выработать план гуманного использования результатов своих исследований. В социалистическом обществе в первую очередь требуется не принятие индивидуальных решений отдельными естествоиспытателями или врачами, а выработка коллективных решений на основе социалистической демократии в рамках государственных и общественных институтов — науки и социалистической системы здравоохранения [157].

Поэтому при обсуждении подобных вопросов в условиях социалистических общественных отношений речь идет не о том, чтобы просто высказать различные мнения, которые никого и ни к чему не обязывают, — таких дискуссий ведется достаточно много в капиталистических странах, — а о том, чтобы на базе всестороннего научного обоснования исходных позиций разработать общеобязательные ориентиры и критерии для работников государственной социалистической системы здравоохранения, выработать соответствующие юридические нормы. В условиях социалистической демократии в решении этих проблем вместе с естествоиспытателями и врачами активно участвуют представители общественных наук. Благодаря тому что естествоиспытатели и врачи овладевают марксистско-ленинской теорией, в возрастающей мере создаются и субъективные предпосылки для их совместного с обществоведами, философами и этиками исследования новых проблем развития науки

и ее использования, исходя из положений научного мировоззрения, ценностей и принципов социалистической морали[158].

Потребность в разработке соответствующих этических норм, в частности для генетических консультаций, обусловлена тем, что эффективное использование преимуществ государственной социалистической системы здравоохранения в медицинском обслуживании, просвещении и профилактике предполагает единообразие в применении принципов социалистического здравоохранения всеми работниками. Следовательно, при подготовке врачей и ученых, повышении их профессионального уровня и квалификации все больший вес должна приобретать пропаганда научного мировоззрения и нравственное воспитание, включая ориентацию в новых научных проблемах и принципах использования достижений науки. Важность такой постановки вопроса определяется тем, что разработка этических ориентиров не заменяет сознательного и ответственного решения самого человека в том или ином конкретном случае, а лишь создает предпосылки для этого.

Пропаганда новых открытий и связанных с ними этических проблем приобретает все большее значение в рамках общеобразовательной подготовки и просвещения всех граждан в целях преодоления устаревших представлений, предрассудков, влияния буржуазной идеологии и создания предпосылок для принятия сознательных, основанных на правильном понимании сути дела и поэтому свободных решений личности (например, относительно генетических мер и рекомендаций).

В то же время в рамках конкретно-исторического подхода необходимо обеспечить разработку таких этических критериев оценки новых проблем, которые не создавали бы препятствий на пути научного прогресса и использования в будущем всех его достижений на благо человека. Нельзя допускать проведения таких экспериментов, которые носят антигуманный характер, использования научных достижений (в данном случае генетики) в целях, противоречащих марксистско-ленинскому представлению о человеке. Этическая проблематика связана не только с использованием уже полученных результатов, но и с направленностью затрагивающих человека научных исследований и теоретических концепций. Можно согласиться с Лютером и Преном,

которые в равной мере исключают возможность разрешения проблемы как путем создания «вневременного» этического кодекса обязанностей, так и путем простого «приспособления» этики или прагматической «подгонки» моральных норм поведения к развитию естествознания. «Ни догматическое фиксирование этики, ни прагматическая капитуляция не могут привести к подлинному соответствию; оно достигается путем теоретического обоснования единства этики и частнонаучных теорий в соответствии с объективными потребностями общественного прогресса, развития науки и с интересами человека»[159].

Глава 3. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о сущности человека, развитии личности, отношении индивида и общества занимали видное место в истории философии. Это вполне понятно, потому что они тесно связаны с проблемами политики, морали, культуры и т. д.

Решение этих вопросов в марксистско-ленинской философии в корне отличается от домарксистских и немарксистских представлений. Марксизм-ленинизм не ставит вопрос об абстрактных и внеисторических «сущностных силах» человека, не разрабатывает некую особую «философскую антропологию» вопреки требованиям некоторых представителей современной буржуазной философии, в прошлом стоявших на позициях, близких к марксизму (Сартр и др.), антропологически «дополнить» марксизм.

Для марксизма-ленинизма «философия человека», как отмечает Эйхгорн, по существу совпадает с историческим материализмом [160]. Это значит, что исторический материализм с самого начала строился и как постоянно развивающаяся философская теория человека, однако он не сводился к ней. Исследование проблем человека в марксизме является составной частью материалистической философии истории, основанной на использовании диалектико-материалистического метода при анализе этой конкретной проблемы. Цель исследования проблемы человека в марксизме заключается в обосновании преобразующей мир практической деятельности в интересах рабочего класса, социализма [161].

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин разрабатывали научную теорию человека в процессе критики абстрактного гуманизма Л. Фейербаха, религиозно-идеалистических, абстрактно-этических и других антропологических теорий. Важное место в их наследии занимает критика идеалистических концепций младогегельянцев, прудонистов и Л. Фейербаха. Критика буржуазных и мелкобуржуазных, индивидуалистических и анархистских

концепций не означала отрицательного отношения марксизма к проблеме человека, к гуманизму, как иногда пытаются утверждать его противники; напротив, в ходе критического преодоления ошибочных положений домарксистской философии было создано новое, научное понимание человека и реального гуманизма.

Марксистское понимание человека было разработано в таких произведениях, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Тезисы о Фейербахе». В «Тезисах о Фейербахе» Маркс окончательно порвал с антропологизмом предшествующей философии, оперировавшей исключительно понятием абстрактного человека, «человека вообще», стоявшего вне общественных отношений, практической человеческой деятельности. С точки зрения антропологического подхода человек рассматривается лишь как биологическое существо, некая неизменная величина. Такую же теоретическую позицию занимают и нынешние сторонники биологизаторских концепций человека, с той, однако, разницей, что во времена Фейербаха эта позиция, выражавшая стремление мыслителей преодолеть средневековый мистицизм, была исторически прогрессивной, а современные представители биологизма объективно являются поставщиками научных «аргументов» для антигуманистической политики реакционных сил.

Раскрыв сущность человека как совокупность общественных отношений, Маркс, Энгельс и Ленин освободили проблему человека от догм абстрактного антропологизма. Они решили ее в плане диалектики индивидуального и общественного, взаимосвязи развития личности с общественными отношениями, практической деятельностью, классовой борьбой пролетариата и коммунистическим будущим. Разрабатывая научное понимание сущности человека, классики марксизма-ленинизма подходили к этой проблеме последовательно материалистически, рассматривали социальные явления и процессы такими, как они существуют в реальной действительности, отвергая идеалистические предрассудки и выверты. Указывая на необходимость формирования научного понимания человека, Энгельс писал: «Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии» [162].

Таким образом, в марксизме исходным пунктом исследования были «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»[163].

В «Тезисах о Фейербахе» (3-й тезис) Маркс ставит в центр внимания конкретное, историческое бытие индивидов, практически-революционную деятельность людей как процесс, в котором изменение условий жизни совпадает с изменением человеческой деятельности, и, стало быть, самого человека как субъекта всех общественных отношений[164].

Эта «преобразующая мир практика» есть общественный труд, посредством которого реализуется специфически человеческий, социально опосредованный обмен веществ с природой. Она выступает и как революционная практика классовой борьбы и социальных революций. Процесс, в ходе которого человек преобразует природу в соответствии со своими целями и потребностями и все больше берет под свой контроль собственные общественные отношения, является, говоря словами Маркса и Энгельса, процессом производства самого человека[165].

В «Тезисах о Фейербахе» (6-й тезис) Маркс сформулировал определение человека, которое очень часто приводится в литературе: «Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[166]. В этом тезисе Маркс не просто утверждает, что человек живет в обществе и зависит от общества, т. е. является «общественным животным» в аристотелевском смысле, он имеет в виду нечто гораздо большее, а именно: человек является продуктом общества, и то, что составляет его сущность, не заложено в его генах, оно находится вне каждого отдельного индивида, заключено в обществе.

Л. Сэв видит смысл 6-го тезиса о Фейербахе в «смещении центра понятия сущности человека». Он пишет: «Но если говорится, что сущность человека смещена по отношению к отдельным индивидам, то этим также утверждается, что она не является более реальностью индивидуального уровня. Отсюда вытекает и главный тезис: сущность человека не воплощена в человеческом образе, поскольку под человеческим образом понима-

ется образ отдельного субъекта, психологический образ» [167]. Тем самым в 6-м тезисе о Фейербахе раскрыто новое качество человеческой сущности по сравнению с животным миром. Это более высокое с точки зрения развития качество постоянно подчеркивается Марксом и Энгельсом. «Людей можно отличать от животных, — пишут они в «Немецкой идеологии», — по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией» [168].

Процесс развития, приведший к образованию Homo sapiens, занял примерно 10-15 миллионов лет, на протяжении которых формировались биологические основы, приведшие к возникновению нового качества живого — способности производить средства существования, т. е. в этом процессе развития были преобразованы и приобрели новые качества по сравнению с животными предками также и биологические основы (прямая походка, руки, мозг и т. д.) [169].

Это значит, что человек обладает новым качеством в генетическом плане, ибо именно в его генетической программе заложено развитие биологических основ сознания, языка и мышления, этих решающих предпосылок (наряду с прямой походкой, употреблением руки и т. д.) для того, чтобы человек приобрел способность производить средства существования. В способности трудиться выражается сущность человека. Труд — это «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [170]. Классики марксизма-ленинизма постоянно подчеркивали это новое, более высокое по сравнению с животными качество — способность трудиться. «Животное, в лучшем случае, доходит до *собирания,* человек же *производит;* он создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы. Это делает невозможным всякое перенесение, без соответствующих оговорок, законов жизни животных обществ на человеческое общество» [171].

Благодаря труду человек установил совершенно иное по сравнению с животными отношение к природе. «...Животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия;

человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней» [172].

Луриа стремится показать человека как общественное существо лишь с позиций своей специальной научной дисциплины и потому оказывается не в состоянии выразить это новое по сравнению с животными, более высокое качество отношений человека и природы. Он пишет: «Человек (и в меньшей степени некоторые виды животных, например бобры) обладает способностью формировать свою среду, делать ее более подходящей для своих целей» [173].

Благодаря труду не только возрастает степень господства человека над природой, но и возникает новое отношение между людьми, отличающее их от животных. «...Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу» [174].

Таким образом, возникает общество как «сумма связей, отношений, в которых находятся индивиды друг с другом» (Маркс). Создавая исторический материализм, Маркс назвал эти отношения, складывающиеся между людьми в производстве, производственными отношениями. Именно отношения, в которые вступают люди в процессе производства, а не гены определяют все прочие отношения, характер, поведение, отдельные поступки людей в их отношениях друг с другом. Маркс вскрыл объективно существующую взаимосвязь между социальной деятельностью человека, экономической структурой общества и его политической, идеологической и т. д. надстройкой и в диалектике производительных сил и производственных отношений увидел основной закон общественного развития, определяющий, как и почему люди (в соответствии с общественными закономерностями) поднимаются от примитивных и несовершенных форм производства материальных и духовных условий жизни к все более высоким и совершенным [175]. Этот противоречивый процесс развития получил точное научное выражение в категории исторического материализма «общественно-экономическая формация» [176].

Именно труд прежде всего определяет общественную сущность человека, ибо, «воздействуя ...на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу»[177]. О диалектической взаимосвязи преобразования человеком внешней природы и изменения, развития им собственной сущности Маркс писал во многих работах. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он отмечал: «Мы видим, что история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности является *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил,* чувственно представшей перед нами человеческой *психологией,* которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности...»[178]

Исторический материализм рассматривает уровень развития производительных сил как решающий фактор, определяющий степень господства человека над природой, а уровень развития и характер производственных отношений — как показатель растущего господства и контроля над собственными общественными отношениями. Неразрывно связанное с этими процессами прогрессивное развитие самого человека выступает с точки зрения исторического материализма как прогресс культуры. Понятие культурного прогресса отражает процесс восходящего развития человека в самом широком смысле, потому что оно охватывает и обратное воздействие постоянно развивающихся производительных сил и производственных отношений на формирование человека, ведущее к обогащению и более полному раскрытию всех его сущностных сил. Таким образом, рост господства человека над внешней природой, собственными общественными отношениями и над самим собой осуществляется как единый противоречивый процесс общественного развития.

Становление человека, выход его из царства природы происходил в процессе диалектического взаимодействия природной эволюции, законов естественного и полового отбора, с одной стороны, и развития общественного труда — с другой. В результате взаимодействия этих процессов осуществлялся также переход от антропогенеза к социогенезу. Решающая роль коллективного труда — от животных, инстинктивных форм до формы, свойственной исключительно человеку, — обусловлена

тем, что он придал определенное направление действию законов естественного отбора и привел к такому изменению биологической природы человека, которое выразилось прежде всего в совершенствовании органов труда — руки и мозга. В процессе совместной трудовой деятельности формировались и социальные отношения между людьми. Возникшая в трудовой деятельности потребность в общении, обмене информацией вызвала появление (на основе развития и дифференциации мозга) языка и мышления.

В результате указанных процессов сложилось качественно новое отношение людей к природе и между собой, сформировалась новая сущность самого человека. Законы естественного отбора перестали определять развитие человечества. Оно развивается на новом, более высоком по сравнению с животным миром базисе в соответствии с общественными закономерностями, раскрытыми Марксом и Энгельсом и получившими научное выражение в историческом материализме.

В приводившихся ранее высказываниях классиков марксизма-ленинизма рассматривается прежде всего проблема нового качества рода «человек» по сравнению с другими живыми существами. Их следует дополнить положениями классиков, касающимися другой стороны интересующего нас вопроса, которая имеет большое значение, но здесь будет затронута очень кратко. Речь идет о классовой сущности человека, о том, что люди живут не в отрыве от общества, от определенных общественных отношений, но именно в зависимости от них. Изучение человека — его деятельности и поведения, его представлений о морали и политике и т. д. — может быть действительно научным лишь в том случае, если будет учитываться эта взаимосвязь.

В письме П. В. Анненкову (1846 г.) Маркс дал характеристику объективной взаимосвязи, существующей между социальной деятельностью человека, экономической структурой общества и его политической надстройкой [179].

Исходя из этих теоретических положений, Маркс, Энгельс и Ленин обосновали вывод о том, что только в условиях свободы от эксплуатации и угнетения рабочий класс, все трудящиеся смогут полностью развить свои творческие силы и отдать их на благо общества. Концепция сущности человека в марксизме-ленинизме

представляет собой важное звено в преодолении буржуазных теорий «абстрактного» человека.

Данному аспекту проблемы особое внимание уделял В. И. Ленин. Он подверг острой критике идеалистические и метафизические представления о неизменности человеческой природы и требовал изучать конкретные социальные группы и классы, поскольку именно классовые признаки более всего характеризуют человека в классовом обществе. В. И. Ленин боролся не только против буржуазных и реформистских теорий о «вечности» и «неизменности» человеческой природы, но и против представлений «левых» мелкобуржуазных идеологов, видевших природу человека лишь в его классовой принадлежности. Марксизм-ленинизм признает единство в человеке общечеловеческого и конкретно-исторического. В нашу эпоху рабочий класс воплощает это общечеловеческое на данной конкретно-исторической ступени его развития. Полное развитие общечеловеческое получит при коммунизме, когда будут преодолены все социально-классовые различия. С этой точки зрения всю историю человечества можно рассматривать как становление человеческой сущности.

Только усвоив научную теорию марксизма-ленинизма о человеке как одаренном сознанием существе и как личности, о его развитии, а также о действующих в обществе закономерностях, естествоиспытатель может окончательно преодолеть биологизаторские представления, являющиеся плодом простого теоретизирования. Естествоиспытатель должен понять проблему сущности человека как философскую. Луриа же полагает, что можно объяснить общественную природу человека исходя только из специальной научной дисциплины. Вот что, например, он пишет: «Достижения молекулярной биологии позволяют человеку понять исторический жизненный процесс, частью которого он сам является, процесс функционирования своего собственного тела, всего общества и окружающей живой среды, с которой он должен постоянно взаимодействовать» [180].

Понимание вопроса о сущности человека как философской проблемы предполагает также усвоение материалистической диалектики, потому что в данном случае речь идет о диалектическом отрицании биологической формы движения материи с ее закономерностями более высокой, социальной формой. Один из общих законов

развития материи гласит: вещи и процессы, относящиеся к более низкой форме движения, диалектически отрицаются в рамках более высокой формы таким образом, что они сохраняют в ней свое существование, но приобретают как бы подчиненное положение. Так, например, жизнь как биологическая форма движения материи включает химическую, а социальная — биологическую форму движения (человека в качестве организма и вида).

Изложение марксистско-ленинского философского воззрения на общественную сущность человека требует также освещения вопроса о биологических основах человека. В адрес марксистско-ленинской философии нередко делаются упреки, что она, подчеркивая общественную сущность человека, отрицает или недооценивает значение биологического в нем. Обычно при этом приводится 6-й тезис о Фейербахе, в котором содержится известная мысль о том, что сущность человека в действительности представляет собой совокупность общественных отношений. Не соглашаясь с этим положением, некоторые ученые утверждают, что во времена Маркса биология еще не могла предложить соответствующих научных данных, раскрывающих роль биологического в человеке, и поэтому односторонность Марксовой формулировки, дескать, вполне объяснима. Сегодня, когда биология располагает достаточным материалом, марксистско-ленинский тезис об общественной сущности человека якобы нуждается в ревизии. В этой критике марксистско-ленинского понимания человека, которая исходит прежде всего от некоторых биологов и медиков, не учитывается, однако, полемический характер тезисов о Фейербахе. Маркс делает ударение на общественной сущности человека именно потому, что этот момент отрицал Фейербах, другие же аспекты, например биологические, Маркс просто не затрагивает.

Марксистско-ленинская философия вовсе не отрицает роль биологического в человеке; признавая и раскрывая общественную сущность человека, она отводит биологическому соответствующее место. Марксизм-ленинизм признает (и это вполне согласуется с материалистическим пониманием истории), что существует сложное взаимодействие биологических и социальных факторов в развитии индивида, в отношениях людей друг к другу и к внешней природе. Это взаимодействие детерминиро-

вано прежде всего социальными условиями, хотя отдельные функции и способности человека имеют чисто биологическую природу, детерминированы биологически, например пищеварение или кровообращение. Диалектика социального и биологического в человеке проявляется, в частности, в известной тенденции ускорения психосоматического развития нынешнего поколения людей (акселерация), в тенденции постарения населения [181].

Хотя сущность человека общественна, его с полным основанием можно рассматривать как биологическое и социальное существо. Здесь важно различать понятия «сущность» и «детерминация». Простой детерминации (однонаправленной), по крайней мере для человека, не существует. Далее, нужно учитывать различие между понятиями «сущность человека» и «природа человека». По своей сущности человек представляет совокупность общественных отношений, в то же время по природе он выступает как единство биологического и социального. Понятие «природа человека» отражает принадлежность человека к материальному миру, понятие «сущность человека» отражает его специфику по сравнению с другими живыми существами [182]. Поэтому в полемике против таких буржуазных концепций, сторонники которых не отрицают существования в человеке социальных и биологических основ, т. е. признают и факт социальной детерминации, следует не оспаривать наличие биологического в человеке и влияние последнего на его развитие, а всячески подчеркивать, что в диалектическом единстве биологического и социального именно социальное выражает человеческую сущность, является определяющей стороной; в целом же развитие людей детерминируется (в каждом конкретном индивиде по-разному) также и биологическими факторами [183].

Диалектика социального и биологического представляет собой часть проблемы сущности человека и отражает тот факт, что биологические основы и социальные стороны человека находятся в сложном и многоплановом взаимодействии, которое сегодня исследовано еще далеко не во всех подробностях. Процессы развития современного общественного производства, новые требования к человеку и обществу, которые встают в связи с научно-технической революцией, поначалу вполне могут оказать отрицательное воздействие на биологические основы человека, которые, хотя прямо и непосредственно не

вовлечены в динамику общественного развития, тем не менее испытывают «трудности приспособления». В связи с этим возможны более или менее тяжелые нарушения функциональных процессов в человеческом организме, что может вызвать необходимость восстановления гармонии между биологическими и социальными факторами. Решение этой проблемы должно осуществляться прежде всего с помощью мер социального порядка, не исключающих применения химических и физических средств воздействия на биологическую природу, безопасность которых для здоровья человека должна быть надежно установлена.

Наряду с этим наиболее целесообразным представляется путь регулирования индивидуального развития (в онтогенезе) с помощью соответствующих методов тренировки. Физические и психические функции человека осуществляются наиболее полно только при систематической нагрузке на организм в состоянии оптимально полезного для него напряжения. Высокий уровень развития различных сторон жизнедеятельности человека, многообразие его способностей во многом зависят от степени его натренированности.

Карсаевская и Саталов предлагают следующие пути воздействия на человеческую природу: применение методов «генетической биоизоэнергии», использование нервно-психической стимуляции посредством: а) стимуляции деятельности высших уровней коры мозга, что могло бы привести в будущем к образованию надкортикального уровня интеграции в мозгу; б) методов прямого физико-химического воздействия на мозг, целенаправленной стимуляции психической и моторной деятельности; и, наконец, целенаправленное преобразование окружающей среды [184].

Очень важно при этом учитывать взаимодействие социального и биологического в конкретном индивиде, поскольку его поведение на протяжении всей жизни зависит от его собственной генетической истории и его социального развития. Следовательно, вопросы взаимодействия социального и биологического имеют вполне реальное содержание. Однако при выяснении возможностей воздействия на природу человека речь не может идти просто о сохранении или развитии физических и психических способностей, потенций человека. Столь же существенной является проблема сохранения и укрепле-

ния в человеке чувства личного благополучия и удовлетворенности жизнью. И то и другое следует рассматривать в единстве, поэтому необходимо полностью отвергнуть «решение» данных проблем путем «улучшения» генофонда человека.

Мы согласны с Н. П. Дубининым, что вопрос о том, возникнет ли в отдаленном будущем, которое сегодня мы вряд ли можем представить себе даже в самых общих чертах, не говоря уже о деталях, необходимость целенаправленного вмешательства в генофонд людей с целью их улучшения, остается открытым[185]. В иных условиях, которые мы сегодня не знаем и едва ли можем вообразить себе, такая необходимость, возможно, возникнет. В отдаленном будущем люди сами смогут решить подобающим образом эти проблемы с учетом всех научных, этических и социальных предпосылок.

Глава 4. О ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ НАСЛЕДОВАНИИ У ЧЕЛОВЕКА

Классики марксизма-ленинизма неоднократно говорили о новом по сравнению с другими формами движения материи качестве развития общества и индивида. Исходя из общественной сущности человека, Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» ставит вопрос о богатстве общества и человека и приходит к заключению, что оно представляет собой универсальность потребностей, способностей, производительных сил и т. д. индивидов, созданную универсальным обменом [186]. Таким образом, Маркс подчеркивает, что формирование личностных качеств человека происходит не по биологическим законам, а является общественным процессом, хотя он ни в коей мере не отрицает биологической природы человека, учение о которой классики марксизма-ленинизма разработали всесторонне. В настоящее время проблема человека в силу целого ряда обстоятельств вновь стала весьма актуальной и оживленно обсуждается учеными социалистических и капиталистических стран. Здесь мы хотели бы рассмотреть некоторые интересные положения, которые высказал советский генетик Н. П. Дубинин, особенно по проблеме соотношения генетического и социального. Его идеи изложены в различных публикациях, вышедших в ГДР [187].

Остановимся вкратце на главной мысли Н. П. Дубинина — о социальном наследовании, или социальной программе, — с тем чтобы далее обсудить некоторые вопросы, связанные с необходимостью более тесного сочетания анализа философских проблем генетики с марксистско-ленинским учением о человеке и его развитии в зависимости от прогресса общества, исторической преемственности. Н. П. Дубинин исходит из того, что благодаря естественному отбору в течение 10—15 миллионов лет генетическая программа животных предков человека претерпела качественное преобразование. Причем качественно новая генетическая программа, являющаяся основой Homo sapiens, сложилась около 40 тыс. лет назад и с тех пор в целом существенно не измени-

лась, поскольку естественный отбор прекратил свое действие как принцип эволюции человека. При этом Н. П. Дубинин обращает особое внимание на необходимость учета различия, существующего между частичными проявлениями естественного отбора, которые могут иметь место в человеческих популяциях, и естественным отбором как принципом эволюции; это различие нельзя игнорировать. Сложившаяся генетическая программа передается детям от родителей всегда в виде новой, единственной в своем роде комбинации генов.

Благодаря гигантскому генетическому потенциалу человечества и наличию обширного рекомбинационного фонда каждый человек генетически уникален и как биологическое существо является носителем генетической наследственности с широким спектром предпосылок для телесного строения, предрасположенностей к определенному поведению и т. д. Эта генетическая наследственность проявляется в процессе всестороннего взаимодействия с окружающей средой, поэтому реализация заложенной в ДНК информации всегда зависит от изменяющихся факторов среды (например, одним из таких факторов является питание). Процессы, протекающие в материнском организме, такие, как инфекционное заболевание или изменение гормонального состояния под влиянием возбуждений, могут отрицательно сказаться на биологической реализации генетической информации. Не исключено и обратное: определенные, еще неизвестные вещества могут положительно воздействовать на реализацию генетических предпосылок, скажем, развития мозга [188].

Как ни важна и значительна эта генетически детерминированная биологическая основа человека, ее нельзя считать главной причиной того огромного развития, которое проделало человечество за истекшие 40 тыс. лет. Без каких-либо существенных изменений в генетической программе человечество за это время развило мощные производительные силы, которые позволяют во все более широких масштабах преобразовывать окружающую среду в соответствии с потребностями общества. Наука и техника прошли путь от ранних примитивных форм до мощных факторов, оказывающих глубокое воздействие на жизнь людей. Произошли великие социальные революции, которые неуклонно вели к более высоким формам совместной жизни и трудовой деятель-

ности людей. Искусство и мораль в качестве духовно-идеологических процессов существенно усилили свое влияние на человеческое сознание и поведение. В наши дни человечество переживает колоссальный скачок в социальном развитии. В течение жизни только одного поколения народы СССР и стран социалистического содружества осуществили переход от капитализма к социализму, приступили к строительству основ коммунизма, сознательно осуществили научно-техническую революцию.

В соответствии с положениями исторического материализма Н. П. Дубинин видит решающую причину этого развития в том, что наряду с генетической программой люди создали вторую программу наследования — социальную. «Общественные трудовые отношения, — пишет он, — явились новой силой, которую создал Homo sapiens. Важнейшей особенностью прогресса человека было то, что содержание социальной эволюции, как показывают законы генетики, не могло быть запечатлено в генах, оно не было предметом биологической эволюции. Результаты общественной трудовой деятельности передавались путем воспитания от поколения к поколению в форме социальной программы. Сегодня становится очевидным, что учение о социальном наследовании является краеугольным камнем для понимания качественных различий между человеком и животным» [189]. Что касается человека, то в нем «преобразование биологических основ наследственности уступило свое ведущее место изменениям социальной программы. Это стало главным в процессе развития человека как социального существа... Между поведением животных и человека пролегла пропасть вследствие появления нового качества, а именно социального наследования» [190]. Этот вывод Н. П. Дубинина следует рассматривать в связи с марксистским пониманием природы человека, о котором мы говорили в предыдущем разделе.

Н. П. Дубинин затрагивает здесь проблему, уже давно обсуждаемую учеными и, как правило, сводящуюся к вопросу о том, какие свойства человека наследуются биологически. Прежде речь шла чаще всего о наследовании умственных способностей, особых задатков и способностей к художественной или научной деятельности, а также выдающихся свойств характера, проявляющихся в руководящей деятельности. Дискуссии по данной

проблеме зачастую имели политическую окраску и нередко преследовали цель «научно обосновать» правомерность претензий эксплуататорских классов на господство.

Хотя и сегодня еще не все относящиеся к этой проблеме вопросы до конца научно решены, однако относительно биологического наследования уже имеются достоверные знания. Так, общепризнано, что свойства характера, моральные убеждения, конкретное знание языка и другие подобные свойства биологически не наследуются; они приобретаются, вырабатываются каждым человеком в течение его жизни на соответствующих биологических основах посредством воспитания и опыта. Этот факт отражается в науке понятием «культурное наследование». Проблеме культурного наследования в последнее время уделяют внимание ряд ученых в социалистических и капиталистических странах [191].

Касаясь необходимости развить эти мысли дальше и выработать новое понятие, Н. П. Дубинин пишет: «Одного признания факта культурного наследования еще недостаточно. Пришло время полностью раскрыть его содержание и обосновать принцип, что именно его наличие является важнейшим элементом качественной специфики возникновения, существования и прогресса человека. Я имею в виду именно это фундаментальное значение культурной традиции человечества, предлагая обозначить ее категорией социального наследования» [192].

Центральными в концепции Н. П. Дубинина являются понятия «социальное наследование» и «социальная программа». Относительно них Н. П. Дубинин высказывает ряд положений, которые можно рассматривать как определение их сущности, содержания и функций, а также лежащих в их основе реальных явлений.

При определении содержания социальной программы речь идет о явлении на уровне общественного сознания, о духовной культуре людей. С течением времени «содержание духовной культуры приобрело форму социальной программы» [193]. Однако Н. П. Дубинин не имеет намерений заменить категории исторического материализма «общественное сознание» и «идеологическая надстройка» другими понятиями. Напротив, именно опираясь на данные категории, он хочет в понятии «социальная программа» отразить те составные части общественного сознания и идеологической надстройки, которые

каждое поколение усваивает благодаря личному опыту и передает следующему поколению посредством воспитания.

Речь идет о механизме преемственности, непрерывной передачи от поколения к поколению духовных ценностей, которые человечество выработало в процессе своего общественного развития и которые позволяют продолжать исторический процесс активного преобразования природы, развития и изменения общественных отношений, возрастания господства над условиями своей жизнедеятельности. Каждое предыдущее поколение передает последующему определенное по объему и содержанию количество элементов духовной культуры, чтобы грядущее поколение было в состоянии продолжить общественный прогресс. Как видим, в концепции Н. П. Дубинина важную роль играет также понятие «поколение», которое он считает наиболее подходящим для того, чтобы выразить факт непрерывной передачи духовных ценностей человечества. Не трудно заметить, что здесь проводится известная аналогия с процессом передачи от поколения к поколению биологических основ человека, его генетической информации.

Социальная программа весьма динамична. «Объем программы социального наследования,— пишет Н. П. Дубинин, — неудержимо растет, особенно в наш век социальной и научно-технической революций» [194]. «Социальная программа... выступает... как внутренний фактор развития личности» [195] — так характеризует он функцию социальной программы. Она определяет поведение человека в семье и обществе, ориентирует и направляет его сознание, формирует основные социальные черты: человечность, коллективизм, понятия добра и зла, истины и лжи, чувство прекрасного, способность предвидеть будущее и связанное с ней чувство ответственности, чувство любви, юношескую романтическую увлеченность и т. д. Эти основные черты человека, решающим образом определяющие его поведение, наследуются не генетически, а социально.

Передачу социальной программы, ее восприятие и усвоение Н. П. Дубинин и называет «социальным наследованием». Методом осуществления этого наследования является воспитание. «Наука о воспитании находит свою основу в учении о социальной программе» [196], — пишет Н. П. Дубинин.

В процессе воспитания старшее поколение передает социальную программу младшему, при этом важную роль играют отношения родителей и детей. Затрагивая данную проблему, Н. П. Дубинин пишет: «Реализация социальной программы вызвала потребность в характерном для человека длительном периоде зависимости детей от родителей, в появлении сложного комплекса любви к детям — периоде, необходимом для восприятия социальной программы в процессе воспитания и обучения» [197].

Наконец, Н. П. Дубинин указывает также на взаимодействие процессов социального и генетического наследования в ходе воспитания и усвоения социальной программы. Едва ли правильно считать, что восприятие социальной программы в ходе индивидуального развития не зависит от генетической, очевидно, оно происходит во взаимодействии с ней. Мы до сих пор еще не знаем психофизиологической основы восприятия социальной программы. Представляется возможным для понимания этого процесса использовать принцип так называемого «органического детерминизма, т. е. случайных, первоначально неуловимых воздействий, которые могут изменить индивидуальное развитие, хотя не всегда адекватно общей программе восприятия» [198]. Взаимодействие между генетической и социальной программами является ключевой проблемой формирования неповторимого духовного облика каждого человека.

Как нам кажется, представления Н. П. Дубинина о социальном наследовании, о реализации социальной программы в непосредственном взаимодействии с генетической раскрывают новые, интересные аспекты марксистско-ленинского учения о сущности человека и марксистско-ленинской теории личности. Однако необходимо сделать некоторые уточнения приведенных выше понятий, которые пока определены недостаточно четко и в известной мере неоднозначно, что вызывает ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем выяснении. Рассмотрим хотя бы те из них, которые связаны с проблематикой нашей книги.

Ключевым вопросом при оценке концепции Н. П. Дубинина в целом, а также при уточнении некоторых частных аспектов ее является, на наш взгляд, отношение указанной концепции к марксистско-ленинской теории общества, к историческому материализму. Н. П. Ду-

бинин высказывает по этому поводу ряд важных замечаний, подытоживая которые следует подчеркнуть, что их автор не пытается подменить исторический материализм, а, напротив, опирается на него как на исходную методологическую посылку. Нам представляется, что конкретно определить связь его концепции с марксистско-ленинской общественной теорией можно, взяв за исходный пункт специфику действия законов общественного развития (в отличие от законов природы), которая заключена в способе их действия. История развития общества «в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [199].

Действие объективных общественных законов, а в более широком смысле — весь сложный, противоречивый процесс общественного развития осуществляется через субъективную деятельность конкретных индивидов [200]. Возникает вопрос: каким образом лежащие в основе деятельности человека или связанные с нею цели, интересы, желания, знания, способы поведения передаются от поколения к поколению, как действует этот социальный механизм передачи? Правильно ответить на него, как нам кажется, можно прежде всего с помощью понятий социального наследования и социальной программы — центральных в концепции Н. П. Дубинина. Данная концепция, основывающаяся на марксистско-ленинском учении об обществе, позволяет точнее определить общее и конкретно-историческое содержание понятия социальной программы.

Следует уточнить и исходный пункт — положение о специфике действия общественных законов, потому что на разных ступенях исторического развития существуют определенные различия в уровне осознанности человеческой деятельности. Во всех досоциалистических общественно-экономических формациях общественные законы действовали стихийно. Это объективно обусловлено характером материальных предпосылок жизни об-

щества, отсутствием научного понимания закономерностей исторического развития и той политической силы, которая способна применить на практике научные знания.

Лишь с переходом к социализму исторический процесс приобретает новое качество, поскольку возникают объективные условия для познания закономерностей общественного развития и их сознательного учета людьми в их деятельности. Это качественное преобразование исторического процесса неразрывно связано с появлением на исторической арене рабочего класса, с осуществлением его всемирно-исторической миссии. В ходе революционной борьбы пролетариата, возглавляемого марксистско-ленинской партией, происходит сужение сферы стихийности исторического процесса, частичное ее преодоление. Различия в степени сознательности существуют также в границах каждого из указанных уровней. Сознательность исторического действия в процессе социалистического и коммунистического строительства постоянно возрастает. Решающей материальной основой возрастания роли субъективного фактора является процесс обобществления труда, который выступает результатом диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений и ведет к становлению и укреплению коммунистической общественно-экономической формации. Возрастание роли субъективного фактора в истории наиболее концентрированно выражается в руководящей деятельности марксистско-ленинских партий.

Краткое рассмотрение специфики действия общественных законов (в отличие от законов природы) позволяет уяснить, какое место в марксистско-ленинском учении об обществе и человеке может занять концепция Н. П. Дубинина. Она показывает, как проявляются и действуют в истории в качестве основы и движущих сил деятельности людей созданные ими же материальные и духовные блага. Это происходит благодаря тому, что закрепленные в структуре материальной и духовной деятельности, в фактах и явлениях общественной жизни человеческие знания, потребности, представления, целевые установки, политические, моральные, эстетические и прочие воззрения ложатся в основу социальной программы, которую усваивает каждое последующее поколение людей, добавляя в нее нечто новое. Затем по опре-

деленным, зависящим от исторических и классовых факторов критериям они отбирают в этом новом самые важные элементы и посредством воспитания и других механизмов социального наследования передают обновленную программу следующему поколению. Нам представляется целесообразным помимо понятия «социальная программа» дополнительно ввести понятие «социальное наследие». Под социальным наследием мы подразумеваем все материальные и духовные блага, созданные человечеством за предшествующую историю вплоть до настоящего времени. При этом следует различать материальное и духовно-идеологическое наследие. Духовно-идеологическое наследие включает все продукты духовной культуры, т. е. научные знания, художественные произведения, моральные представления, политические и юридические воззрения и т. д., а материальное — все материальные результаты производства, включая сами средства производства, строения, учреждения, книги, технику, элементы искусственно созданной среды и т. д. Мы согласны с Козингом и Куреллой в том, что социальное наследие включает не только духовные блага, продукты духовной культуры, но в равной мере и материальные блага, созданные человечеством [201].

Для дальнейшего уточнения рассматриваемого понятия необходимо провести четкое различие между двумя его аспектами. С одной стороны, речь идет о социальном наследии всего человечества, и в этом случае вопрос касается дальнейшего восходящего развития человечества, решающей основой и предпосылкой которого является труд. В процессе труда, в творческой деятельности создаются материальные и духовные ценности, которые передаются от поколения к поколению как социальное наследие. Каждое поколение продолжает процесс активного преобразования природы на основе того социального наследия, которое было создано прежними поколениями, и дополняет его новыми материальными и духовными ценностями. В этом смысле социальное наследие понимается как совокупность созданных на данном историческом отрезке времени материальных и духовных благ, которыми человечество располагает на каждой ступени своего развития и которые выступают в качестве необходимых и решающих предпосылок и основы дальнейшего прогрессивного развития. Следует лишь заметить, не вдаваясь в подробности, что каж-

дое социальное сообщество — класс, нация и т. д. — усваивает лишь часть социального наследия человечества, которая и становится существенной предпосылкой и основой для того, чтобы это сообщество могло затем внести свой вклад в сокровищницу материальных и духовных ценностей человечества. Границы возможного частичного усвоения социального наследия и соответственно частичного его обогащения определяются прежде всего историческими и классовыми факторами. Фундаментальное отражение этих закономерных связей дано в историческом материализме, прежде всего в учении об общественно-экономической формации.

Понятие социального наследия (и социального наследования) имеет важное значение прежде всего для выяснения вопроса об основах и предпосылках развития человечества. Оно выражает тот факт, что процесс развития человечества (по сравнению с любым видом животных) протекает на качественно более высоком уровне, что решающими предпосылками здесь выступают не генетические, а социальные факторы. При этом содержание, функция и способ передачи социального наследия от предшествующего поколения последующему в качестве необходимой предпосылки и основы дальнейшего развития являются по сути своей социальными, а не генетическими. Иначе говоря, в понятиях «социальное наследие» и «социальное наследование» отражается один из существенных аспектов нового качества восходящего развития человечества, который можно кратко сформулировать следующим образом: развитие человечества представляет собой процесс непрерывного усвоения и обогащения социального наследия.

С другой стороны, это понятие связано с формированием и развитием индивида как личности. Одним из существенных социальных отношений каждого человека, пронизывающим процесс развития личности, является отношение к старшему поколению (родителям, учителям, коллегам по работе и т. д.). По существу это формирующее и воспитательное отношение. Представители старшего поколения передают молодому человеку определенный объем знаний, опыта, навыков, норм поведения и т. д. и заботятся (в необходимых случаях с помощью принуждения) о том, чтобы представители младшего поколения усваивали эти знания, нормы поведения и т. д. Процесс формирующего и воспитательного воз-

действия старшего поколения на младшее, с нашей точки зрения, может быть хорошо выражен в таких понятиях концепции Н. П. Дубинина, как передача и усвоение наличной социальной программы. Этот процесс оказывает существенное влияние на развитие представителей молодого поколения.

Содержание социальной программы, как и критерии отбора социального наследия, определяется ее функциями. Функции социальной программы заключаются в том, чтобы, во-первых, обеспечить для следующего поколения возможность продолжать производство материальных и духовных благ, подготовить его для этого и, во-вторых, так ориентировать и направлять поведение, деятельность людей, чтобы сохранялись, укреплялись и развивались социально-экономические, политические и идеологические основы жизни данного социального сообщества.

В классовом обществе вторая функция имеет классовый характер, поэтому содержание и объем социальной программы в каждом конкретном случае решающим образом зависят от этого обстоятельства. Например, при капитализме наряду с программой, которую избирает буржуазия и посредством разнообразных механизмов передает юношеству и детям, существует социальная программа эксплуатируемых масс, и прежде всего осознавшего свою историческую миссию пролетариата. Она также определенными возможными средствами передается младшему поколению как традиции классовой борьбы, революционное сознание и т. д.

В настоящее время процесс наследования двух классовых социальных программ развертывается в условиях противоборства двух противоположных общественных систем и осуществляется в первую очередь через идеологическую форму классовой борьбы. Таким образом, социальные противоречия классово антагонистического общества проявляются также в содержании и функциях социальной программы. По каналам современных средств коммуникации (телевидение и т. п.) в область жизнедеятельности определенного социального сообщества могут проникать и оказывать действие элементы других социальных программ.

Следует отметить одно существенное различие в содержании социальных программ, присущих досоциалистическим обществам и социалистическому обществу,

обусловленное разной степенью осознанности людьми своей деятельности, а именно степенью соответствия социальной программы объективному закономерному ходу истории. Здесь имеется в виду следующее: прогрессивное развитие человечества возможно только потому, что людям каждого последующего поколения в трудовой деятельности и в других сферах общественной жизни не приходится каждый раз начинать заново, они опираются на все прогрессивное, что создали прежние поколения. Именно для этого и необходим процесс постоянной передачи, как по эстафете, созданных ранее материальных и духовных благ, т. е. процесс социального наследования.

В решении вопроса о том, что́ из совокупного социального наследия следует усвоить и затем передать новому поколению, люди руководствуются конкретными потребностями, интересами и целями. При этом они, разумеется, не свободны от воздействия объективных факторов, которые в классовом обществе носят классово обусловленный характер и которые определяют их потребности, интересы и цели.

В связи с этим возникает вопрос, отражаются и учитываются ли в социальной программе, которую люди наследуют и развивают в соответствии со своими конкретными потребностями, интересами и целями, объективные закономерности исторического развития, и если да, то в какой степени. Вопрос о том, в какой мере содержание социальной программы соответствует объективному ходу исторического процесса, мы считаем очень существенным критерием. Он характеризует важный аспект прогрессивного развития в плане социального наследования и отражает положение Энгельса о том, что вся предшествующая история была лишь предысторией, а подлинная история начинается только при социализме и коммунизме[202].

Как мы отмечали, концепция Н. П. Дубинина представляет наибольший интерес именно с точки зрения ее значения для марксистско-ленинской теории личности. Это значение, по нашему мнению, состоит в следующем: во-первых, в выявлении роли воздействия старшего поколения на младшее в процессе формирования и развития личности и, во-вторых, в раскрытии соотношения биологического и социального в данном процессе.

Марксистско-ленинское понимание личности исходит из сформулированного Марксом в тезисах о Фейербахе положения о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений. В понятии личности отражаются социальные стороны индивида, его духовные и физические качества, сформированные под воздействием общественных условий и характеризующие человека одновременно и как объекта, и как субъекта общественных отношений. Они проявляются прежде всего в его социальном поведении и деятельности.

Личность не есть нечто надобщественное, она представляет собой, по словам Р. К. Кряжева, индивидуальное бытие общественных отношений[203]. Поскольку эти отношения носят классовый характер, то существуют классово обусловленные типы личности. В личности выражается индивидуальное бытие того или иного класса, хотя, разумеется, это не означает, что каждый входящий в тот или иной класс индивид автоматически воплощает все его признаки[204]. Х. Е. Герц различает два уровня определения сущности личности. Она пишет: «Необходимо, во-первых, выделить общие признаки сущности личности, т. е. определить исторический и классово обусловленный аспект понятия личности, выявить специфику этих признаков в условиях различных общественно-экономических формаций и эпох и охарактеризовать различные качества личности... При этом необходимо раскрыть также характер диалектической взаимосвязи биологического и социального. Во-вторых, следует показать специфические признаки социалистической личности, ее новое качество. Все это с необходимостью требует постановки проблемы социального типа личности»[205].

Понятие общественных отношений имеет сложное содержание. В качестве определяющих общественных отношений марксизм-ленинизм рассматривает производственные отношения, которые являются главным детерминирующим фактором развития личности. Исходя из этого может быть правильно определено и место интересующих нас отношений и связей между старшим и младшим поколениями, являющихся составной частью совокупности общественных отношений, которые воздействуют на человека и обусловливают развитие его личности. Это воздействие старшего поколения на младшее Н. П. Дубинин определяет как передачу социаль-

ной программы посредством воспитания, как социальное наследование. Нам представляется, однако, что понятие «воспитание» не охватывает всю совокупность воздействий старшего поколения на младшее. Поэтому мы предлагаем ввести более общее понятие «формирование личности». Мы согласны с Кнёхелем и Науманом, которые понимают его как процесс изменения (формирования) человека в ходе общественной деятельности [206].

Таким образом, мы используем понятие формирования личности для обозначения таких изменений человека, которые происходят с ним в общественной деятельности, в активном взаимодействии с окружающим его миром, под влиянием существующих общественных отношений, благодаря которым постепенно развивается далее и процесс воспитания в том смысле, что первоначальные — стихийные или сознательные — моменты формирования личности все более подвергаются «педагогизации», в результате чего они становятся воспитанием [207]. Короче говоря, мы различаем три вида формирующих воздействий старшего поколения на младшее, которые в совокупности образуют то, что Н. П. Дубинин называет процессом социального наследования.

Во-первых, стихийное формирование личности. В ходе общественной деятельности человек изменяет, как известно, окружающий его природный и социальный мир, а также самого себя. В процессе общественной деятельности старшее поколение передает младшему свой трудовой опыт, опыт классовой борьбы и т. д., для того чтобы оно было в состоянии осуществлять и продолжать эту общественную деятельность. Передача трудового опыта одновременно оказывает формирующее воздействие на личность, однако носит по преимуществу стихийный характер.

Во-вторых, сознательное формирование личности. Оно протекает, как и стихийное формирование личности, в ходе многообразных контактов старшего поколения с младшим как в самом трудовом процессе, так и вне его. Сознательность при этом означает постановку и осуществление цели формирования личности, независимо от того, реализуема ли и в какой мере эта цель *.

* Сознательность следует рассматривать и в историческом аспекте. По мере того, как вместе с развитием общественной деятельности возрастает степень ее сознательности, люди все больше будут осознавать формирующее воздействие деятельности на лич-

Сознательное формирование личности может быть относительно самостоятельным (как, например, законодательство, регулирующее человеческое поведение).

В-третьих, собственно воспитание как формирующее воздействие на других людей, отличающееся от названных видов формирования личности признаками непосредственности и сознательности. В данном случае сознательность означает наряду с целеполаганием определение содержания, методов и форм организации процесса воспитания. Под непосредственностью мы понимаем наличие обратного воздействия (обратной информации) объекта на субъект, которое следует отражать в планировании и реализации процесса воспитания. Речь идет о том, чтобы методически выявлять результаты воспитания и сравнивать их с поставленными целями.

Сознательность и непосредственность в воспитании взаимно обусловливают друг друга. Ни один из этих признаков в отдельности не может служить достаточной характеристикой процесса воспитания [208].

Данное определение понятия «формирование личности» (и соответственно «воспитания») абстрагируется от конкретно-исторических особенностей отражаемых ими процессов, которые в действительности обладают конкретно-исторической и классовой определенностью, как, например, формирование социалистической личности и социалистическое воспитание. Выделение во всей сумме формирующих воздействий старшего поколения на младшее стихийного и сознательного формирования личности и воспитания позволяет более дифференцированно охарактеризовать процесс передачи социальной программы.

Рассмотрим некоторые специальные вопросы социального наследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что этот процесс также происходит на двух разных уровнях. Во-первых, на уровне целых поколений (без расчленения их на отдельные личности) и, во-вторых, на уровне отдельной личности. И здесь следует учитывать и исследовать различие условий и предпосылок для передачи и усвоения социальной программы разными представителями одного поколения. Этот уровень мы и рассмотрим дальше.

ность. На определенном уровне развития сознательное формирование личности станет наконец необходимым компонентом различных форм общественной деятельности. — *Прим. авторов.*

Ясно, что отдельные представители того или иного поколения могут усвоить лишь часть социальной программы. При этом сказывается действие различных факторов, таких, например, как социальное происхождение, образование, профессия, принадлежность к общественным организациям и партиям и т. д. Нас же интересует группа людей, у которых усвоение социальной программы связано с генетически обусловленными заболеваниями. И в социалистическом обществе есть люди с таким «генетическим наследством», которое они могут передавать дальше. Отдельные заболевания подобного рода различаются по степени распространения и по тому, насколько тяжелые последствия они вызывают. Существует диалектическая взаимосвязь между генетически и социально обусловленными возможностями развития личности.

Люди с генетически обусловленными заболеваниями представляют особую группу населения, потому что они либо вообще не в состоянии усвоить социальные программы, либо усваивают их в ограниченном объеме. В результате происходит сокращение — иногда весьма значительное — богатства и разнообразия социальных связей, оказывается невозможным положительное воздействие со стороны социального окружения; психическое и физическое состояние таких людей вызывает сужение и односторонность поля их социальной деятельности, т. е. подчиненный фактор развития человека (генетическая наследственность) становится определяющим.

Одним из таких генетических заболеваний с серьезными медицинскими и социальными последствиями является трисомия-21 (монголоидность, болезнь Дауна). При характерном для этого заболевания коэффициенте интеллектуальности (40—50) уровень умственного развития больных в большинстве случаев не поднимается выше уровня 5—6-летнего ребенка. Больные поздно овладевают речью. Их словарный запас крайне ограничен, разговорная речь примитивна. При наличии — хотя и в ограниченной мере — способности к запоминанию и подражанию полностью отсутствует способность к концентрации внимания. Больные совершенно неспособны к какой-либо сложной умственной работе, к распознаванию связей, но часто имеют хороший слух и музыкальную память. Характерна также дурашливая, тупо-

умная жизнерадостность и доверчивость, а также сильно выраженная потребность в ласковом обращении и поддержке. При всем этом вряд ли возможно усвоение социальной программы и развитие личности, а если и возможно, то в очень ограниченном объеме.

К счастью, не все наследственные заболевания имеют столь тяжелые последствия. Люди, страдающие гемофилией А, обладают несравненно бо́льшими возможностями усвоения социальной программы, хотя по сравнению с генетически здоровыми людьми их возможности заметно ограничены. Они, как правило, испытывают страх за свою жизнь и здоровье. Боязнь и неуверенность в их поведении распространяется и на духовную жизнь. Возникают серьезные проблемы, связанные с избранием партнера по браку, с выбором профессии. В зависимости от тяжести заболевания страдающие гемофилией могут ориентироваться только на определенный круг профессий, поскольку не исключены длительное пребывание в больнице и нетрудоспособность по болезни. Известная социальная изоляция, обусловленная болезнью, и необходимость выбора определенной, не соответствующей личным желаниям профессии могут затруднить широкое усвоение социальной программы и даже сделать его невозможным. Могут, но не должны. В предотвращении этого значительная роль принадлежит обществу, социальному окружению.

Мы подходим, таким образом, к следующему важному вопросу — о взаимодействии между социальной и генетической программами, социальным и генетическим наследованием. Указанные генетически обусловленные заболевания свидетельствуют о том, что серьезные нарушения (дефекты) в генетической программе человека оказывают заметное, а иногда даже определяющее влияние на усвоение социальной программы. Однако и в этой ситуации мы не можем считать себя совершенно беспомощными. В зависимости от состояния наук, особенно медицины и генетики человека, от характера общественного строя последствия и проявления наследственных болезней (а в будущем, возможно, и их причины) могут быть ограничены, возможности усвоения социальной программы такими больными — более или менее расширены. Хорошим примером в этом отношении может служить генетически обусловленная нарушением обмена веществ фенилкетонурия, которая в ГДР

благодаря созданию охватывающей всех новорожденных системы ранней диагностики излечивается эвфенически в подавляющем большинстве случаев. В ГДР количество заболеваний этой болезнью, которая без своевременной терапии ведет к слабоумию и ранней смерти, составляет примерно один случай на 10 тысяч новорожденных. При своевременном лечении его посредством диеты развитие личности и сознания больного в целом не нарушается, хотя в какой-то степени испытывает на себе влияние болезни. Поэтому лечение страдающих данной болезнью обеспечивает им возможность усвоения почти всей социальной программы [209].

Как пишет Кнапп, борьба против генетических заболеваний, а следовательно, за расширение возможностей усвоения социальной программы больными, страдающими ими, идет по трем главным направлениям: 1) генетическая консультация семьи; 2) ранние диагностика и лечение; 3) дородовая диагностика и искусственное прекращение беременности в случае обнаружения у плода соответствующей наследственной болезни [210].

Большую роль играет при этом всесторонняя социальная помощь страдающим физическими и психическими недостатками лицам, заболевания которых также могут быть обусловлены генетически. Такие недостатки, как слабоумие, слепота, глухота и т. д., не столь жестоко и необходимо обусловлены биологически-генетическими причинами, чтобы исключить всякую возможность развития личности, усвоения ею социальной программы. Напротив, как отмечает Беккер, только при неблагоприятном сочетании биологических и социальных факторов появляются существенные психические и физические отклонения [211]. Решающую роль в судьбе этих людей играет научно обоснованная социальная помощь, которая лишь в социалистическом обществе включает все возможные виды помощи больным.

В качестве решающих факторов включения этих больных в социальную жизнь Пресбер и Ренкер рассматривают: 1) отношение больного к своему заболеванию; 2) отношения между больным и его семьей; 3) положение больного в обществе; 4) его положение в трудовом коллективе; 5) роль государства в разработке социальных программ для таких больных [212].

Эти факторы выражают возможность воздействия общества на развитие человека, способности которого

первоначально ограничены вследствие генетически обусловленных отклонений от нормы. В то же время они показывают реальные направления коррекции подобных отклонений в сторону увеличения возможностей развития личности (хотя бы частичного) у людей с психическими и физическими недостатками.

Беккер формулирует аналогичную точку зрения следующим образом: «Все лица, страдающие такими физическими и психическими недостатками, которые существенно не ограничивают интеллектуальный компонент их трудовой деятельности и социального поведения, могут, пользуясь благами научного, технического и социального прогресса, реализовать индивидуальный вариант всесторонне образованной личности хотя бы на среднем уровне развития способностей. Лица с ограниченным интеллектом, но еще способные к обучению и развитию, как правило, не достигают результатов этого среднего уровня развития способностей. Тем не менее и они могут жить активной жизнью в обществе, которое предоставляет им возможность заниматься общественно полезным трудом. Насколько можно судить, сегодня научно-технический прогресс еще полностью не устраняет в народном хозяйстве такие виды деятельности, которые требуют значительного развития физических сил и индивидуальных трудовых навыков. Из этих профессий можно выбрать те, которые соответствуют возможностям и способностям интеллектуально ограниченных людей» [213].

Обобщая высказанные соображения относительно возможностей людей с генетическими дефектами усваивать социальную программу, мы можем отметить следующее.

Содержащееся в концепции Н. П. Дубинина в качестве ее существенного компонента положение о взаимосвязи между социальным и генетическим наследованием и соответственно между социальной и генетической программой в реальной действительности проявляется в различных вариантах. Причем и здесь следует принципиально различать уровень общественных групп (человечество, классы, народы, нации и т. д.), уровень отдельных индивидов, а также малых групп (брак, семья и т. д.).

Нас интересует прежде всего второй уровень, и мы хотели бы высказать некоторые соображения о взаимо-

действии генетической и социальной программ на этом уровне.

Своеобразное взаимовлияние этих программ возникает здесь в том случае, когда биологические основы человека отмечены более или менее серьезными дефектами. Опыт показывает, что эти генетические дефекты, проявляющиеся в виде физических и психических недостатков, в определенной степени ограничивают возможности человека в усвоении социальной программы, а в особо тяжелых случаях делают это абсолютно невозможным. Но опыт показывает также, что отрицательные последствия генетических дефектов, содержащихся в генетической программе того или иного человека и передаваемых по наследству, можно ограничить посредством социальных воздействий, так что страдающий этими дефектами сможет, по крайней мере частично, усвоить социальную программу.

Эта исключительная ситуация показывает, что здоровая биологическая основа, свободная от генетических дефектов, которые создают препятствия для усвоения социальной программы, является существенной предпосылкой для неограниченного усвоения последней каждым человеком и что в условиях социализма уже сегодня путем определенного социального воздействия удается смягчить или даже полностью предотвратить отрицательные последствия генетических дефектов, ставших в ряде случаев определяющим фактором развития человека. Возможности такого положительного воздействия наверняка будут постоянно возрастать. Тем самым и здесь подтверждается положение марксистско-ленинской теории об определяющей роли социального в развитии личности, которое является научно-теоретической основой нашей гуманной и оптимистической позиции в отношении этой особой группы людей.

Значительно труднее ответить на вопрос о соотношении генетического и социального у здоровых людей, не имеющих никаких генетических дефектов, которые препятствовали бы усвоению социальной программы и развитию личности.

В связи с этим мы хотели бы напомнить мысль Н. П. Дубинина о том, что психофизиологические основы усвоения социальной программы и механизм взаимодействия генетической и социальной программ пока не известны и их изучение не является задачей марксист-

ско-ленинской философии. Напротив, она опирается на результаты конкретных наук, когда решает мировоззренческие и методологические проблемы. Поэтому относительно рассматриваемой проблемы с точки зрения философии можно высказать лишь некоторые общие соображения. Вполне доказано исходное положение о том, что во взаимодействии генетически-биологических и социальных факторов в процессе развития личности примат принадлежит последним [214]. Признавая взаимодействие биологического и социального в развитии личности, марксистско-ленинская философия выступает против как биологизаторских, так и вульгарно-социологических взглядов по этому вопросу [215].

Какие проблемы возникают при рассмотрении взаимодействия генетического и социального в развитии человека? Назовем некоторые из них.

1. Как было показано, нарушения и дефекты в генетической программе могут существенно отразиться на усвоении социальной программы и развитии личности индивида. Поэтому важной задачей является охрана генетически-биологических основ человека от повреждений, сохранение их в здоровом состоянии. Это означает, в частности, необходимость предотвращения передачи дефектных генов последующим поколениям, что вполне совместимо с принципами социалистического гуманизма. Важную роль здесь призвана играть генетическая консультация семьи, о которой подробнее будет сказано во втором разделе. Задача заключается также в том, чтобы по возможности ограничить контакты людей с мутагенными факторами (мутационная профилактика). Наконец, многие лица обладают унаследованной предрасположенностью к определенным органическим отклонениям и заболеваниям. Поэтому перед воспитателями (родителями, учителями, врачами и т. д.) стоит важная задача в процессе нравственного воспитания подготовить таких людей к соответствующему образу жизни и поведению, использовать все имеющиеся в их распоряжении средства социального воздействия, с тем чтобы не допустить проявления данной предрасположенности или как можно более ограничить ее. Поскольку процесс воспитания людей, отягощенных наследственной предрасположенностью, должен начинаться уже в детском и может продолжаться в юношеском возрасте, постольку возникает проблема социального наследования, имеющего своей

целью благотворное воздействие на генетические и биологические основы человека.

2. Возникает вопрос учета и развития в процессе формирования личности определенных генетически обусловленных дарований человека, вопрос о генетической или социальной обусловленности тех или иных способностей и, естественно, о соотношении унаследованного и приобретенного в развитии личности.

Какие же задатки и дарования с уверенностью можно рассматривать как наследственные, генетически обусловленные? Эта проблема обсуждается с древних времен. Интерес к ней со стороны современных ученых объясняется различными причинами. Новые знания, особенно в области молекулярной генетики, позволяют видеть эту проблему в ином, нежели прежде, свете и тем самым способствуют оживлению дискуссии. Кроме того, особое внимание к этой проблеме возникло в связи с определенными явлениями, вызванными научно-технической революцией. Мы имеем в виду, например, необходимость для человека приспособляться к новым условиям трудового процесса и обусловленную этим проблему их соответствия природе и возможностям человека. Появление разнообразных функциональных нарушений под воздействием стрессовых ситуаций и других социальных условий также заставляет задуматься над проблемой соотношения генетически-биологического и социального. Это относится и к капиталистическим, и к социалистическим странам.

По мере преодоления существенных социальных различий и связанного с ними неравенства условий для развития личности, выравнивания решающих социальных предпосылок для развития всех членов социалистического общества появляется необходимость выяснить роль и значение генетических различий и особенностей в процессе формирования социалистической личности [216].

В социалистических странах создаются специальные классы и школы для детей с особыми способностями, одаренных в области математики и естествознания или обладающих большой склонностью к искусству, художественному творчеству, испытываются самые разнообразные приемы выявления и развития талантов и т. д. Но поиск и развитие талантов и дарований в практической и педагогической работе носит пока исключитель-

но эмпирический характер. Научно обоснованные выводы почти полностью отсутствуют, хотя призывы к их разработке раздаются все громче. В последние годы научные дискуссии по этому вопросу заметно оживились. Особенно интенсивно данная проблема обсуждается в СССР[217].

Анализ соответствующих публикаций в капиталистических странах показывает, что главной идеологической тенденцией там является стремление с помощью биологизирования проблем развития личности, становления и развития задатков, дарований и способностей человека оправдать социальное неравенство в буржуазном обществе и отвлечь внимание от его социальных пороков. Характерны, например, попытки рассматривать такие явления, как преступность, особенно среди молодежи, в качестве генетически, а не социально детерминированных. Несколько лет назад с этой целью пытались использовать определенные результаты генетики. Так, если хромосомный диагноз устанавливал наличие у преступников ХУУ-конфигурации половых хромосом (часто наблюдаемой у этой категории людей), то это предполагало соответствующий социальный диагноз. Однако вопросы о распространенности подобной аномалии среди населения, о том, как осуществить анализ социального окружения преступников, при этом даже не ставились. Согласно современным научным данным, отмечает Штраас, не существует исключительно генетической детерминации преступлений, в том числе и особо тяжелых преступных деяний[218]. Указанная тенденция отчетливо проявляется также в буржуазной социальной антропологии, например в основывающейся на этой теории идее социального отсеивания[219].

Рассмотрим теперь вопрос о том, какие особенности и черты человека детерминированы генетически и передаются по наследству, а какие наследуются социально, приобретаются в процессе развития личности в обществе. Приходится признать, что, несмотря на большие усилия, предпринимаемые представителями естествознания и общественных наук, по этому вопросу почти нет конкретных, достоверных научных данных. Различные дискуссии, состоявшиеся в последние годы в социалистических странах, показали, с одной стороны, единство основных позиций ученых, а с другой — разнообразие точек зрения в понимании частных вопросов этой проб-

лематики. Решающее значение в определении исходных позиций имеет понимание общественной сущности человека, учет его биологической природы, социальное не вытесняет биологическое в человеке, а подчиняет его себе, при такой субординации биологическое полностью сохраняется.

Что касается генетически наследуемых особенностей человека, то преобладает точка зрения, согласно которой этим путем передаются прежде всего анатомические, физиологические особенности: предрасположенность к рождению близнецов, к долгожительству, свойства нервной системы, склонность к определенным органическим порокам и т. п. Такие генетически унаследованные задатки, тенденции, предрасположенность и т. д. несомненно играют заметную роль в формировании определенных способностей и навыков, оказывают положительное или отрицательное влияние на их развитие. Например, определенные анатомические и физиологические особенности руки, уха или горла могут играть важную роль в формировании и развитии музыкальных способностей. Свойство и навык слышать и правильно различать музыкальные тона, точно воспроизводить их голосом, виртуозно владеть музыкальным инструментом (особенно при наличии выдающихся способностей), бесспорно, требуют соответствующих благоприятных анатомических и физиологических предпосылок. Известно также, что благоприятные анатомические и физиологические предпосылки играют существенную роль и в достижении высоких спортивных результатов и потому служат важным критерием при отборе и подготовке спортсменов высокого класса.

Но лишь взаимодействие биологических основ с благоприятными социальными факторами (музыкальная атмосфера домашнего окружения, благоприятные условия времени, влияние и поддержка квалифицированного учителя, прилежание и сильная воля в отношении к занятиям и т. д.), играющими, по нашему мнению, решающую роль, позволяет музыкальным задаткам и способностям сформироваться и превратиться в реальное дарование.

Некоторые ученые считают, что наряду с анатомическими и физиологическими факторами в формировании выдающихся умственных или творческих художественных способностей большое значение имеют также

генетически наследуемые особенности структуры мозга. Как утверждает В. Н. Колбановский, музыкально одаренные люди отличаются высоким уровнем развития нервных клеток в особых структурных зонах височной области мозга, тогда как у людей, не способных различать отдельные тона по высоте, такие признаки отсутствуют[220]. Крушинский считает, что мозг состоит из огромного количества генетически детерминированных нейронов. В отдельных актах сознания группы нейронов образуют функциональные структуры. Группировки нейронов в структурные единицы у разных людей, очевидно, различаются, что позволяет объяснить их специфические художественные, музыкальные и т. д. способности[221]. Леонтьев и Лурия предостерегают против механического подхода к взаимосвязи генетических предпосылок и психических особенностей человека. Лурия полагает, что нельзя говорить о генетической обусловленности психических процессов, не учитывая их формирование в онтогенезе[222].

Приведенные высказывания относительно взаимодействия генетически-биологического и социального в развитии личности показывают, что эта проблема оживленно обсуждается среди ученых социалистических стран, высказываются различные точки зрения, однако до сих пор в этой области практически отсутствуют сколько-нибудь достоверные данные, которые можно было бы использовать в процессе формирования и воспитания личности.

На основе материалов, имеющихся в публикациях по данной проблеме, можно, как нам представляется, сформулировать следующие общие положения:

1. Генетически обусловленные предпосылки усвоения знаний и навыков, развития способностей в принципе у всех людей одинаковы. Реализация, проявление и, следовательно, общий уровень развития их в определенную эпоху, как и отклонения от этого общего уровня в ту или другую сторону у представителей разных классов и общественных слоев, обусловлены социальными причинами. Индивидуальные различия в усвоении знаний, выработке навыков, развитии способностей в той или иной области при равных социальных условиях и возможностях выступают как колебания в пределах данного среднего уровня и обусловлены прежде всего различиями генетических предпосылок, действие кото-

рых проявляется в сложной взаимосвязи социальных и биологических факторов [223].

2. Для формирования особо выдающихся способностей, существенно превосходящих общий уровень (гениальные личности), наряду с общими социальными условиями необходимы особо благоприятная социальная среда, интенсивное социальное воздействие в соответствующем направлении и специфические генетически обусловленные задатки и предпосылки. Сочетание этих факторов, взаимное стимулирующее влияние социальной и биологической (генетической) сторон друг на друга могут приводить к выдающимся достижениям личности в определенных областях общественной жизнедеятельности. В связи с этим К. Маркс писал: для того чтобы стать Рафаэлем, необходимо носить Рафаэля в себе. Но в то же время он подчеркивал: «...каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться» [224].

В заключение необходимо сделать несколько замечаний относительно общих черт и качественного различия между генетическим и социальным наследованием. Прежде всего мы считаем необходимым установить качественные различия между социальным и генетическим наследованием, чтобы четко определить границы аналогии между ними.

В дискуссиях по этой проблеме высказывались различные мнения относительно употребления понятия социального наследования. Предполагалось даже отказаться от этого понятия и заменить его другим, учитывая ограниченный характер аналогии между социальным и генетическим наследованием и возможные в связи с этим недоразумения. Хагеман, например, пишет: «Хотя я согласен с содержательной стороной высказываний относительно понятия «социальное наследование», но должен со всей определенностью сказать, что к данному понятию, которое все более широко употребляется и сопоставляется с «биологическим наследованием», следует относиться с большой осторожностью» [225].

Подобную мысль высказывает и Вейс: «Различие между биологическим наследованием, с одной стороны, и социальным наследованием — с другой, сразу станет яснее, если иметь в виду, что речь идет о передаче социального опыта и информации, и для обозначения этого процесса будет использоваться не термин «социальное

наследование», а уже известный социологический термин «традирование» (передача ценностей материальной и духовной культуры от поколения к поколению. — *Ред.*)»[226].

Хагеман предлагает заменить понятие «социальное наследование» понятием «социальная коммуникация и формирование»[227].

Мы считаем, что замена понятий не решит и не устранит имеющуюся реальную проблему, и согласны с А. Козингом, который пишет: «...я не думаю, что против этого нового понятия следовало бы обязательно выдвигать столь серьезные возражения... По этому поводу я хотел бы напомнить замечание, сделанное примерно сто лет назад Энгельсом в «Диалектике природы», что понятие наследования в человеческом обществе должно пониматься шире, что в данном случае речь идет не только о передаче задатков по наследству от индивида к индивиду. Понятие наследования в обществе следовало бы расширить так, чтобы оно было применимо ко всему человеческому роду, коль скоро в истории все материальные и культурные блага, знания, навыки и опыт, которые были выработаны и накоплены в ходе общественного развития, передаются в качестве социального наследства — в широком смысле слова — последующим поколениям. Поскольку сам Энгельс не видел ничего плохого в употреблении этого понятия, которое первоначально, по всей вероятности, выполняло эвристическую функцию, я не думаю, что сегодня его следовало бы отвергнуть, исходя из принципов марксистской философии. Это обычное для всех наук явление: новые понятия, образующиеся с эвристическими целями, имеют тот недостаток, что вначале их содержание определяется еще не очень четко. На мой взгляд, именно так обстоит дело с понятием социального наследования. В ходе дальнейшей работы его необходимо уточнить...»[228].

Основное и решающее различие между генетическим и социальным наследованием мы усматриваем в следующих двух обстоятельствах. Во-первых, в самом механизме наследования, т. е. в способе передачи и восприятия генетического и социального наследия. Передача биологической наследственности осуществляется как одноразовый акт и завершается с рождением живого существа, тогда как процесс передачи и усвоения соци-

ального наследия в индивидуальном развитии с этого момента лишь начинается и продолжается непрерывно в течение всей жизни человека. С этим связано еще одно качественное различие, заключающееся в том, что при передаче биологической наследственности восприятие, воспроизведение ее происходит как совершенно пассивный акт.

Восприятие социального наследия (социальной программы) новыми классами, идущими на смену старым, представляет собой непрерывный процесс активного усвоения и на уровне индивидуального развития, например в форме обучения, и на уровне поступательного развития всего человечества, например в форме экспроприации господствующих прежде классов (в необходимых случаях насильственным путем), овладения средствами производства, благами культуры и т. д., т. е. всем материальным и духовным наследием. Таким образом, характерной чертой социального наследования является усвоение в смысле активного овладения, т. е. присвоения. Присвоение — это важное понятие марксистско-ленинской философии, которым пользовались классики марксизма-ленинизма, четко определив его содержание и объем. В марксистско-ленинской философии присвоение понимается в двух смыслах. С одной стороны, в смысле изменения, преобразования внешней природы соответственно целям и потребностям человека. С другой стороны, оно означает присвоение, овладение материальными и духовными благами, созданными человеческим трудом. На первом из указанных уровней усвоение выступает всегда как общественный акт, совершающийся на основе материальных отношений, диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений и проявляющийся в классовой борьбе. Пролетариат, завоевав политическую власть, активно-критически присваивает материальное и духовное наследие человечества.

Что касается уровня отдельных личностей, то здесь присвоение означает одновременно формирование ценностей личности, которое, например у представителей рабочего класса, выступает как присвоение социальной сущности своего класса. Взаимодействие присвоения и развития личности К. Маркс проиллюстрировал на примере формирования музыкального чувства у человека. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года»

он писал, что музыкальное чувство у человека формируется вместе и благодаря усвоению музыки. Он завершает свою мысль следующим выводом: «*Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»[229].

Решающая роль социального наследия (социальной программы) в формировании личности заключается в том, что в процессе его усвоения благодаря тому, что в материальных и духовных ценностях закрепляется опыт, опредмечиваются знания и навыки творцов этих ценностей. На данное обстоятельство указывал К. Маркс, отмечая, что «история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил...*»[230].

Во-вторых, глубокое различие между генетическим и социальным наследованием обусловлено различной сущностью самого наследия, которое передается от поколения к поколению. Биологическая наследственность является продуктом соединения хромосом родительской пары. Оно находится внутри человека и складывается в соответствии с биологическими законами, без вмешательства людей в этот процесс с целью изменения его содержания. Социальное наследие, напротив, представляет собою продукт труда всего человечества на определенной исторической ступени развития. Таким образом, оно существует вне человека. Поэтому социальное наследие находится в постоянном развитии и совершенствовании. На социальное наследие, в отличие от биологического, люди могут активно влиять, избирательно изменяя его в процессе усвоения. Эти изменения осуществляются в соответствии с целями и интересами того класса, который в большей мере овладевает социальным наследием. Важное значение здесь имеет отмеченное ранее соответствие между лежащими в основе деятельности потребностями, интересами, целями и т. д. и объективным закономерным ходом истории.

Характеризуя качественные различия между процессами социального и генетического наследования, необходимо также констатировать качественное различие между социальной программой (или социальным наследием) и генетической программой (или генетической наследственностью), которое, по нашему мнению, заключается прежде всего в том, что социальная программа закрепляется и задается иначе, чем генетическая.

Кроме того, социальная программа является продуктом общественной деятельности, носит исторический и классовый характер. Важное различие между социальными программами досоциалистических общественно-экономических формаций и социальной программой в условиях социализма следует усматривать в том, что при социализме эта программа приобретает характер единого общественного плана с научно обоснованными целями, и это придает ей новое, более высокое качество[231].

Выяснение указанных различий между процессами социального и генетического наследования, социальной и генетической программами было необходимо для того, чтобы отчетливо показать границы аналогии между ними. Само собой разумеется, названные социальные и генетические процессы образуют диалектическое единство, которое следует постоянно учитывать при рассмотрении этой проблемы.

Раздел II. ФИЛОСОФСКИЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Глава 1. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

С рекомендациями и практическими мерами, связанными с проблемами генетики человека, прежде всего имеют дело работники здравоохранения.

Известно, что сравнительно большое число людей страдает болезнями, которые полностью или частично обусловлены генетически. Хотя конкретные данные о количестве таких больных в разных источниках сильно расходятся, вопрос о том, насколько широко распространены генетически обусловленные заболевания, не вызывает сомнений. Так, Фрейе утверждает, что только 1—2% новорожденных имеют врожденные уродства[1], Витковски, Прокоп и Кернер считают наиболее обоснованной оценку, согласно которой 4—5% всех новорожденных отягощены врожденными уродствами и отклонениями от нормы[2]. По данным Ледерберга, в США с генетическими пороками рождается 15% детей[3]. Смит и Мотальски оценивают долю таких детей среди новорожденных в 10%[4]. Очевидный разнобой в цифрах объясняется различием методов подсчета, способов оценки тяжести и проявления полностью или частично генетически обусловленных пороков и болезней.

Многие из таких болезней, как правило, уже в самом раннем возрасте приводят к смерти, подчас мучительной, причиняя тяжелые страдания и больным детям, и

их родителям. По данным американских исследований и согласно сообщениям Всемирной организации здравоохранения, в США 30—40% всех умерших в детских клиниках новорожденных и детей младенческого возраста являются жертвами врожденных аномалий [5].

При довольно широком распространении подобных болезней практически все врачи сталкиваются с данными проблемами и вынуждены решать их, по существу принимая на себя функции генетической консультации. Ясно, что с этой задачей они не могут полностью справиться, потому что даже при хорошем медицинском образовании и общей подготовке неспециалисту в области генетики человека трудно дать исчерпывающие и обоснованные ответы на вопросы пациента. Для этого необходимы специализированные, оснащенные необходимым оборудованием консультации по вопросам генетики человека. Исходя из конституционных гарантий, которые берет на себя социалистическое общество по охране здоровья населения и удовлетворению потребности каждого человека в медицинском обслуживании, социалистическое государство создает разветвленную систему здравоохранения, которая осуществляет также борьбу против генетически обусловленных болезней прежде всего путем профилактики таких заболеваний. Для этой цели и используются генетические консультации.

В обязанности создаваемых государством генетических консультаций входят не только разработка и проведение медицинских мероприятий, но и борьба против различных форм проявления «генетического фатализма и терапевтического нигилизма» [6]. Вторая задача может быть успешно решена лишь при тесном сотрудничестве высококвалифицированных врачей, естествоиспытателей, юристов, педагогов, работников системы социального обеспечения, других государственных и научных организаций, а также самого пациента. Сложность проблемы заключается в том, что пришедший на консультацию человек не болен в обычном смысле этого слова, но он передает «болезнетворный», дефектный ген своим детям. В этом случае стремление помочь пациентам непременно должно опираться на большую разъяснительную работу в целях преодоления таких предрассудков, как поиск некоего мнимого «смысла» наследственной болезни, представления о наследственной болезни как «наказании» и т. п.[7]

Создание оптимальных условий для развития личности всех граждан социалистического общества, в том числе и реализация права каждого человека на медицинское обслуживание, предполагает высокую ответственность врачей и биологов, дающих генетическую консультацию, перед пациентом и обществом. На встрече пациента и консультанта-специалиста, работника социалистического здравоохранения речь идет о здоровье, содержательной и счастливой жизни еще не родившегося ребенка, и почти все высказывания и основанные на них окончательные решения имеют более или менее вероятностный характер. Это заставляет особенно тщательно и точно проверять и взвешивать все обстоятельства дела. Обе стороны, и консультируемый и консультант, должны в полной мере сознавать огромную ответственность за свои советы и решения.

Ответственность за выбор имеет глубокое нравственное содержание: ведь «объекта ответственности» консультируемого пациента еще не существует. Ребенок, судьба которого должна решаться, еще не родился, а общество участвует в этом решении лишь косвенно. Первоначальной «инстанцией», перед которой пациент должен держать ответ, является его собственная совесть.

Ответственность врача-консультанта в данном случае тоже имеет свою специфику. Социалистическое общество требует от него дать пациенту исчерпывающее разъяснение и возлагает на него полную ответственность за это. Формально можно считать, что, давая тот или иной совет, консультант уже тем самым выполняет свой врачебный долг. Но формального исполнения возложенных на врача обязанностей в данном случае недостаточно, потому что в социалистическом обществе он как специалист обязан еще и морально помочь консультируемому найти такое решение, которое окажет благоприятное воздействие на потомство последнего. Поэтому следует согласиться с Буркхартом, который о врачебной ответственности пишет следующее: «Ответственность означает дополнительное личное отношение врача к объективно возложенным на него задачам и обязанностям, отношение, основывающееся на его знании, опыте и совести» [8].

Однако в рассматриваемом случае трудно провести границу между объективно встающими задачами и обя-

занностями, с одной стороны, и долгом, подлежащим только моральной оценке, — с другой. Поскольку жизнь и судьба еще не родившегося ребенка не является частным делом родителей или проблемой, разрешаемой лишь врачом и пациентом, консультантом и консультируемым, а касается всего общества, постольку ответственность специалиста должна пониматься шире.

«Инстанцией», которая определяет меру ответственности обеих сторон, является (помимо совести) социалистическое общество. Если ответственность любого человека отражает взаимосвязь между индивидом и обществом, то врач должен чувствовать себя полностью ответственным за те решения и последствия, которые вытекают из его поведения, выступающего внешне только как выполнение обязанностей. «Требование положительного нравственного поведения существует, даже если его никто не высказывает»[9], — пишет Вейлер.

Поскольку социалистическое общество и ищущий помощи пациент ожидают здорового и жизнерадостного потомства, нуждаются в нем, то живущее ныне поколение несет ответственность за возможно более полное удовлетворение этого требования. Отмеченная «взаимосвязь ответственности отдельного человека и общества проявляется в том, что общество в соответствии с объективными потребностями своего развития требует от индивида и коллективов такого конкретного практического поведения, которое направлено на удовлетворение общественных запросов и интересов. Поэтому общество, класс, а также коллектив и группа, в которых отдельный человек осуществляет свою деятельность, реализует свою жизнь, образуют, как правило, ту инстанцию, которая определяет меру ответственности индивида и требует от него конкретного поведения, выступающего как его нравственный долг»[10].

Проблему ответственности в деятельности генетической консультации Бочков выразил следующим вопросом: «Есть ли у врача моральное право «подсказать» пациенту на генетической консультации определенное решение, или он должен ограничиться простой просветительной работой?»[11] В последние годы в результате обсуждения данной проблемы международной научной общественностью сложилось мнение, что консультирующий врач или сотрудник здравоохранения действительно должен выступать как советчик, обязан сообщать па-

циенту свое мнение. Основываясь на принципах, изложенных в I разделе книги, большинство ученых социалистических стран, занимающихся данной проблемой, считают, что консультирующий врач, не ограничиваясь простым изложением фактической стороны дела, должен активно помогать пациенту в выборе решения [12]. Проведенные нами эмпирические исследования подтверждают эту точку зрения. Из 284 опрошенных только 8 высказали мнение, что на генетической консультации врач не должен оказывать никакого преднамеренного влияния на решение пациента, зато в 61 ответе прямо выражено требование давать вполне определенный, целенаправленный совет [13]. В таком же смысле высказываются Фурман и Фогель, стоящие, правда, на других идеологических позициях. Они считают, что в ходе генетической консультации следует не только сообщить пациенту о возможном заболевании его будущего ребенка, но и дать личный совет [14]. На дискуссии «Генетика и общество» в Марбурге подобная точка зрения высказывалась также Вендтом и другими участниками [15]. Отдел «Церковь и общество» Всемирного совета церквей рекомендует проявлять в этом вопросе сдержанность, хотя и не отказывать консультируемому в определенном совете [16].

Разумеется, при всей сложности проблемы следует исходить из того, что право на окончательное решение — принять или игнорировать основанную на глубоком знании дела и высоком чувстве ответственности рекомендацию — остается за пациентом. И тем не менее врач обязан помочь пациенту найти наиболее обоснованное решение, изложив ему не только фактическую сторону дела, но и свое собственное мнение, которое для каждого пациента должно быть строго индивидуальным. Врач не должен основываться только на математических расчетах прогноза наследственности, поскольку не существует некой общей наследственной отягощенности, она всегда специфична [17].

Особенностью биологической организации любого живого существа и тем более человека является то, что каждый организм есть диалектическое единство универсальности и уникальности. Вследствие сложного взаимодействия различных общественных и биологических факторов каждый человек уникален и неповторим. Поэтому на консультации врач обязан не только провести

обстоятельное медицинско-генетическое обследование данного пациента, определить тяжесть и вид заболевания, степень риска, возможность успешной терапии и т. д., но и учесть множество других обстоятельств, связанных с конкретной ситуацией, в первую очередь обстановку в семье, социальное положение, характер внешних проявлений болезни, психологическое состояние матери или обоих родителей, возможности включения больного ребенка в социальную жизнь и т. д. Только очень тщательное обследование, анализ всех обстоятельств и побочных условий позволяют врачу принять решение с полной ответственностью перед социалистическим обществом и пациентом.

Лишь по отношению к одной, причем не малочисленной, группе пациентов ответственность не ограничивается только рекомендацией. Речь идет о тех, кто страдает генетически обусловленными психическими заболеваниями и вследствие этого не в состоянии строго следовать данным рекомендациям. Если учесть, что примерно 75% различных форм слабоумия полностью или частично обусловлены генетически, а слабоумными рождаются 3% детей [18], то высокая ответственность консультанта в этом случае станет вполне понятной. Конечно, как замечает Фогель, невозможно заставить такого пациента четко следовать той или иной рекомендации [19], но это не снижает ответственности консультирующего врача. Учитывая действительное поведение больного, он должен искать такие пути, которые с достаточной степенью вероятности ведут к желаемому результату. Разумеется, интенсивную врачебную опеку и в ланном случае нужно осуществлять при условии строжайшего соблюдения свободы и уважения достоинства личности, которых требует отношение между врачом и пациентом в социалистическом обществе, полностью сохраняющем силу и в отношении к таким больным [20].

Однако опыт показывает, что многие пациенты генетической консультации не придерживаются советов и рекомендаций врача. Несмотря на такое в целом не очень благоприятное положение, существует резко отрицательное отношение к различным пожеланиям и попыткам придать деятельности генетической консультации принудительный характер. Ученые США предлагают обязательный гетерозиготный тест для дефектных генов [21], выдвигается также требование делать специаль-

ную пометку в документе социального страхования у лиц—носителей дефектных генов[22], существует даже мнение о целесообразности принудительной стерилизации на основе евгенических показаний[23]. Однако для социалистического общества предложения подобного рода неприемлемы, потому что они означают нарушение основных свобод граждан, согласно которым, в частности, никакое медицинское вмешательство недопустимо без согласия самого пациента, за исключением тех случаев, когда его отказ от медицинской помощи создает опасность для здоровья других людей. Хотя такие принудительные меры, как специальные пометки в документах, и не являются вмешательством, затрагивающим здоровье человека, они тем не менее представляют собой акт дискриминации в отношении определенной категории людей. Возникает опасность, что эти люди будут рассматривать себя как неполноценных или другие, имеющие доступ к их документам, будут считать их таковыми. Однако подобная классификация граждан, базирующаяся на биологических основах, абсолютно чужда социалистическому обществу, которое сознательно стремится к преодолению любых социальных различий.

Отрицательное отношение к обязательным гетерозиготным тестам и публичной огласке результатов добровольного тестирования подобного рода ни в коем случае не означает отрицания гетерозиготных тестов вообще или исследования генетических особенностей пришедших на консультацию пациентов и их родственников. Используя соответствующие методы кодирования и сохранения результатов исследований, можно создать очень ценные картотеки, с помощью которых удалось бы повысить эффективность борьбы против генетических болезней. Только от уровня сознательности самого носителя генетических дефектов должно зависеть, сообщит ли он об этом своему партнеру по браку. Поскольку в социалистическом обществе не существует опасности злоупотребления генетическими данными в корыстных целях, здесь отпадают многие проблемы, которые занимают генетиков и юристов в буржуазных странах[24].

Рекомендации и меры в рамках генетической консультации рассчитаны прежде всего на сознание пациента и предполагают его добровольное согласие на осуществление предложенных мер. Надо отметить, что в случае тяжелых генетических заболеваний решиться

следовать рекомендации врача очень трудно, а невыполнение советов в такой ситуации чревато более тяжелыми последствиями, чем в других вопросах, касающихся здоровья и болезни человека. Ведь здесь нередко речь идет о том, чтобы совсем отказаться от потомства или прервать беременность, даже если родители горячо желают ребенка.

Принятие таких решений может быть значительно облегчено, если все население будет иметь достаточно широкие знания основ генетики человека. И наоборот, человеку труднее найти правильное решение, если он впервые сталкивается с научным объяснением очень сложной для него проблемы. Действенная и целенаправленная просветительная работа в этой области, осуществляемая в рамках системы народного образования и других организаций, создает прочную основу для эффективной генетической профилактики и даже для возможной терапии и эвфенического излечения генетически обусловленных заболеваний[25]. На это указывают также Бах и Бочков, выступающие за более широкую популяризацию генетических знаний среди населения.

Наши опросы, проведенные среди рабочих, студентов медицинских вузов, врачей и педагогов, также подтвердили необходимость пропаганды знаний в этой области среди населения[26]. Из опрошенных рабочих 69%, а из работников торговли 45% ничего не знают о наследственных болезнях. В то же время 346 человек выразили желание приобрести или углубить знания в этой области. Ответы распределились следующим образом (см. табл. 1). Многие из опрошенных высказали мнение, что знания о наследственных болезнях должны быть элементом общеобразовательной программы (см. табл. 2).

Гуманистически настроенные медики капиталистических стран приходят к таким же выводам. Об этом свидетельствует, например, упоминавшаяся дискуссия в Марбурге «Генетика и общество», на которой Бехер, Фогель, Вендт и другие выдвинули требование широкого просвещения населения в вопросах генетики человека[27].

Однако следует подчеркнуть, что подлинно научная популяризация знаний в области генетики человека абсолютно несовместима с бездумной рекламой и пропагандой незрелых и непроверенных генетических идей и представлений, сенсационных сообщений и спекуляций вокруг генетических исследований, результаты которых

Таблица 1

(в процентах)

Вопрос: Желаете ли Вы приобрести или углубить знания о наследственных болезнях?	Комбинат тяжелого машиностроения (г. Магдебург)	Работники торговли	Студенты	Врачи	Педагоги
да, безусловно	38	52	40	56	51
нет	—	—	—	—	—
да, если это будет полезно в личных интересах	36	48	3	16	21
да, если это потребуется для исполнения профессиональных обязанностей	26	—	57	28	28

Таблица 2

(в процентах)

Вопрос: Следует ли включить в школьную программу сведения о наследственных болезнях?	Комбинат тяжелого машиностроения (г. Магдебург)	Работники торговли	Студенты	Врачи	Педагоги
да	78	78	82	84	89
нет	7	4	14	8	5
я не задумывался над этим	15	18	4	8	6

пока еще далеки от практического применения либо вообще не могут быть использованы в генетике человека по принципиальным соображениям. Мы полностью согласны с Херманом и Ротом, которые пишут, что «особо высокая требовательность необходима в тех случаях, когда результаты генетических исследований должны

служить основой организационных мер в интересах здоровья человека»[28]. Добавим, что требовательность необходима не только в принятии организационных мер, но и в научном просвещении населения.

Основанная на научных знаниях просветительская работа среди населения, которую должны проводить различные организации и специалисты сферы народного образования, прессы и здравоохранения, наряду с распространением знаний предполагает разъяснение общих целей исследований в области генетики человека, а также задач и функций генетических консультаций и т. д. В ГДР открытое обсуждение рассматриваемых вопросов особенно необходимо, потому что во времена гитлеровского фашизма злоупотребление генетическими знаниями было возведено в ранг высокой государственной политики. Используя созданные в ходе социалистического строительства экономические и политические рычаги, социалистическое государство всю деятельность общества направляет на благо человека. Это основной принцип нашего общества, он является главным и при определении целей генетических консультаций и исследований в области генетики человека.

Нам не безразлична судьба будущих поколений, которым мы передаем соответствующую генетическую информацию, но мы не можем и не должны сегодня односторонне ориентировать все наши помыслы и шаги на благо только будущих поколений. При таком подходе существует опасность оказаться в плену рассуждений, которые привели Гротиана, несмотря на все его словесные заверения в гуманности, к биологизаторским, неомальтузианским и социал-дарвинистским выводам. Пропагандируя идею постепенного систематического сокращения численности «неполноценных» и возрастания численности «высокоценных» людей, он заявлял, что социальная гигиена оправдает свое призвание только в том случае, если не допустит отрицательных последствий для продолжения рода человеческого[29]. Нельзя не согласиться с мнением Туцке, что ядром социальной гигиены Гротиана стала количественная и качественная евгеника[30].

В условиях социализма выводы социальной гигиены, гигиены человека и медицинской генетики в области здравоохранения призваны помочь реализации основной задачи — сочетанию интересов и потребностей общества

с интересами и потребностями каждого отдельного человека и каждой семьи.

Поскольку генетические рекомендации и меры по существу всегда направлены на будущие поколения, постольку формирование здоровых, жизнерадостных последующих поколений в равной мере соответствует интересам социалистического общества и каждого гражданина. Но если удовлетворение интересов общества в этой сфере может быть и должно достигаться только через удовлетворение интересов его граждан, то цель генетической деятельности в условиях социализма нельзя ограничить исключительно или преимущественно генетической «популяционной терапией», как считают Фогель[31] и Хагеман[32], направленной на улучшение генофонда всего населения.

Определяя цели и задачи генетики человека, и в частности медицинской генетики, в социалистическом обществе можно сформулировать следующие основные требования:

1) освободить от страха и опасений людей, которые хотят иметь потомство, но боятся (безо всякого на то основания), что их дети могут родиться больными или с предрасположенностью к генетическим заболеваниям;

2) предотвращать, насколько это возможно, зачатие и рождение детей, которые будут страдать тяжелыми генетически обусловленными заболеваниями;

3) помогать людям с генетически отягощенной наследственностью иметь здоровое потомство, по возможности излечивать генетически больных детей или облегчать их заболевания;

4) своевременно оказывать влияние на выбор профессии такими больными, помогая им найти соответствующую их силам и способностям работу.

Конечно, осуществление мер, разрабатываемых генетикой человека, может и будет оказывать благоприятное воздействие на генофонд населения. Известно, однако, что большинство генетических заболеваний потребует очень длительного лечения, прежде чем заметно сократится их распространение.

Убедительные примеры того, насколько медленно излечиваются такие заболевания и как мало надежны достигаемые с помощью мер и рекомендаций генетической консультации популяционные результаты, приводит Фурман[33]. Он подсчитал, что даже при стопроцент-

ном выявлении больных фенилкетонурией и стопроцентной успешной терапии, гарантирующей им выживание и возможность продолжения рода, удвоение частоты дефектных генов с нынешнего уровня 0,01 до 0,02 и возрастание вероятности заболевания примерно от 1 на 10 тыс. до 4 на 10 тыс. новорожденных произойдет примерно за 100 поколений, или за 2800 лет. Обратные подсчеты относительно возможностей излечивания болезни, основанные на предположении абсолютной недопустимости продолжения рода генетически отягощенных людей, показывают, что снижение даже на 50% степени распространения дефектных генов, являющихся причиной заболевания, займет примерно 40 поколений и будет длиться около 1 тыс. лет[34].

Если пойти дальше и попытаться с помощью евгенических мер удалить из популяции все дефектные гены, то наверняка не останется ни одного человека для продолжения рода, ибо, как свидетельствуют данные исследований Витковски и Прокопа, «каждый фенотипически здоровый человек является носителем в среднем 2—3 рецессивных дефектных генов, которые в гомозиготном состоянии ведут к тяжелым заболеваниям»[35].

Как уже отмечалось, цель исследований в области генетики человека и генетических консультаций заключается в том, чтобы, во-первых, освободить от страха родителей, запуганных возможностью рождения больных или страдающих уродствами детей; во-вторых, насколько это возможно, предупреждать зачатие и рождение генетически больных детей и, наконец, в-третьих, помогать генетически отягощенным родителям иметь здоровое потомство, излечивать больных детей или облегчать течение их болезни. Мы согласны с аналогичными соображениями Кёрнера и Грауэля. Однако не можем принять другой их тезис, в котором утверждается, что генетическая профилактика исключительно индивидуальна и касается только семьи[36].

И если нельзя признать «высшей целью» генетики человека некий общественный интерес, улучшение генофонда населения страны или борьбу против его ухудшения, то тем не менее необходимо подчеркнуть, что исследования в области генетики человека, разъяснительная работа, выработка рекомендаций и вытекающие из добровольно принятых пациентами решений последствия, поведение консультируемых ни в коем случае

не могут быть ориентированы лишь на индивидуальное сознание и свободу отдельного человека, исключительно на его личный интерес. Каждая рекомендация, предложенная мера и решение должны исходить прежде всего из понимания высокой социальной ответственности, поскольку эти решения касаются биологических основ будущих поколений.

Таким образом, генетическая консультация представляет собой важный компонент социалистической системы здравоохранения и, как любое учреждение, призвана реализовать новые, характерные для социализма отношения между врачом и пациентом. Как пишет Еман, во время каждой «встречи с работниками органов здравоохранения социализм представляется пациенту в конкретном облике и с конкретным именем... В каждом таком акте наглядно выступает в конкретной для пациента форме соответствие личных и общественных интересов» [37].

Конечно, даже самый тщательный учет интересов пациента и общества, самое добросовестное соблюдение и использование всех современных генеалогических и диагностических возможностей не могут гарантировать абсолютную надежность установленного диагноза и прогноза наследственности. Следует исходить из того, что даже у генетически не отягощенных родителей в двух случаях из ста рождается ребенок со значительными недостатками [38].

Учитывая это, мы должны признать, что далеко не во всех случаях можно точно определить конкретное содержание таких понятий и терминов, как «высокая степень вероятности», «значительный риск», «выраженное уродство» или «тяжелые недостатки». Подобные трудности чаще всего возникают на консультации, и квалифицированный совет, разъяснение, выработка оптимального решения оказываются тем успешнее и правильнее, чем точнее будет определена проблема, по которой принимается решение. Что же касается степени риска, то вероятность генетического заболевания у 10% ожидаемых детей обычно рассматривается как показатель очень большого риска [39].

Однако значительно труднее установить степень тяжести ожидаемого и выявленного генетически обусловленного заболевания или уродства. Благодаря постоянно развивающимся, все более точным методам диагно-

стики в настоящее время Всемирной организацией здравоохранения установлено и признано более 1500 различных генетических дефектов, болезней и уродств [40]. Среди них есть настолько тяжелые, что страдающие ими оказываются просто нежизнеспособными, но есть и такие, при которых отклонения от нормы относительно невелики. Есть заболевания, которые поддаются более или менее успешному медицинскому или социально-медицинскому лечению. Их последствия и проявления могут быть частично и временно смягчены. В отношении некоторых заболеваний, дефектов и т. д. мы пока еще совершенно бессильны что-либо предпринять. Наконец, генетически обусловленные заболевания различаются по характеру своего проявления: больные, страдающие одними заболеваниями, в течение всей жизни не способны вступить в социальные связи с окружающими их людьми, тогда как больные с другими недугами могут поддерживать в течение более или менее длительного времени достаточно развитые социальные контакты.

Чтобы дать жизненно важную рекомендацию и помочь пациенту принять решение в ситуации, когда существует опасность «тяжелого заболевания», и либо совсем отказаться от собственного потомства, либо досрочно прервать беременность, консультант-специалист должен тщательно проанализировать, взвесить и учесть все разнообразные факторы, определяющие степень «тяжести» заболевания. Уже давно выдвигается требование разработать комплексное определение понятия «степень тяжести» болезни (иногда используется также понятие «оценка болезни»), в частности генетически обусловленной болезни или уродства. При этом особо подчеркивается необходимость больше уделять внимания социальным компонентам болезни (как, впрочем, и здоровья) [41].

Дуновски предлагает «оценивать состояние ребенка на всех трех уровнях (соматическое состояние, психическое здоровье и социальная ситуация. — *Прим. авторов*), характеризующих понятие здоровья» [42]. В условиях социализма включение социального компонента в оценку болезни имеет важное значение. Социалистическое общество в силу своей природы предоставляет широкие возможности для развития личности, а целенаправленное социальное воздействие на это развитие путем создания

благоприятных социальных условий позволяет добиваться более положительных результатов, уменьшая степень патологических изменений.

В докладе отдела «Церковь и общество» Всемирного совета церквей (1973) рассматривается предложение об установлении ряда критериев, которые облегчили бы нахождение и принятие решения как для специалиста-консультанта, так и для пациентов[43]. Авторы доклада пишут, что, исходя из этих критериев, можно было бы составить каталог наследственных болезней от самых тяжелых и до самых легких и на его основе давать оценку заболевания. Но они считают, что составление такого каталога неосуществимо вследствие двух обстоятельств. Во-первых, потому, что наши знания о многих болезнях, как и возможности их лечения, постоянно изменяются, вследствие чего столь же часто должно меняться их место в каталоге. Во-вторых, в различных регионах и в отдельных семьях рассматриваемые болезни так сильно разнятся, что каждый раз оценивать их приходится по-разному.

Действительно, разработка и составление жесткого каталога генетически обусловленных болезней и уродств, в котором каждая болезнь и уродство имели бы точно определенное место, оцениваемое определенным числом пунктов, — задача необходимая, но крайне трудная. Тем не менее можно и нужно предпринять группировку наследственных болезней по принципу объединения, с одной стороны, тех из них, которые сопровождаются наиболее тяжелыми последствиями, а с другой — таких, последствия которых незначительны. При этом вместо привычного понятия «оценка болезни», включающего только медико-биологические характеристики заболевания, следовало бы использовать понятие «социально-медицинская валентность», или «значимость», болезни.

Содержание валентности генетически обусловленных заболеваний и уродств можно было бы определить на основе следующих критериев.

1. Степень медико-клинической тяжести заболевания, определяемая воздействием генетических нарушений на жизнеспособность плода, ребенка и взрослого человека.

2. Возможность успешной терапии на протяжении всей жизни больного.

3. Возможность целенаправленного, учитывающего

индивидуальные особенности пациента психопедагогического лечебного воздействия.

4. Поддающиеся оценке возможности даже ограниченного включения пациента в социальные процессы и связанные с этим перспективы развития его личности.

5. Наличие достоверных знаний о внешнем проявлении заболевания, в том числе и об изменчивости его симптомов.

6. Знание о том, не может ли ликвидация определенных предпосылок, задатков полностью или частично компенсировать действие ожидаемого либо установленного генетического дефекта.

Мы полагаем, что с помощью комплексного применения этих критериев можно было бы точнее определить характер и место группы тех генетически обусловленных заболеваний, которые (согласно существующим методам оценки, охватывающим только медико-биологические показатели) находятся где-то посередине. Специфика связанных с генетически обусловленными заболеваниями и уродствами проблем становится особенно понятной в ситуации, когда, например, с помощью дородового диагноза на второй трети беременности принимается решение о ее прекращении или нормальном завершении.

В то же время предлагаемые критерии позволяют учитывать и оценивать болезни в зависимости от региональных и семейных особенностей. Исходя из конкретной ситуации, на консультации легче прийти к оптимальному решению относительно дальнейшего поведения пациента. Так, если в семье, характеризуемой наличием «генетического риска», уже есть один или несколько фенотипически здоровых детей, то в этом случае рекомендовать отказаться от рождения других детей гораздо проще, чем бездетным супругам, даже если речь идет об одной и той же болезни. Предлагаем план анализа, с помощью которого можно определить социально-медицинскую валентность, или значимость, генетических заболеваний на основе указанных шести критериев.

1. *Возможности диагностики.*

Выявление возможностей скринирования (массовой ранней диагностики).

Выявление возможностей дородовой диагностики.

Гетерозиготный тест.

Генеалогический анализ.

2. *Возможности терапии.*

Наблюдение в период беременности с точки зрения возможных осложнений в ее течении.

Подготовка к возможным преждевременным родам.

Пребывание родившегося с дефектом ребенка в клинике.

Возможности оперативного устранения врожденных дефектов.

Оценка шансов нежизнеспособных детей.

Осуществление и соблюдение специальных эвфенических мер.

3. *Шансы на успех медицинской реабилитации.*

Предпосылки и возможности помещения в специальные ясли, детские сады и дома.

Возможность обучения в спецшколе.

Возможность профессионального обучения в специальных реабилитационных мастерских и профшколах.

Возможность работать в специальных мастерских или на специально оборудованных рабочих местах.

(Возможности реабилитации родившихся с психическими и физическими дефектами детей при помощи медицинских и социальных мер, осуществляемых социалистической системой здравоохранения ГДР, были убедительно показаны на II социологическом конгрессе ГДР в 1974 г.[44])

4. *Социальные, социально-медицинские и индивидуальные последствия болезни.*

Рождение мертвых детей.

Дефекты, ведущие к быстрому смертельному исходу.

Степень отставания в физическом развитии.

Степень умственной отсталости.

Нарушение развития личности больного ребенка.

Появление социальных осложнений в семье.

Степень нетрудоспособности.

Степень ограничений в усвоении социальной программы[45].

Юридические последствия терапевтических и диагностических мер[46].

Проблемы и ответственность в случае осведомленности о генных или хромосомных дефектах при выборе партнера по браку, профессии, работы по профессии и образа жизни.

Анализ генетической болезни, проведенный по этому плану, точнее отражает конкретную ситуацию, сущест-

вующую в обследуемой семье и вокруг обследуемого пациента.

Исходя из сказанного, понятие «социально-медицинская валентность» генетической болезни можно определить как отражение общей (т. е. проявляющейся в общественном, семейном и индивидуальном плане) актуальной значимости полностью или частично генетически обусловленной болезни (или уродства), установленной с помощью медицинских, психических, социальных, нравственных, а также экономических критериев[47].

В соответствии с таким подходом каждый консультирующий врач обязан провести точный, комплексный анализ семьи, вскрыть сущность предполагаемой или уже выявленной болезни. В то же время он должен составить прогноз относительно возможного развития личности больного ребенка, трудностей в дальнейшей жизни его родителей, братьев и сестер. Только при этом условии может быть полностью реализована ответственность консультирующего специалиста и достигнута высокая действенность генетической консультации.

Глава 2. УСЫНОВЛЕНИЕ

Если супруги лишены возможности иметь собственных детей, выходом из положения может стать усыновление чужого ребенка в младенческом или младшем возрасте. Решение об усыновлении в таком случае определяется двумя факторами: во-первых, необходим обусловленный сознанием ответственности отказ от собственных (кровных) детей. Сознание ответственности проявляется в том, что люди чувствуют себя в ответе за счастливую и полнокровную жизнь своего возможного ребенка как перед ним самим, так и перед обществом. И здесь неважно, какой мотив доминирует. Во-вторых, чтобы принять решение об усыновлении, важно понимание обоими супругами высокой ценности семейной жизни и семьи в социалистическом обществе.

Насколько велики желание и готовность людей в нашем обществе создать полноценную семью путем усыновления ребенка, можно судить по результатам уже упоминавшегося анкетного исследования. Из 232 опрошенных (не имеющих детей) 54% выразили готовность усыновить ребенка, если окажется, что по генетическим соображениям им целесообразно отказаться от рождения собственных детей, и только 17% заявили, что в таком случае они вообще не желали бы иметь детей[48].

Оба фактора характеризуют прежде всего отношение самой супружеской пары к усыновлению. Но усыновление, несомненно, имеет огромное значение и для жизни ребенка, который таким образом приобретает семью с ее незаменимой атмосферой и теплом домашнего очага, что очень важно для гармоничного развития каждого ребенка. Их отсутствие не может быть полностью компенсировано даже самым заботливым уходом в детских домах. Поэтому усыновление расценивается в нашем обществе как проявление высокого нравственного сознания.

Значение семьи для передачи и усвоения социальной программы подрастающим поколениям освещалось в

первой части книги. Здесь необходимо подчеркнуть, что одной из важных задач воспитания является дальнейшее преодоление любых ложных представлений о том, что супруги, решившиеся по генетическим соображениям на усыновление чужого ребенка, якобы сами как мужчина и как женщина являются неполноценными.

В нашем обществе не имеет широкого распространения мнение, которое характерно, например, для США, будто полноценным мужчиной молодой человек может стать только после того, как от него забеременеет женщина, хотя, конечно, такие представления иногда еще могут встретиться и у нас. Рекомендуя усыновление, консультирующий врач тем самым выходит за рамки простого объяснения пациенту генетических вопросов. Именно в этой ситуации он может пойти дальше, разъяснив будущим приемным родителям, какие факторы наследуются или могут наследоваться и какую роль играет социальная среда в формировании и развитии способностей и черт характера человека.

Усыновление означает, что родители растят ребенка, который не будет нести и передавать дальше их наследственности. Однако это еще не говорит о том, что приемный ребенок вообще не может усвоить никаких существенных свойств и способностей приемных родителей. И хотя ученые — генетики, нейробиологи, психологи, педагоги, социологи и другие — еще не смогли выяснить, какие именно свойства человека и в какой степени определяются генетическими предпосылками и какое воздействие оказывает воспитание в семье, школе и т. д. на формирование выдающихся личностей, тем не менее ученые социалистических стран практически единодушно признают чрезвычайно важную роль, которую играет общество в формировании личности (Лурия, Астауров, Дубинин, Царегородцев, Ефроимсон, Федосеев и др.). Во всяком случае каждый ребенок в семье находит примеры для подражания, усваивает родительские критерии и масштабы оценок общественной жизни, социальных явлений. Чтобы выяснить (насколько это возможно уже сегодня) реальное соотношение генетических и социальных факторов в формировании способностей, характера, поведения приемного ребенка, необходимо преодолеть устаревшие и наивные представления о роли так называемого кровного родства, миф о «собственной плоти и крови», которые нередко дополняются псевдонаучны-

ми понятиями типа «генетическая тоска» или «генетическое воспоминание».

Такие понятия и выражения свидетельствуют о мистицизме, который в результате многовековой истории прочно закрепился в сознании людей и еще сегодня встречается в представлениях некоторых членов нашего общества. Эти мистические представления зачастую подкрепляются дополнительными «аргументами», наподобие того, что усыновленный ребенок нередко-де является результатом недозволенных сексуальных связей и потому несет на себе пятно позора. Подобные представления, основанные на невежестве, пережитках отсталого сознания, оправдываются с помощью чуждых науке «доводов» о наследовании свойств характера, талантов, способностей.

В буржуазном обществе такие взгляды распространяются сознательно или неосознанно, но в конечном счете для того, чтобы сохранять существующие экономические отношения, классовое господство буржуазии. Теория одаренной элиты и концепция о генетическом наследовании социального поведения объективно служат интересам существующих в буржуазном обществе отношений классового господства.

Буржуазные ученые не могут освободиться от такого рода предрассудков даже при определении степени риска, связанного с усыновлением. Так, Хеллинг высказывает довольно характерную мысль: «Вряд ли уместно, чтобы супруги относились к приемным детям с глубокой верой в их будущее. Если вспомнить, что предлагаемые для усыновления дети часто происходят от родителей из асоциальной среды, то невольно возникает сомнение в *унаследованных свойствах характера и духовных способностях приемного ребенка.* Самое хорошее воспитание тут часто бессильно. Это весьма весомый минус усыновления»[49] (курсив наш. — *Авт.*).

В буржуазном обществе супруги, которые намереваются усыновить ребенка и которым буржуазное законодательство дает такое право, — это, как правило, люди зажиточные, т. е. представители господствующего класса или близко стоящих к нему слоев общества. Приведенные выше сомнения о целесообразности усыновления основываются, таким образом, на соображениях классового характера. Мистические представления, о которых мы говорим здесь, коренятся в реальных экономических

отношениях, базирующихся на частной собственности на средства производства. Буржуазные общественные отношения требуют однозначного ответа на вопрос о происхождении ребенка, поскольку от этого в решающей степени зависит его право быть наследником в семье.

Идеология частного собственника подкрепляется при помощи мифа о крови и кровной линии, будто бы имеющей основание в биологической природе человека. Тем самым оправдывается и освящается вся система частной собственности, обусловленная-де самой природой человека. Государственная идеология гитлеровского фашизма строилась, как известно, именно на этом тезисе. С помощью теории «чистой расы» и мифа «о крови и земле» идеологически обосновывались и маскировались разбойничьи притязания на мировое господство самой агрессивной, шовинистической части германских монополистов.

Как уже говорилось, право на материнство основано на биологических предпосылках, но детерминируется оно не только ими. Можно с уверенностью сказать, что женщина и мужчина становятся или могут стать матерью и отцом не потому, что они способны к этому физиологически. Отцовство и материнство — это в значительной мере социальные категории. Их нельзя определять, исходя только из биологических предпосылок, кровной связи. Конечно, в физиологическом и психологическом отношении роль родившей ребенка матери чрезвычайно велика, но этого еще недостаточно для полного признания материнства.

Отцовство и материнство проявляются в решающей степени в уходе за ребенком и его воспитании, в планомерном руководстве развитием его личности. Но все это относится к области социальных отношений и требует определенных возможностей и личных качеств родителей. Такая точка зрения нередко высказывалась в художественных произведениях, среди которых одним из наиболее впечатляющих является «Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта.

«При социализме воспитание детей на основе почерпнутых из жизни опыта и воззрений, налаживаемый благодаря детям контакт с детскими и подростковыми коллективами, близкое знакомство с проблемами, запросами и желаниями подрастающего поколения — все это

обогащает духовный мир взрослого человека и ставит перед ним задачи, которые способствуют развитию полноценной, содержательной жизни»[50]. Действительное отцовство и материнство характеризуется социальным, а не каким-то извечным биологически-антропологическим содержанием.

Поэтому нельзя согласиться со своеобразными попытками «разложить» материнство и отцовство на биологические и социальные компоненты и противопоставить последние друг другу. При таком подходе биологической связи молчаливо придается большее значение, а социальное содержание материнства и отцовства характеризуется только как эрзац или кажущиеся материнство или отцовство. Даже если оба компонента на словах признаются равнозначными или взаимозаменяющими друг друга, на деле всегда предполагается, что «биологические» родители будто бы играют бóльшую роль в воспитании ребенка. Об этом ясно говорит, например, Хеллинг. Он утверждает: «Отец передает ребенку то, что характеризует и создает его индивидуальность, либо как биологический родитель через свою наследственность, либо как кажущийся родитель благодаря своей заботе о воспитании его в соответствии с духовным миром своих представлений»[51].

В соответствии с таким пониманием отцовская и материнская индивидуальность передается ребенку либо материальным путем, посредством генов, либо идеальным, вследствие «передачи» ребенку в трудоемком воспитательном процессе некой духовной схемы, идеального мира представлений, лежащих в основе индивидуальности приемных родителей. Эти взгляды на воспитание и формирование личности не только идеалистичны и потому ошибочны, они и механистичны, ибо в интерпретации процесса воспитания и жизни семьи ведут к серьезной недооценке действительного значения социального аспекта в становлении и развитии родительского отношения к детям.

В действительности существование и прочность брака, семьи в гораздо меньшей степени определяются наличием так называемой кровной связи детей с обоими родителями, нежели готовностью и способностью родителей сознательно строить содержательную семейную жизнь, общностью их целей и взглядов на жизнь, умением делиться мыслями, проблемами и интересами. Со-

гласно такой точке зрения приемный ребенок с полным правом может участвовать в жизни социалистической семьи, в которую он сознательно принимается как желаемый ее член. Однако следует специально подчеркнуть, что это стало возможным лишь на основе социалистических общественных отношений.

В эксплуататорском обществе субъективно искренние попытки многих родителей построить гармоничную семейную жизнь наталкиваются на объективные социальные препятствия. Отношения между приемными родителями и детьми в этих условиях нередко отягощены серьезными проблемами, которые обусловлены социальными факторами, а не генетическими причинами. Поэтому нельзя согласиться с выводом Тэйлора, будто «опыт с приемными детьми показывает, насколько трудно для родителей вырастить генетически отличающихся от них детей» [52].

Трудности в отношениях между родителями и приемными детьми характерны и для стран, где усыновление стало модой, неким социальным символом статуса богатых и где нередко доведенные до отчаяния матери продают за доллары своих детей. Не желая признавать социальную подоплеку таких трудностей, их причину обычно усматривают в каких-то генетических проблемах, в действительности не существующих.

В условиях социалистического общества отказ супругов от рождения собственных детей, мотивированный генетическими соображениями, и усыновление свидетельствуют о высокоразвитом у них сознании ответственности. Вполне понятно желание таких людей усыновить ребенка, который не страдает какой-либо тяжелой генетической болезнью. Это желание не следует отвергать как каприз или чрезмерно высокое требование именно потому, что такие супруги в отличие от большинства других отказались от рождения своих детей, понимая сущность генетических заболеваний. Потребность этих граждан социалистического общества в действительно здоровой смене вырастает в конкретное требование, адресованное к тем государственным органам, которые опосредуют усыновление. Поэтому следует серьезно подумать над тем, чтобы при помощи соответствующих обследований и тестов именно таким решившимся на усыновление людям давать гарантию в том, что усыновленный ими ребенок не страдает никакими гене-

тическими и хромосомными заболеваниями, которые могли бы проявиться позднее.

Это требование не содержит в себе ничего дискриминационного. Мнение, будто дети, кровные родители которых либо не заботятся о них, либо вообще не известны, мертвы или по каким-то причинам лишены родительских прав, уже вследствие этого заранее «отягощены» в своей наследственности, полностью противоречит научным данным генетики человека и педагогики. Оно не согласуется и с принципами социалистической морали. Поэтому указанное требование может выдвигать не всякая супружеская пара, желающая усыновить ребенка, а лишь та, которая отказывается от своего собственного потомства исходя из генетических соображений.

В равной мере нельзя признать оправданным требование таких обследований ребенка, в результате которых удалось бы получить информацию о его возможных генетически обусловленных задатках и способностях. Против подобных требований приемных родителей говорят весьма весомые аргументы как научного, так и нравственного содержания.

Как уже отмечалось, между генетически-биологическими и социальными факторами, определяющими конкретное развитие человека и его возможности, всегда существует тесное взаимодействие. Само собой разумеется, что это относится и к приемным детям. На основе разработанных в настоящее время тестов на выявление различных способностей вряд ли можно с достаточной степенью достоверности определить специфическую роль генетического или социального фактора в формировании этих способностей[53]. Такие требования должны быть отвергнуты не только потому, что они неверны с научной точки зрения, но и потому, что для них не существует и не может существовать никакого морального оправдания.

Ни одна здоровая супружеская пара не может заранее знать, какой ребенок, с какими генетическими задатками (определенных способностей и одаренности) у нее родится. Поскольку в настоящее время мы не знаем и, видимо, в течение длительного времени ничего не будем знать о природе генетических факторов, об их взаимодействии, о способе передачи и реализации генетического компонента в ходе формирования способно-

стей и одаренности и в еще меньшей мере можем оказывать какое-либо воздействие на эти процессы в соответствии с нашими представлениями и познаниями, нам остается лишь предоставить это воле случая. На чем же тогда должно основываться право родителей, которые собираются растить не своих кровных, а приемных детей, обеспечить себе ясность именно в этом вопросе и к тому же при явно несовершенных средствах?

Такого рода требования могут быть расценены только как проявление элитарного мышления, чуждого мировоззрению рабочего класса.

Глава 3. О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ГЕНЕТИКИ ЧЕЛОВЕКА

Быстрое развитие генетики человека и все более широкое использование ее результатов в системе здравоохранения, а также прогресс исследований в области общей генетики и особенно молекулярной генетики вызывают острые дискуссии относительно возможностей применения новых методов и путей воздействия на биологические основы жизни, развитие и здоровье отдельного человека и всего человечества.

Как отмечалось, многие прогрессивные представители буржуазной науки высказывают весьма оптимистические мнения по этим вопросам, когда речь заходит о научно-технических возможностях, но сомневаются, обладает ли человечество в достаточной мере нравственной зрелостью, чтобы использовать эти возможности в гуманистическом духе. Так, Т. Манн пишет: «Эти новые методы находятся в противоречии с унаследованными представлениями и традициями... Но для нас не безразлично, не окажутся ли эти методы в один прекрасный день навязанными нам...» [54] В том же духе рассуждает Луриа: «Каковы бы ни были главные причины конфликтов в человеческом обществе, следует с полным пониманием отнестись к тому, что сейчас люди задумываются и скептически относятся к обещаниям биологической техники, опасаясь возможных злоупотреблений ею» [55]. Подобную точку зрения высказывают и некоторые другие буржуазные ученые (к примеру, Байч, Каплан [56]).

Однако необходимо отметить, что нередко встречается и совершенно иное мнение, согласно которому всякие изменения в обществе, в том числе и изменение отношения человека к перспективам развития генетики, должны осуществляться с помощью именно генетических мер. Подобные взгляды характерны, например, для Зинсхаймера, который пишет: «Мы перестали быть единым биологическим видом, в котором возможна коммуникация между отдельными индивидами. Чтобы снова объединить людей, мы должны генетическими средства-

ми повысить наши способности справляться со всеми проблемами, которые вообще представляются реализуемыми. То же относится и к способности каждого понимать другого... Целью генетической техники должно стать повышение способностей человека понимать сложность общества и легко разбираться в ней, а также расширение сферы человеческого бытия и увеличение мощи наших понятий и представлений»[57]. Таким образом, посредством разумного применения генетических знаний, генетического изменения человека предлагается соединить общество, расколотое капиталистической эксплуатацией и угнетением, в котором именно капитализм порождает реальную опасность злоупотребления знанием.

Такая попытка найти решение социальных проблем напоминает прием Мюнхаузена, который вытаскивал себя из болота, взявшись за собственную косу. К подобным иллюзиям приходят ученые, которые мыслят гуманистически, но в своих рассуждениях не опираются на научную теорию общественного развития. Среди буржуазных ученых высказываются и такие мнения, в которых прямо и неприкрыто выражено стремление поставить генетику на службу империализму[58].

Некоторые ученые воздерживаются от того, чтобы занять какую-либо определенную позицию по этим проблемам, считая, что в настоящее время новые генетические методы еще далеки от реального осуществления. Так, например, Хаусман пишет: «Заботы, вырастающие в связи с перспективой такого использования, мы можем спокойно переложить на плечи будущих и, надо надеяться, более мудрых поколений, а нашу энергию употребить на решение неотложных проблем современности»[59].

Попытка уклониться от обсуждения проблемы, конечно, не может содействовать выработке и обоснованию определенной точки зрения. Каждый ученый, работающий в области генетики человека, должен уже сегодня занять четкую позицию, потому что выжидание и упование на будущие, более мудрые поколения объективно служит тем, кто призывает к антигуманному использованию возможностей генетики (пусть даже в современных условиях еще фактически не реализуемых), кто сеет смятение и неуверенность, вселяет страх перед будущим в сердца людей.

Конечно, ученые, стоящие на позициях марксизма-ленинизма, тоже не могут дать исчерпывающую и пригодную для всех времен моральную оценку явлений и процессов, первые признаки которых сегодня еще только начинают вырисовываться. Но во всех своих высказываниях и оценках, в том числе касающихся перспектив развития генетики и использования ее достижений в человеческом обществе, они исходят из следующих основных положений, отражающих интересы рабочего класса, всех трудящихся.

1. Прогресс в области генетики должен служить прежде всего делу сохранения и защиты бесконечного богатства возможностей, которым обладает генетическая структура человечества.

2. Потребность каждого человека в здоровье, которой в социалистическом обществе придается важное значение, оправдывает все научные достижения и возможные на их основе практические меры, помогающие лучше и полнее удовлетворить ее.

3. Решающим звеном поступательного развития человеческого общества является его социальное развитие. Оно создает предпосылки для более полной реализации генетических потенций человечества.

4. Если перед человеком встанут качественно новые проблемы или неожиданно произойдут глубокие изменения в окружающем человека мире, «человек найдет разумный способ изменить свою биологическую природу» [60].

Считая, что решающим содержанием дальнейшего поступательного развития общества является продвижение человечества к коммунизму, мы тем самым признаем, что социальный прогресс включает также создание необходимых гарантий и предпосылок для гуманного использования научных результатов генетики человека. Буржуазное общество не может обеспечить такие гарантии, несмотря на предпринимаемые попытки ввести многие хитроумные приемы контроля и морализирующие призывы. «Ни от какой социотехники нельзя ожидать таких гарантий, если она не связывает теорию общественного прогресса с соответствующими классовыми основами и не осуществляет его в этой органической связи» [61], — пишет по этому поводу Лей.

В рассуждениях, касающихся будущего генетики, оценки ее общественной и идеологической значимости,

мы должны помнить, что принципы и нормы любой морали отражают реальные потребности реальных людей. Об этом очень верно писал Ф. Энгельс: «Мы... отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества»[62].

Исходя из этого можно с полным основанием утверждать, что в ходе дальнейшего поступательного развития у общества никогда не появится потребность снова ввести, теперь уже на биологически-генетической основе, давно преодоленные общественные порядки с классовым и сословным разделением людей. Генетические утопии, в которых выдвигается подобная идея, лишены всякого нравственного содержания, поскольку они предполагают попятное развитие человечества.

Таким образом, вопрос о том, какие цели следует ставить, осуществляя определенные меры с помощью общей генетики и генетики человека, какие существующие и будущие интересы трудящихся могут или должны быть удовлетворены благодаря этим мерам, будет возникать всегда, ибо от его решения зависит направление и обоснованность соответствующих исследований и конкретных генетических мер. Разумеется, сегодня мы не можем в каждом отдельном случае знать, какие практические потребности будут удовлетворены с помощью тех или иных достижений в области генетики, но бесспорно, что она как часть науки принадлежит к системе производительных сил человечества. Далеко не все ученые, работающие в области генетики, осознают (и соответственно признают) этот факт. Некоторые из них полагают, что ими движет чистое любопытство, а вопросы положительного или отрицательного применения этой науки их будто бы вовсе не касаются. Сторонник таких взглядов Хаусман, работающий в области молекулярной биологии, пишет: «Я уверен: все, что исследуется в области генетической манипуляции и пишется об этом, нельзя объяснить желанием помочь человечеству, последнее служит только предлогом для

оправдания того иррационального удовольствия от самого процесса познания, которое многие ученые в области молекулярной биологии, очевидно, не могут подавить в себе»[63].

Конечно, чистое «удовольствие от самого процесса познания» или научная любознательность могут быть важной движущей силой процесса познания, особенно в области фундаментальных исследований. Но если они односторонне возводятся в ранг высшей и единственной цели, то это значительно увеличивает степень опасности реального злоупотребления результатами таких исследований со стороны враждебных человечеству империалистических сил. Именно поэтому у многих исследователей появляется чувство неудовлетворенности и беспокойства.

Одним из реальных направлений применения генетики человека в ближайшем будущем является возможность заранее предугадать пол ребенка. Будет ли эта возможность реализована путем очень раннего, внутриутробного выявления пола будущего ребенка с последующим селективным абортом, если пол ребенка не соответствует ожиданиям родителей, или же путем искусственного оплодотворения гаметами, определяющими мужской или женский пол, в принципе не будет иметь решающего значения с точки зрения возможных общественных последствий такой операции.

Некоторые буржуазные социологи полагают, что такая операция поведет за собой одностороннее предпочтение мужского пола. Так, американский социолог Этциони с помощью различных прямых и косвенных исследований и анализов установил, что в США использование возможности выбрать пол ребенка приведет, по самым осторожным оценкам, к избытку новорожденных мальчиков в 7% дополнительно к естественному их избытку в 2,5%. Он опасается, что вследствие этого сложится общество, обладающее чертами «века пионеров на диком Западе»[64].

Другие буржуазные авторы не видят столь большой опасности, полагая, что с помощью моды и искусной пропаганды можно добиться того, чтобы предпочтение того или иного пола уравновешивалось в пределах некоторой средней статистической величины. Тем не менее в отдельных поколениях это будет с необходимостью приводить к одностороннему избытку одного и дефициту

другого пола. По нашему мнению, такие стихийно складывающиеся социальные последствия произвольного выбора ребенка по половому признаку могут возникать только при наличии следующих общественных предпосылок: во-первых, если социальная неравноценность полов значительно ощущается в разнообразных формах общественной практики и потому прочно закрепляется в сознании общества; во-вторых, если возможность такого выбора может быть использована с целью манипуляции сознанием масс, независимо от того, чем она мотивируется. В социалистическом обществе по мере дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни, с ростом сознательности граждан нового общества все больше вытесняются стихийно действующие социальные процессы, противодействующие рациональному демографическому развитию. Благодаря всестороннему осуществлению равноправия полов, выравниванию условий развития и социальных функций постоянно сокращается почва для предпочтительного (пусть даже преходящего) отношения к тому или иному полу.

Благодаря распространению научных знаний и воспитанию людей в духе социалистического гуманизма, основанного на научной идеологии, благодаря обусловленному этим устойчивому «иммунитету» к влияниям со стороны буржуазной идеологии с ее отрицательными последствиями для образа жизни и поведения непрерывно уменьшается опасность того, что на почве ложного сознания может появиться в массовом масштабе подобного рода предпочтительное отношение к какому-либо полу.

Возможность определить пол будущего ребенка представляет значительный интерес для нашего общества. Дело в том, что передача по наследству некоторых генетически обусловленных болезней связана исключительно с половым признаком, поэтому для семей, в которых имеется такого рода заболевание, в настоящее время единственным способом предупреждения его у ребенка является дородовое определение пола. Если плод имеет тот пол, для которого наиболее характерно проявление какого-то наследственного заболевания, то необходимо искусственно прекратить беременность.

Эти довольно рискованные и сложные способы дородовой диагностики и аборт могут стать излишними, если будут найдены методы разделения гамет и использова-

ния иммунобиологических средств и приемов. С их помощью можно было бы более уверенно планировать рождение ребенка желаемого пола фактически здоровым. Разумеется, сегодня мы еще не можем ответить на вопрос, потребуется ли в более отдаленном будущем, учитывая общественные интересы, осуществлять меры по увеличению доли желаемого пола новорожденных.

Точно так же следует подходить к разработке приемов, с помощью которых осуществляется оплодотворение женской яйцеклетки in vitro* и ее пересадка другой женщине, чтобы она могла родить здорового ребенка. Этот прием, противоположный гомологическому или гетерологическому искусственному оплодотворению, многократно и успешно опробован и практически использовался в экспериментах на животных. Согласно опубликованным данным, гомологическая трансплантация яйцеклетки после оплодотворения in vitro сопровождается крайне незначительным числом врожденных дефектов[65]. Она может быть полезной при соответствующих показаниях, а также при наличии достаточно больших шансов на успех и малой степени риска для матери и ожидаемого ребенка. Разумеется, этот метод можно применять очень редко. Как и в случае гетерологического искусственного оплодотворения, здесь речь идет о совершенно определенной терапевтической мере, которую абсолютно недопустимо связывать с какими-либо селекционными соображениями или намерениями.

Методы, которые служат средством борьбы против болезней и человеческих страданий, уже сегодня нашли свое моральное оправдание. Иначе обстоит дело с методами, которые хотя и имеют значение для фундаментальных исследований, но, по всей вероятности, непригодны в борьбе против болезней или для предотвращения опасностей для человека. Они едва ли могут оказаться пригодными и для повышения физической и умственной работоспособности человека. К этой группе можно с уверенностью отнести такие методы, как партеногенез и витрипатрия (развитие человеческого зародыша и плода вне женского организма).

Партеногенез, или искусственное активирование неоплодотворенной яйцеклетки с последующим развитием

---

* В лабораторных условиях. — *Прим. переводчика.*

зародыша, мог бы иметь большое значение для общества только в случае, если женщины вдруг займут позицию неприязни и отрицания мужского пола или если все мужчины вымрут. В закономерном развитии человеческого общества такая необычная ситуация наверняка не предвидится. Кроме того, партеногенез значительно сократил бы присущее человечеству генетическое богатство, поскольку при этом способе размножения потомству передается лишь женский хромосомный набор. Иначе говоря, широкое применение этого метода означало бы безответственное обращение с генофондом людей.

Витрипатрия разрекламирована Хаксли в книге «Этот славный новый мир» в качестве возможного массового способа производства живых существ. Ее смысл, по Хаксли, заключается в том, что она позволяет производить одинаковые в генетическом плане живые существа различных модификаций с человекоподобными чертами. Не говоря уже о том, что для реализации данного метода необходимо решить чрезвычайно сложные научные и технические проблемы, следует отметить, что, по всей видимости, в обществе никогда не возникнет необходимость разрабатывать и тем более практически применять такой способ производства людей. Еще очень долго на нашей планете, видимо, не будет нужды иметь людей больше, чем их рождается естественным способом.

Возможен вопрос, не возникнет ли при определенной терапевтической ситуации необходимость освободить женщину от беременности и родов. Но это абсолютно противоречило бы физиологической структуре женского организма, поэтому проекты массового выращивания человеческих эмбрионов вне материнского тела никаким образом не связаны с потребностями общества. А поскольку потребности в них нет, для них не может быть и социального оправдания. Поэтому пугающие слова Тэйлора о том, что «будущие дети должны будут отказаться от приятных удобств материнского чрева»[66], мы рассматриваем лишь как образец «шоковой терапии», разработанной буржуазной идеологией.

Однако, возражая против «производства» человека, мы не отрицаем необходимости исследований и экспериментов с целью изучения процессов оплодотворения и развития человеческого эмбриона. Учитывая стремление

социалистического общества создать оптимальные условия для рождения здоровых детей, мы стремимся получить возможно более полные сведения о патологических процессах на каждой стадии эмбрионального развития, что позволит действенно бороться с ними.

До какой стадии развития эмбриона и даже плода можно вести подобные наблюдения и исследования? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько необходимы они для удовлетворения потребности в здоровье, действительно ли эти и подобные им эксперименты служат здоровью человека и нельзя ли полученные с их помощью знания приобрести иным способом. Полностью признавая определяющую роль общественных запросов и потребностей в формировании конкретного содержания этических норм, принципов и ценностей, мы должны согласиться и с тем, что общим принципом высокоразвитых общественных отношений является утверждение высокой ценности каждой отдельной человеческой жизни [67].

Существует еще одна возможность регулировать процессы продолжения человеческого рода, о которой часто говорят сейчас генетики и по поводу морального оправдания которой ведутся острые споры. Это трансплантация клеточного ядра. После успешных опытов на амфибиях, проведенных в 1966—1968 гг., некоторые ученые уверенно заявляют, что уже в скором времени такие опыты можно будет провести и на человеке [68]. В случае их успеха стало бы возможным «изготовлять» любое количество генетически идентичных индивидов, вводя в изолированную яйцеклетку ядро соматической клетки того же или другого индивида. (Число таких «близнецов» ограничено только количеством всех яйцеклеток одного индивида.)

Если в нормальных условиях потомство наследует комбинацию генов отца и матери, то при трансплантации клеточного ядра ребенок получает наследственность от донора клеточного ядра. Получение большого числа генетически идентичных организмов (клонов) может, вероятно, представить большой интерес для животноводства, но применение этого метода к человеку неизбежно привело бы к обеднению генетического многообразия, являющегося важнейшим условием существования человеческого общества. Этот метод представляет собой не только «селекцию» в самом прямом смысле

слова, но и угрозу для генетического потенциала всего человечества.

Для этого метода даже при условии эпизодического его использования в каких-то отдельных случаях нет оправдания ни с какой точки зрения. Невозможно найти никакой причины, на основании которой кто-то должен генетически многократно воспроизводиться в неизменном виде, подобно типографскому оттиску. Следует подчеркнуть, что использование данного метода предполагает повторение только генотипа, а не конкретной личности. Представление, будто с помощью этого метода можно копировать какую-либо личность, полностью относится к области фантазий, ибо хорошо известно, что каждый конкретный человек является продуктом взаимодействия генетических и общественных предпосылок и условий.

Несостоятельным является и приводимое иногда мнение о том, что клонирование открывает якобы совершенно новое поле для исследований наследственности человека. В действительности наследование осуществляется прежде всего путем генетической комбинации. Для исследования вопросов, связанных с генетической идентичностью, достаточный материал дает изучение близнецов.

Иногда высказывается мысль, что клонированные существа были бы идеальными поставщиками отдельных органов для трансплантации их своим генетически идентичным «родителям», «братьям» и «сестрам». Но эту идею нельзя охарактеризовать иначе как выражение высшей степени извращенности. Выращивание генетически одинаковых людей только для того, чтобы использовать их в качестве «живых комплектов запасных частей», ни при каких обстоятельствах нельзя совместить с гуманизмом и человечностью. Другое дело, если бы удалось выращивать отдельные человеческие органы (сердце, печень, почки и др.), генетически идентичные органам людей, нуждающихся в трансплантации, и не подверженные иммунологическому отторжению. Это позволило бы успешно осуществлять многие операции, дающие жизнь тяжелобольным людям.

Когда заходит речь о перспективах развития и использования генетики человека, нередко указывают на такие новые направления, как «генная хирургия», «генная инженерия» (или «генная инженерная наука»). Ряд проведенных на бактериях экспериментов дал порази-

тельные результаты, которые позволяют надеяться, что в скором времени появится возможность целенаправленно изменять или заменять отдельные гены в человеческой клетке. Благодаря этому можно было бы осуществлять терапию генетически обусловленных заболеваний, позитивно влиять на генофонд человека.

Направленная на устранение причины генетического заболевания, генная терапия излечивает отдельного пациента, не оказывая влияния на его зародышевые клетки, т. е. речь идет о болезнях, представляющих собой рецессивно-унаследованный фенотип. Это значит, что распространенность каждой такой болезни и связанной с ней аномалии очень мала. По этому поводу Шмид писал: «Примерно один процент родившихся живыми детей страдает моногенными наследственными аномалиями. Этот процент делится приблизительно поровну на доминантные и рецессивные фенотипы. Полпроцента рецессивных больных мы должны разделить — явно занижая число — на тысячу различных аномалий, каждая из которых встречается со средней вероятностью 5×10^{-6}. Будет ли когда-нибудь возможна для подавляющего большинства этих болезней генная терапия — это не только научная, но и экономическая проблема» [69].

В социалистической системе здравоохранения материальные соображения никогда не выдвигаются на первый план, однако следует учитывать, что для каждой такой болезни необходима разработка специфического эффективного метода, который может оказаться очень дорогостоящим. В каком объеме общество, в котором «все источники общественного богатства польются полным потоком» [70], сможет найти для этого возможности и силы — это сегодня можно только предполагать, но нельзя точно соизмерить с современными масштабами. Во всяком случае общество, в центре внимания которого стоит человек, не будет из-за высоких затрат априори отвергать реальные возможности борьбы против его болезней.

Многие другие генетические болезни, которыми страдает значительно большее количество людей, наследуются как результат многофакторных генетических дефектов. К ним относятся, например, атеросклероз, атония, диабет, эпилепсия, гипертония, ожирение, желчнокаменная болезнь, определенные формы психических расстройств, язва двенадцатиперстной кишки и т. д.[71].

Причиной этих болезней является взаимное влияние многих генов и особенности их взаимодействия с факторами окружающей среды. Естественно, что причину таких заболеваний не удается идентифицировать с каким-либо единым генетическим базисным дефектом, поэтому для их лечения совершенно невозможно использовать методы генной хирургии.

Таким образом, если установлено, что вмешательство в генетический материал человека с целью излечения его от определенной унаследованной болезни является единственным средством лечения, то такое вмешательство следует рассматривать как оправданное. Это не есть оправдание всякого вмешательства, а только такого, которое возможно в четко определенных случаях, при наличии однозначного медицинского показания. Что касается самих методов генной хирургии, идет ли речь об использовании вирусов и фагов для «ремонта» дефектных генов или о каких-либо других приемах, то нас должны интересовать только те вопросы, которые связаны с их действенностью. Мы должны установить их безопасность, отсутствие риска в случае их применения.

Лётер считает, что человек «в биологически-генетическом плане не только не должен быть улучшен», но и «не может быть улучшен», ибо, как он полагает, в этой области нет никакого масштаба для определения «лучшего»[72]. Под «улучшением» здесь понимается приобретение человеком качественно новых свойств, которыми до этого он вообще не обладал и которые существовали в представлении некоторых людей только как желательные. Однако указанный тезис нельзя интерпретировать так, что невозможно улучшить работоспособность и здоровье человека, имея в виду, конечно, человека, каков он есть и как он развивается, будучи личностью. Если речь идет о понимаемом в таком смысле улучшении, то не может быть никаких возражений против решения этой задачи с помощью соответствующих средств.

К ним следует отнести и молекулярно-генетические методы, если только они могут принести желаемый результат. Например, не сто́ит отвергать включение в генетический материал регулятора, способного предупредить заболевание человека раком, если при этом учтены и находятся под контролем все обстоятельства, если не нарушается непоправимо генетическое равновесие человечества, если для лечения и профилактики рака не

будут найдены другие столь же действенные, но не столь неопределенные средства. Однако мы не можем игнорировать тот факт, что отдельный ген, пересаженный человеку, оказывает определенное воздействие на весь его генетический базис. А поскольку генетический базис каждого человека обладает определенной спецификой, то даже самые успешные результаты подобных экспериментов на животных или на отдельных людях еще не являются гарантией успеха в отношении других людей [73].

Экспериментирование с зародышевыми клетками может только еще более усложнить проблему, потому что последствия будут распространяться не на одного человека, а на его последующие поколения и вскоре могут охватить население, полностью выйдя из-под контроля.

При рассмотрении подобных перспектив развития генетики человека речь идет не о том, следует накладывать на то или иное научно-исследовательское направление общественное «табу» или нет. Речь идет скорее о том, существует ли реально или предвидится в будущем объективная общественная потребность в ускорении разработки того или иного направления и практического применения его результатов. Предвидение того, в каком направлении и как будут формироваться общественные потребности, в основных чертах вырабатывается на основе знания закономерностей общественного развития. Можно также установить, какие потребности наверняка не могут возникнуть. Например, можно с уверенностью сказать, что коммунистическое общество не будет испытывать потребность в покорных, способных исключительно к тяжелой физической работе гибридах животного и человека или в химерах, о возможности создания которых в капиталистическом мире всерьез рассуждают не только писатели, но и некоторые считающие себя специалистами представители молекулярной биологии [74]. Этому обществу не понадобятся генетически культивируемые и генетически разграниченные группы людей и касты, приспособленные к исполнению различных специфических функций в обществе.

Можно предположить, что удовлетворение потребностей в здоровье и работоспособности до глубокой старости, а возможно, и абсолютное продление жизни человека станет объективной причиной, общественным

интересом, который вызовет к жизни такие средства и способы его реализации, которые сегодня мы едва ли можем себе представить. Для удовлетворения этих потребностей необходимо резкое сокращение количества мутаций, вызываемых различными воздействиями окружающей среды, значительная доля которых болезнетворны или смертельны. Число и виды мутагенных факторов, существующих в нашем окружении, очень велики. К ним относятся: ионизирующее облучение различного происхождения, многие химические вещества, с которыми мы сталкиваемся на протяжении всей жизни. Конечно, человечество не сможет полностью отказаться от многих этих веществ, исключить полностью влияние мутагенных факторов на наш организм даже с помощью очень эффективных защитных мер. Следует отметить, что выявление мутагенности множества различных веществ и точное определение частоты мутации и ее изменений у людей — дело чрезвычайно трудное и дорогостоящее.

Однако в социалистическом обществе эти трудности не должны стать непреодолимым препятствием на пути создания условий для действенной мутационной профилактики, которая развивается в двух направлениях. Первое из них характеризуется прежде всего использованием результатов научного и экономического развития и его растущих возможностей. Оно нацеливает усилия исследователей на более глубокую проверку веществ и технологий с точки зрения мутагенности. В ГДР лекарства, косметика, средства консервирования, средства для борьбы с вредителями и сорняками с некоторых пор проверяются на их мутагенность. На базе таких проверок даются более обоснованные рекомендации относительно применения этих средств, определяются границы и правила безопасности работы с ними, а если необходимо, то разрабатывается заключение против их производства и использования.

Действуя в этом направлении, мы, разумеется, не можем избежать известных компромиссов. Такова, например, ситуация, когда против какой-либо болезни есть только один лекарственный препарат, а его использование оказывает определенное мутагенное действие. В этом случае отказ от лекарства может вызвать бóльшую опасность и будет связан с более тяжелыми последствиями, нежели опасность от его употребления.

Аналогичным образом мы должны поступать при использовании ионизирующего облучения в медицине и народном хозяйстве, когда «польза» от применения данного средства намного превышает риск, а принимаемые меры предосторожности уменьшают степень риска [75].

Второе направление мутационной профилактики, развиваемое социалистическим обществом и присущее только этому обществу, связано с последовательной политикой сохранения и укрепления мира. Политика мирного сосуществования и разрядки напряженности в отношениях между государствами с различным общественным строем направлена на то, чтобы предотвратить использование оружия, действие которого заключается не только в прямом уничтожении чудовищно большого количества людей, животных, материальных и духовных ценностей, но и в способности вызвать мутацию у оставшихся в живых и их потомков в таких размерах, которые не поддаются точному определению.

Политика мирного сосуществования предполагает также ограничение разработки и испытаний других видов оружия, которые намеренно или непреднамеренно могут вызвать неконтролируемые генетические последствия уже при их испытании и особенно при их использовании в военных целях. Сегодня мы еще не знаем, как скажется действие химических средств, уничтожающих растительность, которые использовали США во Вьетнаме, пока мы не можем также определить генетическое воздействие газов, предназначенных для подавления способности человека к сопротивлению, которые уже испытывались, а частично даже применялись.

Но следует со всей твердостью сказать, что для защиты наследственных основ человечества, являющихся уникальным продуктом развития материи, необходимо навсегда исключить войну из арсенала средств международной политики, из сферы отношений между людьми. Коммунизм, который окончательно решит эту задачу, станет оптимальным общественным строем не только для развития социального и природного мира, но и для сохранения генетической основы человечества.

Послесловие. МАРКСИСТСКИЙ МОНИЗМ И ГЕНЕТИКА ЧЕЛОВЕКА.

Пастушный С. А.

Предлагаемая советскому читателю книга «Генетика человека в социалистическом обществе. Философско-этические и социальные проблемы» написана немецкими учеными из ГДР, сотрудниками Института марксизма-ленинизма Медицинской академии в Магдебурге и входит в серию «Философия и биологические науки». В ней обобщены исследования по комплексной проблеме «Генетика человека», проведенные в соответствии с планом, который был разработан министерством здравоохранения ГДР в 1971 г.

В книге весьма успешно анализируется новая ситуация, возникшая в области медико-биологических наук в связи с поразительными достижениями генетики и вызвавшая резкое обострение идеологической борьбы по мировоззренческим, социально-этическим и аксиологическим проблемам. По мере того как фундаментальные открытия генетики человека превращаются в общекультурный феномен, интерес к мировоззренческой тематике проявляют не только генетики, медики и биологи, но и широкие круги ученых, журналистов, писателей, общественных деятелей, философов. Этот факт нашел отражение в книге.

Авторы предлагают для обсуждения острейшие философские вопросы. Во-первых, какое место занимают принципиальные открытия новейшей молекулярной биологии в современной научно-технической революции и каковы границы их применения в условиях социализма и капитализма, в чем состоит идеологическая функция концепций биологического улучшения человека и биологической революции? Во-вторых, как могут использоваться открытия в области генетики человека (на благо или во вред людям) в зависимости от общественного строя, классовых интересов, особенностей системы здравоохранения? В-третьих, как современные знания в области наследственности и изменчивости человека вопреки антимарксистским буржуазным концеп-

циям биологизаторства и вульгарного социологизаторства подтверждают учение марксизма-ленинизма о диалектическом единстве биологического и социального в человеке, о его социальной сущности? В-четвертых, каковы общие установки социалистической морали, использование достижений генетики человека в здравоохранении, в управлении воспитанием и поведением людей с точки зрения диалектики интересов личности, семьи и общества?

Разумеется, книга не ограничивается анализом указанных вопросов. В ней обсуждаются и более частные темы, связанные с ближайшими и более отдаленными перспективами развития генетики человека и проблемой практического использования ее достижений.

Авторы хорошо знакомы с работами советских философов Г. И. Царегородцева, Ф. В. Константинова, В. Н. Тугаринова, П. Е. Кряжева, И. С. Кона, Г. Л. Смирнова и других, опубликованными на немецком языке. Особый интерес авторов вызвали работы Н. П. Дубинина и И. Т. Фролова, и в первую очередь их совместная статья «Наука для человека», идеи которой обсуждаются на протяжении всей книги.

Предлагаемая вниманию советских читателей книга остро полемична. Даже во второй ее части, где речь идет в основном об обобщении большого опыта, накопленного генетиками, медиками и этиками ГДР, по применению разнообразных достижений медицинской генетики, авторы постоянно обращаются к негативным сторонам медико-генетической практики в капиталистических странах, критикуя с позиций марксистско-ленинской этики и коммунистического гуманизма в корне неправильное отношение к фундаментальным открытиям в биологии некоторых ученых из США, Англии, Франции, ФРГ. Думается, что читателям было интересно познакомиться с этой полемикой и убедиться в том, что и сегодня марксистско-ленинская философия является мощным идеологическим оружием в борьбе за научную истину и социальную справедливость. В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть актуальность идеи В. И. Ленина о том, что в период революции естествознание не может обойтись без философских выводов [1].

В самом деле, выдающиеся достижения научно-технической революции, осмысление ее будущего требуют

от современного ученого четких мировоззренческих, нравственных и философских позиций. Фундаментальные открытия в молекулярной генетике ставят острые в моральном отношении вопросы, связанные с использованием их обществом. Открывающиеся возможности влияния на процессы, протекающие в генофонде человечества, требуют от генетиков высокоразвитого чувства гражданской ответственности, а научно разработанные направления развития генетики человека и практическая реализация их результатов не могут быть успешны без учета закономерностей социального прогресса.

Выдвинутые научно-технической революцией на передний план идеологической борьбы важные философско-гуманистические проблемы еще раз показывают слабость современного естественноисторического материализма, невозможность на его основе адекватно решать эти проблемы. Они убеждают естествоиспытателей в необходимости перехода на позиции диалектического материализма. Как указывают классики марксизма, «недостатки абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»[2]. Подобный выход оказывается неизбежным для тех генетиков, которые решают теоретические вопросы генетической инженерии, охраны и улучшения наследственности человека, борьбы с наследственными болезнями или задумываются над проблемами перспектив развития генетических основ человечества. Эти фундаментальные проблемы генетики заставляют современных ученых считаться с социальными характеристиками человека. Но в силу того что в классово антагонистическом обществе сторонники естественноисторического материализма неспособны «...сладить с общественными вопросами»[3], они уподобляются Э. Геккелю, о котором В. И. Ленин писал, что «он понятия не имеет об *историческом* материализме, договариваясь до целого ряда вопиющих нелепостей и насчет политики, и насчет «монистической религии» и т. д., и т. п.»[4]

Необходимость выхода за пределы своей специальности и в то же время неумение решать социальные вопросы зачастую толкают естественноисторических материалистов на позиции сайентизма, который критику-

ется с точки зрения абстрактного гуманизма теологами, специализирующимися в области медицинской деонтологии. Показать, как критически преодолеваются данные крайности — биологический сайентизм и теологический гуманизм — и в чем преимущество марксистско-ленинской философии в решении поднятых научно-технической революцией методологических, социально-этических и гуманистических проблем, — такова одна из актуальнейших задач философского анализа генетики человека, которая успешно решается немецкими учеными в данной книге.

Значение марксистско-ленинской философии для развития современной генетики не исчерпывается тем, что она выполняет методологическую и мировоззренческую роль по отношению к этой науке. Велика ее роль как прогрессивного гуманистического учения и социально-нравственной концепции. Особенно явственно это выступает в современных условиях научно-технической революции, когда человек становится предметом познания генетики.

Диалектический материализм позволяет вскрыть социально-классовую сущность и гносеологические корни биологизаторского бума, столь характерного для современной буржуазной литературы, а также объяснить, почему некоторые выдающиеся исследователи на Западе склонны поддерживать биологизаторские интерпретации и недооценивать роль социальных факторов в процессе формирования человека. Как на этом спекулирует буржуазная идеология в методологическом и мировоззренческом отношениях и в чем противостоят ей марксистский монизм, требующий рассматривать человека в единстве его биологических и социальных сторон, и коммунистический гуманизм как единственно научная программа формирования всесторонне развитого человека — вот те вопросы, обсуждение которых способствует, как нам кажется, более адекватному восприятию основных идей книги.

Потребность естествоиспытателей в диалектическом материализме как единственно научной философии особенно ярко проявляется в связи с бурным развитием и захватывающими перспективами генетики человека. Как известно, перед генетикой человека стоят огромной важности задачи, касающиеся фундаментальных вопросов выяснения полиморфизма человеческих популяций, ге-

нетической организации человека, закономерностей иммуногенетических отношений и т. д.

Грандиозны успехи науки о живом, но еще более заманчиво ее будущее. Этим объясняется пристальное внимание, которое уделяют ей различные социальные силы в мире. Широки и возможности ее использования — от сферы материального производства до сферы духовной жизни человека. Многие буржуазные ученые видят в научно-технической революции панацею от всех бед капиталистического общества и ее же обвиняют во всех грехах цивилизации. Иными словами, по мере того как научно-техническая революция вовлекает человека в свою орбиту, он становится предметом ожесточенной идеологической борьбы. Причем идеологическая борьба на современном этапе развертывается на фоне выдающихся достижений социалистического строительства и глубочайшего общего кризиса буржуазного общества. Для оправдания острой классовой борьбы в капиталистических странах, экономических потрясений, расовых волнений, агрессивности буржуазной политики, постоянно растущей преступности и вообще права капиталистической системы на существование буржуазная пропаганда пытается использовать выдающиеся достижения генетики. Спектр сложнейших проблем генетики человека достаточно широк — от проблемы правомерности экстраполяции методов и выводов, полученных при исследовании животных, на человека до проблем этических, идеологических, мировоззренческих. Значительное место здесь занимают вопросы, касающиеся евгеники, в рамках которой часто давались реакционные интерпретации данных генетики, использовавшиеся в концепциях расизма. И сегодня в буржуазном мире встречаются «ученые», которые продолжают создавать антигуманистические концепции.

Плановая система хозяйства в странах социалистического содружества, общественная собственность на средства производства позволяют успешно решать вопросы охраны и улучшения природной среды, разрабатывать, законодательно закреплять и осуществлять систему мер по рациональному природопользованию. Одновременно это является и лучшим опровержением буржуазных идеологических спекуляций на экологической проблеме. Однако решение данной проблемы на национальном уровне оказывается недостаточным и тре-

бует налаживания и расширения международного сотрудничества, которое является составной частью борьбы за углубление разрядки международной напряженности, последовательным осуществлением ленинской внешней политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Большие надежды в решении этих проблем возлагаются и на науку, которая направляет свои усилия на предотвращение отрицательных последствий научно-технического прогресса, проявляющихся, например, в росте болезней человека, и прежде всего таких, которые передаются по наследству.

Социальное значение генетики человека состоит именно в том, что она призвана разработать комплекс научно обоснованных мер, который помог бы приспособить биологию человека к условиям современной цивилизации, а может быть, даже и расширить ее адаптационные возможности, и в частности за счет мер, направленных на профилактическое вмешательство в наследственность человека с целью борьбы с наследственными заболеваниями. Пристального внимания к себе требует также вопрос об уменьшении груза патологических мутаций и т. д. Постановка проблемы о вмешательстве в наследственность человека в широком плане зависит от решения чрезвычайно важного вопроса, наиболее точно сформулированного Н. П. Бочковым в дискуссии «За круглым столом» журнала «Вопросы философии» в 1970 году: что считать катастрофическим невмешательством в наследственность человека и что считать невежественным вмешательством? Философско-этические, социальные, нравственные аспекты данной альтернативы делают вполне понятной тревогу прогрессивных ученых, опасающихся превращения человечества в полигон для безответственных экспериментов.

Как отмечают Дитль, Газе и Кранхольд, большинство участников XIII Международного конгресса генетиков в США отвергли евгенику, расизм и социал-дарвинизм и выступили против использования данных генетики для доказательства вечности классового разделения общества и классовой дискриминации, против злонамеренного применения открытий генетики в реакционных политических целях.

В условиях капитализма погоня господствующего класса за максимальной прибылью оборачивается для

трудящихся усилением эксплуатации, хищническим отношением к природе и здоровью человека. И чем более очевидной становится доминирующая роль социальных факторов в возникновении болезней человека, тем интенсивнее разрабатываются буржуазной пропагандой концепции, призванные затушевать антигуманную сущность социально-экономической системы капитализма, тем больше создается мифов о биологической неполноценности человека, о консервативности его природы, о невозможности приспособить биологические ритмы человека к темпам прогресса науки, культуры, цивилизации.

В результате дисгармонии биологического и социального, утверждают буржуазные ученые, появляются «болезни цивилизации», «болезни культуры», «социальная дезадаптация», «инадаптация». При этом авторы подобных концепций говорят о некоем абстрактном человеке, отрывая его от конкретных условий общественного бытия. Немецкие марксисты убедительно показали, что данный аргумент не нов. Еще К. Маркс указывал, что в буржуазной философии человек не принадлежит ни к какому классу, ни вообще к действительности, а потому он только и находится «в туманных небесах философской фантазии» [5].

Возвращаясь к ситуации в современной биологии, подчеркнем, что подобные приемы рассчитаны на то, чтобы оправдать реакционные и антигуманные «теории» ухода в болезнь как состояние оптимального приспособления. Часть буржуазных ученых объявляют болезни даже не злом, а благом. Например, неврозы, по их мнению, следует считать показателем творческих возможностей здоровья и внутреннего богатства человека (концепция «позитивной дезинтеграции»).

В книге на высоком профессиональном уровне не только формулируются философские проблемы, но и достаточно четко определяется круг задач, которые решаются медицинской генетикой: охрана здоровой наследственности, профилактика заболеваний, передающихся по наследству, диагностика, лечение и ликвидация наследственных болезней, вызванных вредным эффектом мутаций у человека, и т. д. Именно на достижениях в области популяционной, молекулярной и медицинской генетики особенно интенсивно паразитирует буржуазная пропаганда. Она возлагает большие надеж-

ды на генетику не столько с целью лечения наследственных болезней человека, сколько в плане лечения социальных пороков мира капитала, объявляя кризис буржуазной цивилизации следствием генетического кризиса (теологи Рамсей, Флетчер и др.). Не случайно генетические и экологические предсказания катастроф пользуются особым спросом у буржуазных идеологов.

Привлекая статистические данные о росте наследственных болезней (а они действительно внушительные: 4% людей рождаются с наследственными заболеваниями), переоценивая отрицательное действие мутагенных факторов среды и игнорируя возрастающие возможности медицинской науки, некоторые буржуазные ученые склоняются к мысли об опасности вырождения человечества и его интеллектуальной деградации (Ардри, Кестлер, Ледерберг, Лоренц, Меллер, Хаксли и др.). В качестве аргументов эти ученые указывают на резкое снижение действия естественного отбора в популяции людей и повышение рождаемости у «низших» классов буржуазного общества, что ведет, по их мнению, к выживанию менее приспособленных и отягощенных наследственными болезнями, к исчезновению у них генов «талантливости» и «одаренности». Конечно, с повышением уровня радиации и увеличением концентрации химического загрязнения среды количество дефективных генов возрастает. Однако, как полагают многие известные ученые, опасность распространения неблагоприятных мутаций сильно преувеличена (Н. П. Дубинин, В. Д. Тимаков, Н. П. Бочков, Т. Добжански, Э. Майр и др.).

Концепции генетического вырождения человека страдают и другим пороком: в них абсолютизируется роль генетических факторов в ущерб социальной детерминации человеческой жизнедеятельности. Такой биологизаторский подход к проблемам человека по существу низводит его до положения животного. Вскрыв научную несостоятельность биологизаторских «теорий» и развенчав их, авторы книги «Генетика человека в социалистическом обществе» убедительно показывают, что в процессе строительства коммунистического общества реализуется высший принцип гуманизма, провозглашающий человека, его жизнь и здоровье высшей и безусловной ценностью.

Вот почему только с позиций коммунистического гуманизма может быть правильно решена проблема здо-

ровья человека, а также социально-этические проблемы генетической инженерии и медицинского эксперимента. Все это делает крайне актуальным дальнейшее творческое развитие союза между философами-марксистами и естествоиспытателями (в том числе и врачами), направленное на решение сложного комплекса теоретико-познавательных и мировоззренческих проблем, в которых человек выступает не только субъектом, но и все в большей мере становится главным объектом научного анализа.

Актуальность союза естествознания и философии обусловлена тем, что современная наука о живом и особенно генетика вплотную подошли к революционному этапу своего развития, который обещает дать человечеству эффективные способы целенаправленного управления эволюцией земной жизни. В результате этого человек получит мощные средства воздействия на процессы своей жизнедеятельности, и в первую очередь для борьбы с болезнями и укрепления здоровья.

Естественно, что в мире социализма и капитализма отношение к такой перспективе неодинаково. Оно, как известно, определяется классовыми интересами и потому оказывается неотъемлемой частью идеологической борьбы. Буржуазные теоретики используют здесь весьма разнообразный арсенал идеологических фальсификаций: евгенику и расизм, мальтузианство и социал-дарвинизм, ломброзианство и фрейдизм, пасторальную медицину и модернистское христианское течение, спекулирующее на проблеме «этики генетического долга», социальную этологию и биокриминалистику, т. е. биологизаторство во всех видах. Подобные спекуляции строятся на необоснованном преувеличении роли биологического в человеке, а также на биологизации общественных явлений и духовной жизни. Таким способом пытаются доказать правомерность использования биологических методов в решении социальных проблем настоящего и будущего человечества.

Это достигается посредством неправомерного переноса борьбы за существование, характерной только для эволюции животных, на историю общественной жизни. Ссылками на дарвиновский принцип естественного отбора, который в человеческом обществе утрачивает значение ведущего фактора эволюции, буржуазные идеологи «объясняют» якобы извечную необходимость борь-

бы всех против всех, незыблемость капиталистического общества, оправдывают социальное неравенство, колониализм и кризисы как естественные и неизбежные для человеческого общества. Так, настаивая на доминирующем значении генетических факторов в процессе формирования человека, Гейтс, Дженсен и другие пытаются «доказать» интеллектуальное преимущество белой расы перед черной, генетически вывести социально-классовые различия между людьми[6]. Дарлингтон[7] идет дальше. Он готов генетически обосновать необходимость апартеида.

В буржуазной криминалистике, как показано в книге Дитля, Газе и Кранхольда, широкое распространение получают биокриминологические теории, ориентирующиеся на генетические концепции и рассматривающие в духе ломброзианства такое общественное явление, как преступность. Например, основываясь на малоубедительных данных, биокриминологи утверждают, что лица с хромосомным набором ХУУ склонны совершать преступления с применением насилия. Об идеологической направленности биокриминологических взглядов, несомненной заинтересованности в них эксплуататорского класса пишут сами буржуазные юристы (Танненбаум).

Однако самым большим спросом у буржуазных идеологов пользуются спекуляции, которые строятся на генетических и биопсихологических концепциях и претендуют на исчерпывающее «объяснение» многих общественных явлений, в том числе мотивов и механизма агрессивного поведения людей, войн и революций. Лоренц, Ардри, Моррис, Сторр и др., сравнивая поведение животного и человека, фактически не замечают качественного различия между ними. Они отождествляют факторы, лежащие в основе социальных поведенческих реакций человека, с физиологическими факторами мотивации его поведения, что противоречит данным науки и практики. На основе выводов о якобы генетических корнях агрессивного поведения человека и его генетической запрограммированности на общественные конфликты буржуазные идеологи строят реакционные и антигуманные прогнозы, касающиеся возможности предотвращения опасности войн и других проявлений насилия в общественной жизни. Ардри пытается даже обосновать с помощью биологических законов вечность частной собственности. Об этом свидетельствует само на-

звание его нашумевшей книги «Территориальный императив. Личностное исследование происхождения собственности у наций и животных».

Научная несостоятельность подобных исследований кроется в ложности их исходных посылок, в которых между человеком и животными ставится знак равенства, абсолютизируется момент животного происхождения человека и не учитывается социальная природа человеческой жизнедеятельности. Видя причину пороков капиталистического общества в биологии человека, сторонники генетических и инстинктивистских концепций оказались не в состоянии предложить реальные способы совершенствования человека. По их мнению, будущее человека может быть связано лишь с улучшением его биологических свойств. Именно этим во многом объясняется сегодня евгенический бум и глубокое проникновение в буржуазную науку идей фрейдизма о возможности «улучшения» человека без преобразования социальных условий его существования.

Буржуазные идеологи связывают будущее человека не с социальными революциями, а, как правильно отмечают авторы предлагаемой монографии, с биологической революцией, т. е. с евгеническими программами манипуляции генофондом человечества посредством селекции и скрещивания на уровне человеческих популяций, в которых использованы новейшие методы генетической инженерии, молекулярной биологии, экспериментов по клональному размножению людей и т. п. Согласно этим абстрактным, а потому и утопичным предположениям (Тейяр де Шарден, Г. Меллер, Д. Ледерберг и др.), биологически улучшенный человек будет иметь крепкое здоровье, творческий интеллект, глубокую гуманность и высокую нравственность.

Не трудно заметить, что в евгенических вариантах решения проблем человека, включая и социальные, не учитывается самое главное, а именно что человек есть продукт общественных отношений. Эти отношения исторически меняются в процессе перехода от одной общественно-экономической формации к другой, более высокой.

Утопический характер евгенических проектов, исходящих либо из абстрактно-гуманистических, либо из реакционных (расизм, фашизм, мальтузианство, концепция элиты и т. п.) соображений, осознается многими

критически мыслящими учеными в буржуазном мире (Бидл, Гласс, Фрэнкел, Добжански и др.). Более того, некоторые прогрессивные генетики капиталистических стран прямо указывают на опасность евгенического вмешательства в наследственность человека, потому что, во-первых, генетика человека еще недостаточно изучена, а во-вторых, в обществе, разделенном на антагонистические классы, всегда существует возможность антигуманного использования достижений науки. О неспособности евгеники быть панацеей от всех бед говорит тот факт, что сторонники евгенических спекуляций не столько решают социальные проблемы, сколько выдвигают массу новых и, пожалуй, куда более сложных вопросов, касающихся, например, методов и средств, целей и намерений генетического конструирования людей.

Критикуя евгенические теории, авторы данной книги совершенно справедливо указывают на практические трудности получения генотипа с желаемыми чертами. Здесь возникает ряд сложных вопросов: каков идеал человека, который следовало бы генетически копировать; какой социальный институт возьмет на себя функции решать, что желательно для человека, а что нет; кто возьмет на себя ответственность за качественную и количественную регуляцию производства потомства; какие социальные силы будут осуществлять генетический контроль за эволюцией человечества и т. д.? Таким образом, евгенический подход к решению проблемы человека оказался и методологически порочным, ибо, как отмечал еще В. И. Ленин, оценивая биологизаторство в целом, «перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза.* С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой» [8].

В борьбе против марксистско-ленинской теории формирования нового человека буржуазная пропаганда опирается также на различные модернизированные концепции фрейдизма: «культурно-философскую психопатологию» Хорни, «сексуально-экономическую» психологию и социологию Рейха, «межличностную психиатрию» Салливэна, «гуманистический» психоанализ Фромма и т. д. Оценивая в целом инстинктивизм Фрейда и его последователей, нельзя не видеть критической направленности (правда, односторонней и непоследователь-

ной) классического психоанализа против бесперспективности социальных и культурных идей буржуазного общества. Эмоциональное бунтарство и поверхностный протест против превращения человека в винтик гигантской машины эксплуатации являются одной из причин влияния фрейдизма на умонастроения части интеллигенции и молодежи капиталистических стран. На них и рассчитаны идеологические спекуляции в духе социальной этологии, евгеники и психоанализа. В русле подобных биологических «объяснений» сущности человека создается суррогат идеологии для тех, кто отрицает иллюзорные ценности буржуазной культуры, но пока не нашел дороги к марксизму. Объективный ход общественного развития показывает, что в эпоху научно-технической революции марксизм является единственно научным мировоззрением, которое позволяет увидеть, что с изменением общественных отношений изменяется социальная сущность человека; он отвергает как научно несостоятельные, социально-утопические, реакционные и антигуманные все попытки буржуазных идеологов объяснить раздирающие капитализм общественные антагонизмы с помощью мифа о человеке-животном, якобы наделенном пороками в силу своего биологического происхождения.

Бесспорно, нельзя игнорировать достижения генетики в других областях знания, в частности в социологии, психологии, геронтологии, демографии, педагогике, эстетике, этике и т. д. В самом деле, разве можно в полной мере выяснить закономерности формирования человека, его психофизиологическую природу (психология, педагогика) в отрыве от данных генетики? Конечно, нет. Ведь наследственность влияет на формирование личности, ибо возможности развития последней определяются в той или иной мере разнообразными наследственными задатками. Но это не значит, что генетик может заменить психиатра, педагога, юриста, эстетика, этика, социолога. В то же время генетика человека убедительно подтвердила наивность взглядов просветителей, полагавших, что будто по своим задаткам все люди равны и что все дело заключается в воспитании. Однако следует сказать, что современную генетику человека нельзя отождествлять с широко распространенной за рубежом концепцией Ч. Ломброзо, который абсолютизирует роль биологической программы человека в ущерб социальной

(воспитанию), всячески подчеркивая фатальный характер наследственных факторов и отрицая роль среды.

Сложность проблемы соотношения биологического и социального в развитии человека заключается прежде всего в ее комплексном характере, поэтому решать ее должны представители всех указанных наук. При этом надо учесть следующее: несмотря на то что каждая наука вносит свой специфический вклад, все же главная роль здесь принадлежит общественным наукам.

Согласно марксистско-ленинской теории, люди не являются пассивным результатом воздействия общественных условий, они активно влияют на них и тем самым целенаправленно формируют свою собственную природу. Отсюда становится понятным, почему генетика человека в своем развитии порождает не только биолого-генетические проблемы, но и целый комплекс этических, юридических, мировоззренческих проблем. Это еще раз подчеркивает необходимость интеграции знания о человеке, полученного разными науками. Лишь благодаря комплексному подходу к решению проблемы человека наука может выполнить свое назначение — служить на благо человеку. Объединить усилия ученых различных отраслей знания в решении проблем человека призвана марксистско-ленинская философия, которая способна вооружить ученых эвристической методологией, научным мировоззрением и гуманистическими принципами для построения целостной теории человека.

Органическое единство духовного богатства и физического совершенства личности может быть обеспечено лишь на базе социального равенства и конкретного, реального (коммунистического) гуманизма, провозглашающего высшей ценностью общества человека.

Вот почему важной задачей марксистско-ленинской философии должна быть не только критика идеологических спекуляций на прогрессе и трудностях развития науки о живом, но и пропаганда гуманистической направленности научно-технической революции в условиях социализма. Вместе с тем самым веским аргументом здесь выступает практическая реализация преимуществ социализма в использовании современного научно-технического прогресса для дальнейшей гармонизации отношений между людьми и оптимизации отношений между обществом и природой.

В книге последовательно проводится мысль о том, что критика буржуазных интерпретаций роли генетики человека в условиях научно-технической революции может в полной мере выполнить свою задачу, если она вместе с тем покажет эвристические возможности марксистско-ленинского положения об общественной сущности человека, раскроет диалектику биологического и социального, даст целевые установки в разработке этики науки и здравоохранения. Авторы монографии глубоко анализируют ряд важнейших теоретических положений диалектического и исторического материализма, основных принципов марксистско-ленинской этики и коммунистического гуманизма. Исходя из этого, они убедительно показывают сильные и слабые стороны гуманизма биологов, генетиков, врачей из капиталистических стран, отвечая на вопрос, в какой мере и при каких обстоятельствах последние могут стать нашими союзниками в борьбе с империалистической идеологией.

Авторы проводят мысль, что наиболее эффективно такая работа может быть осуществлена лишь на пути последовательной реализации методологической и мировоззренческой функций марксистского монизма. В отличие от буржуазного плюрализма, опирающегося на эклектику, марксистский монизм, исходящий из диалектики, позволяет в наибольшей мере показать логическую непротиворечивость, целостность и теоретическое единство марксистско-ленинского учения о человеке. Например, в рамках марксистского монизма естественнонаучное понимание человека углубляется до диалектико-материалистической концепции единства биологического и социального в человеке с акцентом на доминирующее значение социальных факторов в становлении человека как личности, что затем перерастает в историческом материализме в диалектику природного и общественного, где концепция антропогенеза находит свое естественное развитие и завершение в теории социогенеза. В результате возникает единое учение об антропосоциогенезе.

Потребность в марксистском монизме продиктована тем, что он выступает необходимым средством теоретического воспроизведения сложного процесса формирования целостного человека, всесторонне развитой в духовном и физическом отношении личности. Именно с этих позиций марксистско-ленинская философия преодо-

левает методологическую альтернативу «редукционизм—дуализм» в решении вопроса о синтезе медико-биологического и социогуманитарного знания, а также решает дилемму «биологический сайентизм — теологический гуманизм» в интерпретации проблемы будущего человека в связи с прогнозами возможного качества наследственности человека. Поскольку авторы книги основное внимание сосредоточили на мировоззренческом аспекте проблемы генетики человека, нам хотелось бы более подробно остановиться на методологическом значении принципа марксистского монизма.

Прогресс генетики человека характеризуется не только идеологическими контроверзами (и это убедительно показано в монографии), но и постановкой сложных методологических проблем. Действительно, в условиях социального прогресса и научно-технической революции открываются огромные возможности для всестороннего познания человека и научно обоснованного воздействия на процессы его жизнедеятельности. С развитием каких наук прежде всего связывается данная перспектива, какие науки глубже отражают уникальность и целостность человека, какие методы обеспечивают более глубокое познание сущности человека, посредством каких методологических средств осуществляется сегодня синтез естественнонаучного и гуманитарного знания о человеке — вот те вопросы, которые выдвигаются бурным развитием современной генетики и которые требуют самого пристального внимания со стороны философов-марксистов.

Мы остановимся в самых общих чертах на двух последних.

Неравномерность развития отдельных наук о человеке порождает реальную опасность переоценки их достижений при объяснении природы человека. Например, преувеличение роли генетического знания ведет к абсолютизации значения наследственных факторов в процессе развития человека и формирует особый подход к проблеме человека, получивший название биологизаторства. При этом экспансия генетики в социальные области знания проходит в самых разных направлениях и неожиданных формах. Биологизаторское толкование здесь получают идиотизм и гениальность, система потребностей и нравственные ценности, альтруизм и эгоизм, проблемы войны и мира, природа психики и интел-

лект, политика и культура, прошлое, настоящее и будущее человеческой истории.

И хотя современное биологизаторство принимает разнообразные формы, в методологическом отношении оно строится по единому плану, основу которого составляет сведéние социального к биологическому. Подмена социальной сущности человека и законов его развития биологическими характеристиками происходит в результате абсолютизации происхождения человека из животного мира и игнорирования качественной специфики социальной формы движения материи. Иначе говоря, редукция заключается в том, что общество сводится к простой сумме индивидов, индивидуальное — к психическому, психическое — к биологическому. Таким образом происходит растворение социального в генетической программе.

Существует и противоположное направление — от биологического к социальному. Однако, как замечает П. Н. Федосеев, «когда идет речь об этих двух ошибочных крайностях (биологизаторской или социологизаторской), следует, конечно, учитывать, что каждая из них редко выступает в чистом виде. Обычно они взаимосвязаны. Обе крайности скорее выступают как определенные тенденции редукционизма (в направлении биологии или социологии)» [9]. Попробуем дать более развернутый сравнительный анализ биологизаторства и его антипода — вульгарного социологизаторства, поскольку, на наш взгляд, в решении биосоциальной проблемы марксистская философия должна вести решительную борьбу с обеими крайностями.

В общей форме в вульгарно-социологизаторской трактовке сущность человека сводится к некоторому сгустку культуры, «социуму», лишенному биологического, органического, природного начала. Но если даже речь и заходит о биологическом, то в конечном счете оно оказывается пассивным, полностью подчиненным социальному. Тенденция к ультрасоциологизации заключается в забвении момента преемственности между низшей и высшей формами движения материи, в игнорировании связи биологического и социального.

В психологии, например, такой подход чреват рецидивами идеализма при истолковании природы психических явлений и приводит к пониманию сознания как некой самостоятельной и обособленной реальности, су-

ществующей наряду с материальными образованиями. Социологизаторская тенденция может проявиться и в некритическом отношении к социальной этологии, при изучении якобы «социального» поведения животных, которое, конечно, социальным быть не может.

Как известно, попытки ультрасоциологизации наиболее рельефно представлены в течении «антипсихиатрии» и тесно связаны в социально-политическом отношении с левоэкстремистским движением, идеологом которого в 60-е годы выступал Г. Маркузе. Вульгарно-социологизаторский подход «антипсихиатров» к проблемам патологии психики приводит их к кардинальному пересмотру понятия «болезнь» и замене его понятием «норма». На этом основании делаются серьезные практические выводы, радикально пересматривается вся современная психиатрия: диагностика, лечение, система социально-правовых мероприятий.

Другой разновидностью социологизаторской тенденции в трактовке природы человека являются взгляды сторонников французской социологической школы, в которых четко просматривается линия на абсолютизацию общественных факторов при решении вопроса о детерминации психического и умственного развития человека. Отдавая предпочтение социальному влиянию и игнорируя генетическую программу наследования, представители данного направления весьма своеобразно истолковывают и саму специфику социальной среды, которая в конечном счете понимается идеалистически. Аналогичную позицию занимают сторонники современной «философской антропологии» (Гелен, Плеснер, Ротхакер, Шелер и др.), которые в силу ограниченности натуралистического подхода к трактовке сущности человека отождествляют ее с биологической основой человека. Они утверждают, что истинная природа человека должна рассматриваться лишь исходя из принципа духа. Самым крайним вариантом подобной трактовки природы человека выступает религиозно-мистическая концепция человека и мира.

Редукционизм (в форме как социологизаторства, так и биологизаторства) не является единственным методологическим основанием в истолковании природы человека. Существует и другая крайность — дуализм, который разделяется многими учеными в капиталистических странах. Широкое распространение дуализма объясня-

ется тем, что современное познание человека идет как бы в двух направлениях: с одной стороны, по пути развития комплекса медико-биологических наук, с другой — в рамках общественных наук. В результате получается как бы два видения человека: он рассматривается то как организм — элемент природной популяции, который полностью подчиняется биологическим законам, то как личность — часть «социума», функционирующая по законам общественного развития. В свою очередь это приводит к выделению двух систем конкретно-научных методов анализа человека (биологических и социальных) и как следствие этого — двух типов понятийных средств. Методология дуализма наиболее полно реализуется в теории двух факторов, центральным тезисом которой является положение об их равноценности, рядоположенности, двойственной природе человека. На этих методологических основаниях строятся концепции Моргана, Моно, Майра, Добжански, Бидла, Крика и др. Истоки дуализма заключаются, на наш взгляд, в поверхностном противопоставлении внутреннего (наследственности) внешнему (среде, культуре), где внутреннее истолковывается в натуралистическом духе, а внешнее — в абстрактно-социологическом. Тогда и оказывается, что биологическое — это функция организма, а социальное ограничено психическим, сознанием. Методология дуализма, препятствуя овладению диалектикой «снятия» социальным биологического в природе человека, в лучшем случае позволяет зафиксировать противоречие между социальным и биологическим, но не объясняет их органического единства.

Дуализм формирует представление о человеческой сущности как механическом соединении биологического и социального. Вполне естественно, что современная революция в биологии, и прежде всего в генетике, требует иного методологического подхода, нежели редукционизм и дуализм, именно такого, который позволил бы теоретически воспроизвести сложнейший механизм взаимопроникновения биологического и социального. Фундаментом такого подхода служит марксистский монизм, который требует в истолковании понятий «основа человека», «природа человека», «человек как существо», «сущность человека» исходить из органического единства биологии, диалектического и исторического материализма. Последовательное проведение марксистского мо-

низма дает ключ к решению вопроса о сложнейших отношениях координации, субординации, генезиса между биологическим и социальным с учетом специфики различных уровней: организм — личность, человек — общество, общество — природа.

Диалектико-материалистическая концепция развития дает единственно научный методологический ориентир в познании сложных взаимоотношений между биологической и социальной формами движения материи, где биологическое и социальное выступают генетически и функционально связанными уровнями целостной организации человека. Конкретный анализ аспектов диалектики биологического и социального необходим, во-первых, для того, чтобы противопоставить взглядам буржуазных этологов, евгеников, психологов, социологов, антропологов и этиков глубокие теоретические аргументы, а во-вторых, для позитивного решения вопроса о методологических основаниях синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания о человеке. Остановимся вкратце на принципиальных сторонах данной проблемы.

Биологическое, будучи первично во времени, является предпосылкой социального. Поэтому биологическое есть необходимое, но недостаточное условие становления и функционирования социального. Наличие биологического есть непременное условие и предпосылка становления человека из животного мира. Однако обезьяна не может превратиться в человека в процессе естественного развития органического мира по присущим только ему законам. Человек приобретает социальную сущность не в соответствии с биологическими законами, а по законам общественного развития. Следовательно, диалектику биологического и социального можно сформулировать как условия проблемы-антиномии: человек не может сформироваться по законам органической эволюции, как и вне их; он возникает по законам органической эволюции и в то же время не по ним. Иначе: превращение обезьяны в человека совершилось в сфере природы и в то же время не в сфере природы, т. е. в обществе, так как вне общества не может формироваться его человеческая сущность.

Разрешение этого противоречия в действительности привело к утверждению нового высшего качества — социального, которое воспроизводится уже по законам социального развития. С появлением человека социаль-

ное приобретает относительную независимость от биологического и само становится необходимым условием дальнейшего существования человека. Возникновение социального означает не только наличие генетической связи между биологическим и социальным, но и преобразование ее в связь подчинения биологического социальному. «Снятие» биологического вовсе не предполагает его отмены, уничтожения, исчезновения. Напротив, оно характеризуется переходом от низшего к высшему. Социальное помогает биологическому проявить его высшие потенции, получить максимальный простор для успешного развития. Вместе с тем «снятие» говорит о том, что биологическое исчерпало возможности самостоятельного развития и созрело для самоотрицания, превращения в некоторое другое, высшее по отношению к нему — социальное. Биологическое утрачивает свою самостоятельность в том смысле, что оказывается в тесной зависимости от социального, которое развивается по собственным законам. Значит, биологическое ограничено рамками социального и вместе с тем именно социальное выступает неотъемлемым и единственным условием прогресса биологического. Социальное становится тем целостным, интегрирующим фактором, который, с одной стороны, как бы ограничивает, стесняет биологическое, а с другой, — наоборот, способствует совершенствованию природных задатков человека, что без социального было бы невозможно.

Итак, рассмотрение диалектики взаимосвязи биологического и социального в становлении человека позволяет обнаружить методологическую несостоятельность и редукционизма, и дуализма. Действительно, если редукционисты в процессе сведения биологического к социальному и, наоборот, социального к биологическому игнорируют их качественную специфику и момент относительной самостоятельности, а дуалисты, не понимая значения генетической связи, наделяют социальное и биологическое в человеке функциями однопорядковых сущностей, то марксистский монизм, раскрывая естественный характер происхождения социального из биологического, настаивает на ведущей роли социальных факторов в развитии человека. Суть марксистского монизма заключается в том, что он ориентирует ученых на познание целостной, единой сущности человека с учетом многообразия человеческой действительности,

ибо «действительного дуализма *сущности* не бывает»[10].

Марксизм опирается на естественнонаучную трактовку происхождения человека как вида, данную Дарвином. Теория естественного отбора отвечала на вопрос об отношении человека как биологического вида к среде и на вопрос о месте человека в эволюционном процессе. Однако она ничего не говорила о сущности человека, т. е. о природе конкретно-исторического человека в связи с его принадлежностью к социальному миру. Поэтому Ф. Энгельс считал необходимым дополнить концепцию Дарвина о естественном происхождении человека из мира природы трудовой теорией, где роль труда понимается как главный, определяющий фактор в становлении и развитии человека.

Осознание общественного характера труда, его социальной роли позволило дать качественно новое ви́дение человека, проникнуть в его сущность. К. Маркс подчеркивал, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*...»[11]. Марксизм не противопоставляет социальное биологическому. Напротив, подобное противопоставление преодолевается марксизмом. «Мы должны, — писал Ф. Энгельс, — исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к «человеку»»[12].

Человек — единственное животное, которому удается выйти из животного состояния посредством целенаправленной трудовой деятельности. Однако выход человека из природы вовсе не означает, что теперь устанавливается его абсолютное противостояние природе, ибо человек, по замечанию Ф. Энгельса, плотью, кровью и мозгом принадлежит ей и находится внутри ее[13]. Более того, человек должен, как и все живое, приспособиться к ней. Но в отличие от животных он изменяет природу для удовлетворения собственных потребностей. Приспособление осуществляется посредством труда, целью которого является воздействие на природу и создание собственно человеческого предметного мира.

В процессе изменения естественной природной среды человек утверждает свою родовую сущность и превращается в общественное существо. «Определенное отношение к природе обусловливается формой общест-

ва, и наоборот. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обусловливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе...»[14] Таким образом, выделение человека из природы и взаимодействие с ней детерминируются всей совокупностью общественных отношений, т. е. обществом в целом. Это позволяет понять происхождение социального из биологического, превращение его в ведущую, определяющую сторону развития человека, т. е. марксистский монизм объясняет, каким образом и при каких условиях социальное становится сущностью человека.

Вульгаризаторы марксизма, абсолютизируя социальный подход к человеку, сознательно отождествляют марксизм с ультрасоциологией. Они утверждают, будто марксизм не учитывает природное в человеке. В действительности же К. Маркс отнюдь не игнорирует его. Он лишь предостерегает от ошибок натуралистического и метафизического истолкования природы человека. По К. Марксу, природное вовлекается в производство посредством социального, преобразуется им и развивается общественным образом, а поэтому человек, «как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»[15]. При этом марксистский монизм рассматривает в развитии, в постоянном становлении не только биологическую основу человека, но и его социальную сущность. Общество всегда вынуждено в той или иной мере считаться с биологической основой жизни людей. И хотя общественный прогресс детерминируется социальными факторами, нельзя полностью игнорировать возможности, заложенные в человеческом организме. В ходе общественного прогресса получают гармоническое развитие и природные задатки человека.

Можно было бы указать на целый ряд других вопросов, которые ставятся современной биологией и особенно генетикой человека. Это роль генетических факторов в детерминации психики и интеллекта, задатков, способностей и потребностей, в онтогенезе и филогенезе, на индивидуальном и популяционном уровнях и т. д.

Разумеется, что данный круг задач и вопросов не может быть проанализирован под углом зрения только биологических или только гуманитарных наук. Подходы к изучению человека, правомерные для каждой из этих отраслей знания, тем не менее оказываются односторонними при разработке целостной концепции человека. И именно здесь осознается потребность в марксистском монизме, который помогает преодолеть «абстрактность» и ограниченность каждого из указанных подходов.

Марксистское решение проблемы соотношения биологического и социального в развитии человека, основывающееся на признании единой социальной сущности человека, не только выполняет эвристическую методологическую функцию по отношению к проблемам генетики человека, но и выступает определенным идеологическим ориентиром, помогающим рассматривать их не с позиций абстрактного сайентизма, а с учетом существенного фактора — социальной среды, т. е. дать им правильную социально-нравственную оценку.

Имеет смысл сказать и еще об одной проблеме, которая затронута в коллективной монографии, именно об отношении марксистско-ленинской философии к теологическому варианту интерпретации социально-этических вопросов генетики человека. Авторы книги, приводя цитату английского историка и социального философа А. Тойнби о том, что «наши усилия, нашу энергию мы должны направлять не на науку, а на религию и этику», по существу правильно указывают на утопический и реакционный характер подобных высказываний. Вместе с тем следует подчеркнуть необходимость развернутого анализа и аргументированной критики таких суждений, так как на широком фронте идеологической борьбы теология продолжает еще оставаться весьма сильным противником. Например, это видно из острой дискуссии по вопросу о влиянии отрицательных последствий НТР на наследственность человека. При этом обратим внимание на весьма существенное обстоятельство. Дискуссия идет как бы в двух плоскостях. Во-первых, *внутри науки* — между методологией марксистского монизма, с одной стороны, и редукционизма и дуализма —с другой. Во-вторых, *между наукой и религией* (часто в форме ложной дилеммы «биологический сайентизм — теологический гуманизм»).

Если обратиться к литературе, то можно заметить самые различные точки зрения, и порой бывает нелегко отличить научный прогноз о реальной опасности от мифа о генетическом апокалипсисе. Как указывалось, в результате увеличивающегося загрязнения среды (радиация, химизация) возросло количество мутаций, являющихся источником наследственных болезней человека.

В результате абсолютизации отрицательных для человека биологических последствий научно-технической революции в буржуазном мире появляются различные пессимистические концепции, в которых развивается идея о биологической неполноценности человека. Сторонники одних концепций считают вид Homo sapiens угасающим, так как якобы происходит его генетическое вырождение в результате отсутствия естественного отбора и постоянного накопления вредных мутаций.

Другая группа — футурологи, напротив, уверяют, что Homo sapiens не угасающий, а биологически слишком молодой вид и поэтому он несет в себе большое количество генов животных предков. Они-то, проявляясь в форме различных инстинктов (агрессии и т. п.), отрицательно влияют на поведение человека в обществе, делают его антисоциальным и рано или поздно приведут к дисгармонии с социальной средой и вырождению человеческого общества. «...Кризис нашей сегодняшней цивилизации является генетическим кризисом» [16], — утверждает теолог П. Рамсей, нарочито говоря о цивилизации абстрактно, безотносительно к социально-экономическому характеру общества. А коль скоро причина социального кризиса буржуазного общества усматривается в биологической природе человека, то естественно, что средством его преодоления объявляются биологизаторские мероприятия, разумеется не затрагивающие социальных устоев, породивших кризис капиталистической цивилизации.

Дж. Флетчер предлагает весьма своеобразный выход из кризиса: «Противозачатие и селективный зачаточный контроль, поддерживаемый генетикой, являются единственно возможной политикой... эры Нулевого Роста Населения, причем этот нулевой рост необходим, если мы хотим вообще когда-либо остановить загрязнение среды и ее уничтожение, не говоря уже о плот-

ности (населения. — *Ред.*), которая разрушает наш мир и покой»[17].

Иначе подходят к проблеме советские ученые (Б. А. Астауров[18], Н. П. Дубинин и другие). Их концепции выступают как оптимистическая альтернатива упадническому биологизаторству с его идеями фаталистического генетического вырождения. Так, Н. П. Дубинин подчеркивает длительную устойчивость и прочность генетической структуры современного человека, обращая особое внимание на ее фантастическую индивидуальную пластичность[19].

Итак, если иметь в виду лишь биологическую природу человека, то в зависимости от представлений о мере ее несовершенства обсуждаются по сути дела четыре принципиальных проекта улучшения биологической природы человека: евгеника, генетическая инженерия, евтеника и евфеника. Дискуссия вокруг них ведется по целому ряду вопросов, без ответа на которые данные проекты принципиально не могут быть реализованы.

Это и понятно. Ведь речь идет о терапии наследственности не животного, а человека. Любые проекты, касающиеся преобразования биологической природы человека, должны в конечном счете пройти проверку в социальной практике и тем самым преодолеть ограниченность абстрактного биологизма. Но тогда-то и появляется масса социально-этических и гуманистических проблем, требующих ответа: каково общественное значение медико-генетических консультаций, на каких этических принципах должны строиться рекомендации при наличии генетических болезней у вступающих в брак (исключение деторождения, малодетность, вероятность прогноза дефектного потомства, отношение к аборту или противозачаточным средствам и т. д.), кто, как и какими средствами должен проводить генетический контроль, каковы его нравственные основания, каковы социально-экономические возможности евфеники в настоящее время и в будущем, каковы нравственные основания генетической инженерии, что принесет она человеку — добро или зло; каковы перспективы развития института брака и семьи в связи с новыми проектами сексуального и клонированного размножения людей, каков идеал наследственности человека, есть ли потребность у общества в клональных копиях гениев и др.

Разумеется, получить научно обоснованные ответы на эти вопросы, не обращаясь к учению об общественной сущности человека, невозможно. Забвение этого принципиального положения марксистско-ленинской теории человека выступает гносеологическим источником оживления редукционизма, сводящего социальное к биологическому и получившего в последнее время широкое распространение в ряде капиталистических стран.

В последние годы там разгорелись острейшие дискуссии по философским и социально-этическим проблемам генетики человека. Предметом спора стал неоевгенический проект клональной репродукции человека и негативные стороны генетической инженерии. Одни участники дискуссии стоят за неограниченный генетический контроль. Это представители «чистой» науки, типичного биологического сайентизма. Другие выступают против вмешательства в генетику человека, мотивируя свою точку зрения соображениями морали, основывающейся на религиозно-идеалистическом мировоззрении. Они критикуют Д. Ледерберга, профессора генетики и биологии Стэнфордского университета, для которого характерна недооценка социального момента и моральных проблем, возникающих при обсуждении евгенического проекта клонального размножения людей. Хотя его неоевгенические прогнозы и рецепты опираются на некоторые достижения молекулярной биологии, генетической инженерии по пересадке ядер из соматических клеток в денуклеированную яйцеклетку и т. п., они фактически повисают в социально-этическом вакууме.

Для Ледерберга, как и для других представителей так называемой чистой науки, вообще характерно безразличие к гуманистическим ценностям науки, социальный инфантилизм и этическая индифферентность, гносеологические истоки которых кроются в упрощенном понимании науки, в отрыве ее от структуры общественных отношений, в утверждении, будто наука не содержит этических регулятивов, так как научные открытия сами по себе не отвечают на вопрос, что они — добро или зло?

Ледерберг не может (или не хочет) понять сложного характера социальной обусловленности науки. В результате игнорирования этого факта образуется социально-этический вакуум, который и стремятся заполнить

теологи. Они пытаются навязать ученым свое решение философско-гуманистических проблем, разумеется с позиций христианской морали. Именно подход представителей «чистой» науки к проблемам этики науки, сознательно и неправомерно отождествляемый с собственно научным, и критикует теология, стремясь создать видимость нравственно-гуманистической альтернативы.

В связи с этим проанализируем точку зрения католического теолога П. Рамсея, рассматривающего с позиций христианского вероучения этические проблемы генетики, медицины и евгеники. Он подвергает критике самые радикальные проекты Д. Ледерберга, осуществление которых действительно может привести к созданию клановости, элитарности, преступной евгеники нацизма. Казалось бы, против критики подобных проектов возразить нечего. Однако при этом Рамсей приводит весьма своеобразные аргументы, которые заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее.

Рационализация размножения человека и его замена копированием, утверждает Рамсей, приведет к разрыву между любовью и рождением детей, а это совершенно недопустимо с точки зрения христианской этики: ведь именно в разгар нашей любви друг к другу «мы порождаем новые существа, подобные нам, и в этом — нить, ведущая к первоначальному таинству, благодаря которому Господь создал мир по Любви своей»[20]. Следовательно, евгенический проект Ледерберга неприемлем для католического этика Рамсея потому, что он есть покушение на заветы христианской нравственности. Говоря об угрозе вырождения генетического фонда в современных условиях[21], Рамсей призывает к установлению общественного превентивного евгенического контроля, для того чтобы спасти христианский завет «плодитесь и размножайтесь».

Он всячески стремится ограничить возможности науки, призывая прекратить те или иные исследования в области генетики человека как противоречащие христианской концепции человека и религиозной морали. Однако Рамсей понимает, что полностью отвергнуть научное знание ему не удастся, и он пытается примирить науку с религией. О тщетности таких попыток свидетельствует его концепция человека.

Отстаивая христианскую интерпретацию неповторимости человеческой личности и вместе с тем стремясь

как-то «согласовать» ее с достижениями современной генетики человека, он вынужден признать, что этика нуждается в более адекватной концепции человека. И в то же время Рамсей больше всего боится, как бы его не упрекнули в том, что он отходит от теологии и, опираясь на генетику, строит-де научную концепцию человека. Поэтому он оправдывается, оговаривается, что наука способствует упадку авторитета христианского догматического учения о человеке, а с ним и католической доктрины нравственности.

В работе «Моральное и религиозное значение генетического контроля»[22], в том пункте, где речь идет о необходимости евгенических мер для предотвращения генетического вырождения человека, Рамсей разделяет точку зрения на человека не Ватикана, а генетика Г. Меллера. Он считает, что придерживаться библейского тезиса «плодитесь и размножайтесь» можно лишь при одном условии — если медицинская генетика гарантирует здоровую наследственность детям. Но тем самым он подвергает ревизии важнейшую церковную заповедь.

Чтобы воспрепятствовать распространению концентрации вредных генов в человеческой популяции, Рамсей вслед за генетиками рекомендует использовать на добровольных началах стерилизацию, противозачаточные и другие умеренные средства, ограничивающие появление детей с наследственными болезнями. Он доходит до того, что дает совет Ватиканскому собору[23] изменить этические воззрения на использование противозачаточных средств и добровольную мужскую стерилизацию. Правда, он понимает, что «многие христианские соотечественники не согласятся с этими заключениями»[24].

Рамсей сетует на то, что открытия в генетике застали христианскую мораль врасплох, ибо христианская нравственность, как он полагает, не ориентирована на отрицательные генетические последствия в эволюции человека. И вместе с генетиком Г. Меллером он ратует за общественный контроль над размножением людей («этика генетического долга»). Понимая, что таким образом он заходит слишком далеко и практически готов признать критерием нравственности научное знание, а не религиозную веру, Рамсей останавливается на полпути, желая остаться в лоне теологии. Он начинает

критиковать «этику генетического долга» Г. Меллера, стремящегося, подобно Д. Ледербергу, вывести моральные принципы познания живого из «чистой» науки.

Исходя из христианской этики, Рамсей не может признать полностью евгенические проекты улучшения людей с использованием банков спермы выдающихся мужчин в качестве доноров при искусственном осеменении женщин. «С тех пор, — пишет он, — как искусственное оплодотворение семенем не мужа, а донора полностью разделило то, что бог соединил вместе, этот предложенный метод генетического улучшения должен быть определен как недозволенный в отношении человека»[25]. Но он не хочет полностью порвать с наукой, ибо это скомпрометировало бы его в глазах ученых. Поэтому он стремится избежать прямой конфронтации с наукой. Но как найти компромисс, как примирить непримиримое? «Выход» отыскивается на пути словесной схоластики. Он утверждает следующее: 1) «христианской этики не найти в содержании любой естественной науки»; 2) «она не может быть опровергнута никакими фактами, известными наукам»; 3) «нет конфликта между религией и наукой»[26].

Более того, Рамсей утверждает, что современная молекулярная биология и генетика в связи с расшифровкой генетического кода доказали старую христианскую идею об уникальности человеческой личности, ее неповторимости. Подчеркнем, что вопрос обсуждается им нарочито абстрактно, без учета конкретных условий и тех принципиально противоположных взглядов и концепций, в которых формировалась эта идея в религии и науке. «Рамсей,— пишет И. Т. Фролов,— уделяет много внимания сопоставительному анализу христианских идей и концепции Библии, однако моральные стороны евгеники, которые он формулирует, оказываются обычными нормами и максимами англосаксонской эмпирической этики, сформировавшимися, быть может, под влиянием христианского морального кодекса, но все же вне его»[27].

Легко заметить, что христианская догматическая концепция человека, утверждающая, что он есть высшее и совершеннейшее мыслящее существо, «образ и подобие божие», которое появилось в результате единовременного акта божественного творения, находится в вопиющем противоречии с данными современной биологи-

ческой науки, и особенно медицинской генетики. Вот почему современная католическая церковь в лице теологов — специалистов по медицинской этике — стремится к «переосмыслению» некоторых сторон своего учения.

Значительно дальше в этом отношении идет педагог и теолог Дж. Флетчер, который в книге «Этика генетического контроля. Конец репродуктивной рулетки» [28] подвергает еще большей деформации и ревизии христианскую догматическую концепцию человека. Он рисует страшную картину будущего человека. Чтобы предотвратить надвигающуюся генетическую катастрофу, он рекомендует регулировать деторождение всеми выработанными наукой способами (с использованием противозачаточных средств, абортов, стерилизации, генетической инженерии, клонального копирования и т. д.). Однако, уверяет он, это настолько ново, что медицина или биология не имеют никаких моральных норм и кодексов, исходя из которых можно было бы судить о «моральности» или «аморальности» таких возможных экспериментов [29].

Итак, Флетчер осознает, что современная медицинская генетика поставила важные социально-этические и гуманистические проблемы. Однако, видя, что католическая теология оказывается неспособной предложить что-либо конструктивное для их решения, он констатирует кризис христианской этики в связи с новейшими достижениями в генетике человека. В противоположность Рамсею и другим, более умеренным теологам он отстаивает мысль о том, что искусственное выращивание детей либо способом клонирования, либо при помощи донорства не разрушает устоев брака и семьи, а значит, и не является аморальным и негуманным [30].

Настаивая на необходимости улучшить генетическую основу человечества, Флетчер защищает тезис о перспективности и правомерности асексуального и внеутробного «воспроизведения» человека. Понимая, что это противоречит библейской заповеди «плодитесь и размножайтесь», что здесь сталкиваются две по существу противоположные концепции морали: «святости жизни» и «качества жизни» (в его контексте это означает качество наследственных основ человека), он принимает сторону последней, так как генетический контроль, по его мнению, позволяет человечеству избавиться от по-

явления генетических уродств и болезней, а потому дает ему моральное оправдание. «Как видим, — замечает И. Т. Фролов, — ничего конкретного с точки зрения анализа реальных этических проблем он не предложил. ...Руководствуясь такой этикой, вряд ли можно реально претендовать на регулятивные функции в исследованиях и практике генетического контроля»[31].

Анализ непримиримой борьбы между наукой и религией по актуальным проблемам биологии был бы неполон, если бы мы ограничились только выводами о том, что религия, с одной стороны, используя «истины» католической нравственности, запрещает новейшие исследования в области биологии человека, а с другой — под напором выдающихся достижений молекулярной генетики, популяционной генетики, генетической инженерии, эмбриологии, культуры тканей, медицинской генетики и т. п. вынуждена подвергать ревизии наиболее дискредитировавшие себя догмы церковного учения о человеке.

Большие надежды современные теологи связывают с попытками дать иное толкование принципиальных положений церковного учения «с учетом» новейших достижений генетики человека. Для этого используется весьма широкий арсенал средств. Характерна, например, попытка теологов «подтвердить» фактами из генетической инженерии и клонального размножения библейское положение о непорочности зачатия. Флетчер считает, что непорочное зачатие не ерунда, более того, эта идея будто бы проведена в Библии, в нее верили великие и непререкаемые авторитеты христианской церкви. Тертуллиан якобы говорил, что он «верит в непорочное зачатие, так как оно абсурдно». Святой Августин, по мысли Флетчера, также разделял эту точку зрения и при этом ссылался на природу и на животный мир, где есть примеры бесполого размножения. Теперь же, уверяет Флетчер, непорочное зачатие (возможность асексуального размножения) вовсе не является абсурдом или неразрешимой проблемой, оно представляет собой вполне реальную возможность.

Так как же: глупость ли написана в Библии или это что-то другое? — спрашивает он и пускается в бесплодные рассуждения. Согласно его представлениям, существование Адама и сотворение Евы из его ребра говорят о том, что сам господь бог был первым сторонником непорочного зачатия, в данном случае, по-видимому,

клонального размножения, а когда при посредничестве змеи произошло «грехопадение», бог в качестве наказания вернул Адама и — теперь уже его жену — Еву к сексуальному способу размножения[32].

Если сопоставить эти рассуждения Флетчера с новейшими данными генетики человека, то проводимая Флетчером аналогия между непорочным зачатием и асексуальным размножением (клонированием) оказывается неправомерной. Она явно противоречит принципам генетики, ибо существенным в клональном способе размножения является воспроизведение того же пола (пол наследуется от ядерного донора). По Флетчеру, Адам и выступает таким донором. Но тогда при бесполом размножении могли быть получены особи лишь мужского пола (первым бог сотворил Адама) и уж никак не могла возникнуть Ева. Значит, генетическая инженерия с ее проектом клонального размножения не подтверждает библейские сказки о сотворении Евы из ребра Адама.

Заканчивая анализ отношения теологов к достижениям современной генетики человека, к проблемам биологии и медицины, следует подчеркнуть, что, как бы теологи ни заигрывали с наукой, как бы ни «пеклись» о будущем человека в связи с развитием научно-технической революции, сколь бы много ни говорили о возрастающей мощи практически преобразующей деятельности человека, вооруженного новейшими знаниями, в конечном счете они всегда остаются прислужниками церкви. Видя свою главную цель в том, чтобы принизить роль научного знания, они ставят бога выше человека.

Диаметрально противоположную позицию занимает диалектический материализм. Он опирается на новейшие открытия в генетике, но отвергает социально-мировоззренческие выводы неоевгеников за их научную необоснованность, утопический характер, безнравственность и биологизаторскую методологию, реакционную и антигуманистическую направленность, безответственное отношение к личности. Материалистическая диалектика обеспечивает органическое единство концепций современной биологии и медицины с марксистско-ленинской теорией целостного, гармонически развитого человека. Следовательно, эвристическая функция марксистско-ленинской философии в данном случае состоит в том, что она помогает осознать ложность дилеммы «биологический сайентизм или теологический гуманизм»,

ориентирует науку на действительно гуманные социально-этические ценности и этим обеспечивает максимальный простор для деятельности ученого.

Ситуация, складывающаяся сегодня в биологии и медицине, напоминает революцию в физике на рубеже XIX—XX вв. и порождает потребность в точных философских выводах. При этом наибольшую остроту приобретают социально-этические и гуманистические проблемы, связанные с новейшими открытиями и достижениями в медико-биологической отрасли науки. Вот почему ленинская идея о творческом союзе естественных наук с диалектическим материализмом сохраняет свою актуальность и огромную методологическую ценность.

Связывая перспективу человечества с коммунизмом, марксистско-ленинская концепция человека позволяет отсечь реакционные выводы буржуазной философии от ростков нового, прогрессивного в генетике, которые, несомненно, должны быть удержаны, развиты и использованы на благо человека, в интересах максимально полного раскрытия его сущностных сил.

Перевод книги немецких марксистов на русский язык и выход ее в свет служат этим благородным целям. Многогранность и комплексность анализа малоразработанных острых философских проблем генетики человека, высокий идейно-теоретический уровень исследования, а также четкие марксистско-ленинские позиции, занимаемые Г.-М. Дитлем, Г. Газе и Г.-Г. Кранхольдом, делают монографию «Генетика человека в социалистическом обществе» заметным явлением в дальнейшем развитии творческого союза философов и естествоиспытателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Hager K.* Zu Fragen der Kulturpolitik der SED. Berlin, 1972, S. 13.

[2] *Hager K.* Die Politik der Partei und die Aufgaben der marxistisch-leninistischen Philosophie. — «Neues Deutschland», 17.IV.1974.

[3] *Rapoport S. M., Rosenthal H. A., Rosenthal S., Fuchs-Kittowski K.* Zu einigen aus den Erkenntnissen der Molekularbiologie ableitbaren theoretischen Verallgemeinerungen. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. Berlin, 1974, S. 20.

[4] *Hager K.* Wissenschaft und Technologie im Sozialismus. Berlin, 1974, S. 15.

[5] *Böhme H.* Molekular- und Zellgenetik in der Gegenwart. — «Einheit», 1973, N 10, S. 1198.

[6] Там же.

[7] *Löther R.* Humangenetik und die Zukunft des Menschen. — «Einheit», 1970, N 2, S. 203.

[8] *Luria S. E.* Leben — das unvollendete Experiment. München, 1974, S. 38.

[9] *Böhme H.* Molekular- und Zellgenetik in der Gegenwart. — «Einheit», 1973, N 10, S. 1206.

[10] *Löther R.* Humangenetik und die Zukunft des Menschen, S. 203.

[11] *Bach H.* Mögliche humangenetische Maßnahmen und ihre Problematik. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 169, 173—175.

[12] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — «Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge (SWGB)», 1971, N 10, S. 1088.

[13] *Böhme H.* Molekular- und Zellgenetik in der Gegenwart. — «Einheit», 1973, N 10, S. 1204—1208; *Hager K.* Wissenschaft und Technologie im Sozialismus, S. 23, 26.

[14] *Hager K.* Wissenschaft und Kultur in der entwickelten sozialistischen Gesellschaft. Sonntag, 1971, N 23, S. 7.

[15] *Dubinin N. P., Frolow I. T.* Wissenschaft für den Menschen. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» (DZfPh), 1973, N 5, S. 588.

[16] *Baitsch H.* Über die genetische Zukunft des Menschen. — «Universitas», 1973, N 8, S. 819—820.

[17] *Portmann A.* Umzüchtung der Menschen? — Aspekte heutiger Biotechnik. — «Universitas», 1966, N 8, S. 791—792.

[18] Там же, с. 803.

[19] *Baitsch H.* Über die genetische Zukunft des Menschen. — «Universitas», 1966, N 8, S. 827.

[20] Там же, с. 826.

[21] Там же, с. 827.

[22] *Baitsch H.* Reflexionen über das Lernen in medizinischer Sicht. — «Universitas», 1973, N. 4, S. 395.

[23] Там же, с. 396.

[24] Там же, с. 403.

[25] *Lederberg J.* — Das umstrittene Experiment: Der Mensch. München, 1966, S. 315.

[26] *Dubinin N. P.; Frolow I. T.* Wissenschaft für den Menschen.— (DZfPh), 1973, N 5, S. 588.

[27] Там же, с. 587.

[28] *Hörz H.* Naturwissenschaft, wissenschaftlich-technische Revolution und marxistisch-leninistische Philosophie. — «Einheit», 1974, N 7, S. 779—782.

[29] *Демичев П. Н.* Разработка актуальных проблем строительства коммунизма в решениях XXIV съезда КПСС. — XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории. М., 1971, с. 55; *Hager K.* Fragen der Kulturpolitik der SED 6. Tagung des ZK SED, S. 12.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 452.

[31] *Bergner O.* Die anthropologische Frage in der bürgerlichen Philosophie der Gegenwart. — (DZfPh), 1974, N. 10—11, S. 1387—1397.

[32] *Frolow I. T.* Moderne Wissenschaft und Humanismus. — Wissenschaft und Gesellschaft. Berlin, 1975, S. 49—71.

[33] *Löther R.* Die Dialektik von Biologischem und Gesellschaftlichem im wissenschaftlichen Menschenbild. — «Einheit», 1974, N 7, S. 796.

[34] *Taylor G. R.* Die biologische Zeitbombe. Revolution der modernen Biologie. Frankfurt (Main), 1969.

[35] *Turbin N. W.* Genetik und Gesellschaft. — SWGB, 1974, N 7, S. 742.

[36] См. *Жданов Ю. А.* Социальная ответственность естествоиспытателя. — «Проблемы мира и социализма», 1973, № 12, с. 16 и др.; *Löther R.* Humangenetik und die Zukunft des Menschen. — «Einheit», N 2, S. 203.

[37] *Strohschneider I.* Zur bürgerlichen Zukunftsforschung und zur Zukunft des Menschen. — Medizin, Menschenbild und sozial-biologisches Problem. Berlin, 1974, S. 88—99.

[38] Там же, с. 91.

[39] *Blüchel K.* Projekt Übermensch. Stuttgart, 1971, S. 19.

[40] Das umstrittene Experiment: Der Mensch.

[41] *Freye H. A.* Notwendigkeiten und Möglichkeiten einer Eugenik im Lichte moderner Humangenetik. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. Berlin, 1972, S. 53—54; *Löther R.* Humangenetik und die Zukunft des Menschen. — «Einheit», 1970, N 2, S. 205—206.

[42] *Huxley J.* Das umstrittene Experiment: Der Mensch, S. 47—48.

[43] *Luria S. E.* Leben — das unvollendete Experiment, S. 170—171.

[44] Там же, с. 179.

[45] Там же, с. 170.

[46] Там же, с. 172.

[47] *Wernecke A.* Zu Formen des spätbürgerlich-ideologischen Mißbrauchs humangenetischer Begriffe. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. Berlin, 1972, S. 90—98; *Straass G.* Biosoziale Interdependenz — das anthropologische Grundproblem. II. Teil.—«Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1972, N. 18, S. 945—947.

[48] *Turbin N. W.* Genetik und Gesellschaft. — SWGB, 1974, N 7, S. 743—746.

[49] Там же, с. 744—745.

[50] *Taylor G. R.* Die biologische Zeitbombe. Revolution der modernen Biologie, S. 9—10.

[51] *Langendorf G.* Bürgerliche Zerrbilder der wissenschaftlich-technischen Revolution. — «Einheit», 1975, N 7, S. 725—731.

[52] *Taylor G. R.* Die biologische Zeitbombe. Revolution der modernen Biologie, S. 23.

[53] Там же, с. 298.

[54] Там же, с. 295—296.

[55] Там же, с. 301.

[56] Там же, с. 286—290.

[57] Там же, с. 290.

[58] *Hausmann R.* Genetische Manipulation durch Kern- und Chromosomentransplantation, Transduktion und Transformation. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 332.

[59] Там же, с. 333.

[60] *Wagner F.* Die Manipulierung des Menschen durch Genwissenschaft. Geschichte, Methoden, Ziele und Folgen. — Menschenzöchtung. Das Problem der genetischen Manipulierung des Menschen. München, 1969, S. 17.

[61] Там же, с. 33.

[62] Там же, с. 48.

[63] *Hager K.* Wissenschaft und Technologie im Sozialismus, S. 64—70.

[64] *Löther R.* Kampf mit dem Unbehagen. — «Spektrum», 1973, N 12, S. 28—30.

[65] *Kuczynski J.* Die Nullogik des Nullwachstums. — «Wissenschaftliche Welt», 1974, N 2, S. 5.

[66] Appell des Symposiums «Der Wissenschaftler in der Gesellschaft». — «Wissenschaftliche Welt», 1973, N 3-4, S. 2.

[67] *Löther R.* Die Dialektik von Biologischem und Gessellschaftlichem im wissenschaftlichen Menschenbild. — «Eincheit», 1974, N 7, S. 793.

[68] *Dubinin N. P., Frolow I. T.* Wissenschaft für den Menschen. — DZfPh, 1973, N 5, S. 592.

[69] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — SWGB, 1971, N 10, S. 1087; *Turbin N. W.* Genetik und Gesellschaft, — SWGB, 1974, N 7, S. 749; *idem.* «Genetical engineering». Realität, Perspektiven und Berüchtungen. — SWGB, 1975, N 7, S. 748—761.

[70] *Schmid W.* «Genetische Chirurgie» beim Menschen? — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 352.

[71] *Dubinin N. P., Frolow I. T.* Wissenschaft für den Menschen.— DZfPh, 1973, N 5, S. 594.

[72] *MacKay D. M.* — Das umstrittene Experiment: Der Mensch, S. 313.

[73] *Wallace B., Dobzhansky Th.* Radiation, Genes and Man. New York, 1959.

[74] *Dobzhansky Th.* Vererbung und Menschenbild. München, 1966, S. 185—186.

[75] *Bronowski G.* Das umstrittene Experiment: Der Mensch, S. 312.

[76] *Straass G.* Biosoziale Interdependenz — das anthropologische Grundproblem. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1972, N 18, S. 945—947.

[77] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — SWGB, 1971, N. 10, S. 1082.

[78] *Bresch C.* Gezielte Veränderungen am menschlichen Erbgut aus der Sicht eines Biologen. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 344—345.

[79] *Medawar P. B.* Die Zukunft des Menschen. Frankfurt (M.), 1962, S. 34.

[80] *Knapp A.* Genetische Probleme der Medizin unter sozialem Aspekt. — «Zeitschrift für Ärztlich Fortbildung», 1974, N 19, S. 1062—1066.

[81] *Straass G.* Biosoziale Interdependenz und die Zukunft der Menschheit. — Medizin, Menschenbild und sozialbiologisches Problem. Berlin, 1974, S. 73.

[82] *Straass G.* Biosoziale Interdependenz — das anthropologische Grundproblem. II. Teil. — «Zeitschift für Ärztliche Fortbildung», 1972, N 18, S. 950.

[83] *Bach H.* Mögliche humangenetische Masnahmen und ihre Problematik. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 169—170, 175.

[84] *Vogel F.* Ist mit einer Manipulierbarkeit auf dem Gebiet der Humangenetik zu rechnen? — Können und dürfen wir Menschen züchten? — «Hippokrates», 1967, N 16.

[85] *Baitsch H.* Über die genetische Zukunft des Menschen. — «Univärsitas», 1973, N 8, S. 822.

[86] *Bresch C.* Gezielte Veränderungen am menschlichen Erbgut aus der Sicht eines Biologen, S. 347.

[87] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen.— Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. Berlin, 1974, S. 128—129.

[88] *Dubinin N. P., Frolow I. T.* Wissenschaft für den Menschen, S. 596.

[89] *Scheler W., Steenbeck M.* Genetisches und gesellschaftliches Erbe. — DZfPh, 1973, N 7, S. 791.

[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 515.

[91] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 45.

[92] См. *Холл Г.* Классовый аспект экологического кризиса. — «Проблемы мира и социализма», 1972, № 8, с. 21—26; Защита природной среды. — «Проблемы мира и социализма», 1972, № 6, с. 10—29.

[93] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 551.

[94] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

[95] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 495—496.

[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 188.

[97] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

[98] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 676.

[99] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 596.

[100] *Hager K.* Wissenschaft und Technologie im Sozialismus, S. 31.

[101] *Hörz H.* Die Einheit von Natur- und Gesellschaftswissenschaften. — «Einheit», 1975, N 7, S. 750—758.

[102] *Hager K.* Die Politik der Partei und die Aufgaben der marxistisch-leninistischen Philosophie. — «Neues Deutschland», 17.4.1974.

[103] См. «Вопросы философии», 1973, № 1—4.

[104] См. «Вопросы философии», 1973, № 11—12; «Вопросы философии», 1974, № 1, 2, 4.

[105] См. «Вопросы философии», 1973, № 9—10.

[106] «Вопросы философии», 1972, № 7, 9; «Вопросы философии», 1975, № 1, 10, 12.

[107] См. «Вопросы философии», 1974, № 8—11.

[108] Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. Berlin, 1972; Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. Berlin, 1974.

[109] *Zaregorodzew G. I.* Gesellschaft, Umwelt, Medizin. — «Presse der Sowjetunion», 1975, N 20, S. 34—37.

[110] *Холл Г.* Классовый аспект экологического кризиса. — «Проблемы мира и социализма», 1972, № 8, с. 25.

[111] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 103.

[112] См. *Иноземцев Н. Н.* О характере противоречий в нашу эпоху. — «Проблемы мира и социализма», 1973, № 9, с. 38 и др.

[113] *Hager K.* Wissenschaft und Technologie im Sozialismus, S. 64—70.

[114] *Arbatow G. A.* Die Außenpolitik der USA und die wissenschaftlich-technische Revolution. — SWGB, 1974, N 4, S. 425.

[115] *Kellner E., Mocek R.* Naturwissenschaft und Ethik. — DZfPh, 1969, N 10, S. 1170.

[116] *Konstantinow F. W.* Die wissenschaftlich-technische Revolution und die Probleme des moralischen Fortschritts. — «Wissenschaft und Gesellschaft». Berlin, 1975, S. 76, 80—81.

[117] Там же, с. 78.

[118] *Hörz H.* Naturerkenntnis und Ethik. — DZfPh, Sonderheft, 1973, S. 84—103.

[119] *Steenbeck M.* Wissen und Verantwortung. Berlin, 1967.

[120] *Lamberz W.* Sozialismus—Wissenschaft—Urania. Leipzig—Jena—Berlin, 1975, S. 6—7.

[121] *Konstantinow F. W.* Die wissenschaftlich-technische Revolution und die Probleme des moralischen Fortschritts. — Wissenschaft und Gesellschaft, S. 83.

[122] *Kellner E., Mocek R.* Naturwissenschaft und Ethik. — DZfPh, 1969, N 10, S. 1170.

[123] *Luther E., Prehn A.* Zum Verhältnis von Interessen, Ethik und Wissenschaft. — DZfPh, 1970, N 3, S. 324—340.

[124] *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. Berlin, 1972, S. 19—32.

[125] *Löther R.* Die Dialektik von Biologischem und Gesellschaftlichem im wissenschaftlichen Menschenbild. — «Einheit», 1974, N 7, S. 789—798.

[126] *Hörz H.* Marxistische Philosophie und Naturwissenschaften, Kap. IX. Berlin, 1974, S. 586—638; *idem:* Naturerkenntnis und Ethik. — DZfPh, Sonderheft, 1973; *idem:* Naturwissenschaft, wissenschaftlich-technische Revolution und marxistisch-leninistische Philosophie. — «Einheit», 1974, N 7, S. 779—788.

[127] *Hörz H.* Marxistische Philosophie und Naturwissenschaften, Kap. IX, S. 788.

[128] *Luther E., Prehn A.* Zum Verhältnisse von Interessen, Ethik und Wissenschaft. — DZfPh, 1970, N 3, S. 333—334.

[129] *Hörz H.* Marxistische Philosophie und Naturwissenschaften, S. 612.

[130] Там же, с. 610—611.

[131] *Luther E., Prehn A.* Zum Verhältnis von Interessen, Ethik und Wissenschaft. — DZfPh, 1970, N 3, S. 338—339.

[132] *Kellner E., Mocek R.* Naturwissenschaft und Ethik. — DZfPh, 1969, N 10, S. 1175.

[133] Там же, с. 1173.

[134] Там же, с. 1159.

[135] *Jung F.* Biologie und die Zukunft des Menschen. — «Wissenschaft und Fortschritt», 1975, N 4, S. 159—161.

[136] *Giessler E.* Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. — Einführung. Berlin, 1972, S. 14—17.

[137] *Berg P.* et al. Potential Biohazards of Recombinant DN Molecules. — «Science», 26 Juli 1974, p. 303.

[138] *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik, S. 36—38, 42.

[139] *Kuczinsky J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Der fortschrittliche Wissenschaftler in der Gesellschaft des Monopolkapitals. — Die vertauschte Eule der Minerva. Berlin, 1974, S. 78.

[140] Там же, S. 71, 76—77; *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik.

[141] *Kuczinsky J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Die vertauschte Eule der Minerva, S. 74—75.

[142] *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik, S. 19.

[143] *Wade N.* Genetic Manipulation: Temporary Embargo Proposed Research. — «Science», 26. Juli, 1974, S. 332—334.

[144] *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung; *Hörz H.* Marxistische Philosophie und Naturwissenschaften; *Kuczinski J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Die vertauschte Eule der Minerva.

[145] *Kröber G., Laitko H.* Sozialismus und Wissenschaft. Berlin, 1972, S. 9—17; *Ley H.* Zum Klassencharakter der Funktion von Wissenschaft. — DZfPh, 1970, N 10, S. 1250; *Domin G.* Wissenschaft und Gesellschaftsordnung. — DZfPh, 1968, N 11, S. 1340.

[146] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

[147] *Kuczinsky J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Die vertauschte Eule der Minerva, S. 62.

[148] Там же, с. 71.

[149] *Steenbeck M.* Was heißt heute Verantwortung des Naturwissenschaftlers? — «Wissenschaft und Fortschritt», 1971, N 11, S. 486.

[150] *Kuczinsky J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Die vertauschte Eule der Minerva, S. 77—78.

[151] *Burhop E. H. S. Der* Wissenschaftler in der Gessellschaft — Neue Probleme, neues Herangeben, neue Verantwortung. — «Wissenschaftliche Welt», 1973, N 3—4, S. 3—9; *Bratanov K.* Gesellschaftliche Verantwortung — moralische Pflicht des Wissenschaftlers, S. 11—14; *Boskma P.* Die sich wandelnde Rolle des Wissenschaftlers in der Gesellschaft. — «Wissenschaftliche Welt», 1974, N 2, S. 23—27.

[152] *Hörz H.* Naturerkenntnis und Ethik. — DZfPh, Sonderheft, 1973, S. 92—95, 100—103; *Hepach H., Löther R.* Richtigstellung über «Zufall und Notwendigkeit». Zu den philosophischen Abwegen des Molekularbiologen Jacques Monod. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 2, S. 102—103.

[153] *Kuczinsky J.* Ein «Hippokratischer Eid» für Wissenschaftler? — Die vertauschte Eule der Minerva, S. 62, 75—76.

[154] *Hörz H.* Marxistische Philosophie und Naturwissenschaften, S. 635.

[155] *Fedossejew P. N.* Kultur und Moral. — SWGB, 1973, N 10, S. 1024.

[156] Там же, с. 1023—1028; *Konstantinow F. W.* Die wissenschaftlich-technische Revolution und die Probleme des moralischen Fortschritts. — Wissenschaft und Gesellschaft, S. 84—85.

[157] *Kellner E., Mocek R.* Naturwissenschaft und Ethik. — DZfPh, 1969, N 10, S. 1179.

[158] *Kalweit W.* Aufgaben und Stellung des Wissenschaftlers in der sozialistischen Gesellschaft. — «Wissenschaftliche Welt», 1973, N 3—4, S. 15—18.

[159] *Luther E., Prehn A.* Zum Verhältnis von Interssen, Ethik und Wissenschaft. — DZfPh, 1970, N 3, S. 340.

[160] *Eichhorn I.* Das Problem des Menschen im Historischen Materialismus. — RZfPh, 1966, N 7, S. 779.

[161] Там же, с. 160.

[162] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 299.

[163] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 18.

[164] См. там же, с. 2.

[165] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 102.

[166] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 3.

[167] *Sève L.* Marxismus und Theorie der Persönlichkeit (Nachwort zur 3. französischen Auflage). — Sonderinformation (1974, N 5, S. 5) der Zentralstelle für philosophische Information und Dokumentation im Institut für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED Berlin. См. также: *Сев Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 159, 345, 383 и др.

[168] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 19.

[169] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. Berlin, 1974, S. 117—125; *Herrmann J.* Die Entwicklung der Menschheit, Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR, Jahrgang, 1973, N 16. Berlin, 1974.

[170] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 486.

[171] Там же, с. 622.

[172] Там же, с. 495.

[173] *Luria S. E.* Leben — das unvollendete Experiment. München—Zürich, 1974, S. 28.

[174] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 489.

[175] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 5—9.

[176] См. там же, с. 7; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 129—203.

[177] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 188.

[178] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 123.

[179] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402.

[180] *Luria S. E.* Leben — das unvollendete Experiment, S. 10.

[181] *Karsaevskaja T. V., Satalow A. T.* Entwicklungstendenzen der Wechselbeziehungen von Biologischem und Sozialem. 1—2. Teil.— «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», Heft 11, 12, 1974, Jena; *Straass G.* Soziale Siebung — ein Postulat der bürgerlichen Sozialanthropologie und seine gesellschaftliche Funktion. — Medizin, Menschenbild und sozialbiologisches Problem. Berlin, 1974; *idem:* Biosoziale Interdependenz und die Zukunft der Menschheit.

[182] См. *Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек. — «Философские науки», 1974, № 6, с. 14—21.

[183] *Tugarinow W. P.* Philosophie des Bewußtseins. Berlin, 1974.

[184] *Karsaevskaja T. V., Satalov A. T.* Entwicklungstendenzen der Wechselbeziehungen von Biologischem und Sozialem. 2. Teil. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 12, S. 629.

[185] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen. Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie.

[186] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

[187] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — SWGB, 1971, N 9, 10; *idem:* Neue Kategorien der Evolution des Menschen; *idem:* Probleme der Genetik und marxistisch-leninistische Philosophie. — Dialektik in der modernen Naturwissenschaft. Berlin, 1973; *idem:* Geheimnis der Unsterblichkeit. Berlin, 1973.

[188] *Steenbeck M., Scheler W.* Essay über den Einfluß von genetischem und gesellschaftlichem Erbe auf das Verhältnis Mensch-Gesellschaft. — DZfPh, 1973, N 7, S. 788.

[189] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen.— Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 115.

[190] Там же, с. 119.

[191] *White L.* The Science of Culture. N.-Y., 1949; *Childe I. V.* Social Evolution. N.-Y., 1951; *Steward J. N.* Evolution und Progress. Chicago, 1953, а также работы Моргана, Кольцова, Давиденко и др.

[192] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen, S. 118.

[193] Там же, с. 119.

[194] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — SWGB, 1971, N 9, S. 988.

[195] *Dubinin N. P.* Probleme der Genetik und die marxistisch-leninistische Philosophie, S. 74.

[196] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen, S. 124.

[197] *Dubinin N. P.* Philosophische und soziologische Aspekte der Humangenetik. — SWGB, 1971, N 9, S. 988.

[198] *Dubinin N. P.* Probleme der Genetik und die marxistisch-leninistische Philosophie, S. 74.

[199] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 305—306.

[200] *Hahn E.* Objektive Gesetzmäsigkeit und bewustes Handeln im Sozialismus. Berlin, 1975.

[201] *Kosing A.* Diskussionbeitrag auf dem III. Kühlungsborner Kolloquium. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 153; *Kurella A.* Das Eigene und das Fremde. Berlin— Weimar, 1968.

[202] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 294—295, 359.

[203] *Krjazev P. E.* Persönlichkeitsbildung als sozialer Prozeß.— Die Persönlichkeit im Sozialismus. Berlin, 1972, S. 37.

[204] Там же, с. 38; *Mitrochin L. N.* Methodologische Probleme der Persönlichkeitsforschung. — Die Persönlichkeit im Sozialismus; *Tugarinow W. P.* Die marxistische Persönlichkeitstheorie in der gegenwärtigen Etappe. — SWGB, 1972, N 1; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1973.

[205] *Hörz H. E.* Blickpunkt Persönlichkeit. Berlin, 1975, S. 31.

[206] Thesen zur Habilitationsschrift «Zum Gegenstand der Pädagogik — Definition, System und Gesetzmäßigkeiten der Erziehung» von W. Naumann.

[207] Beiträge zur sozialistischen Erwachsenenbildung, Heft 3. Leipzig, S, 13.

[208] Thesen zur Habilitationsschrift «Zum Gegenstand der Pädagogik — Definition, System und Gesetzmäßigkeiten der Erziehung», These 5; Beiträge zur sozialistischen Erwachsenenbildung, Heft 3, S. 16.

[209] *Knapp A.* Genetische Probleme der Medizin unter sozialem Aspekt. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 19.

[210] Там же, с. 1065.

[211] *Becker K. P.* Probleme der Rehabilitation physisch-psychisch Geschädigter. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 19, S. 1066.

[212] *Presber W., Renker K.* Der Geschädigte in seiner sozialen Umwelt. — «Zeitschrift für Äztliche Fortbildung», 1974, N 20, S. 1129.

[213] *Becker K. P.* Probleme der Rehabilitation physisch-psychisch Geschädigter. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 19, S. 1067.

[214] *Löther R.* Menschenbild und sozial-biologisches Probleme in Weltanschauung und Wissenschaft. — Medizin, Menschenbild und sozialbiologisches Problem. Berlin, 1974.

[215] *Hörz H. E.* Blickpunkt Persönlichkeit. Berlin, 1975, S. 26.

[216] *Polonski W. M.* Soziales und Biologisches in der Erziehung und Entwicklung des Menschen. — SWGB, 1972, N 11.

[217] Soziale und biologische Faktoren der Entwicklung des Menschen. — SWGB, 1972, N 12.

[218] *Straass G.* Soziale Siebung — ein Postulat der bürgerlichen Sozialanthropologie und seine gesellschaftliche Funktion. — Medizin, Menschenbild und sozialbiologisches Problem, S. 52.

[219] Там же, с. 43.

[220] Цит. по: *Polonski W. M.* Soziales und Biologisches in der Erziehung und Entwicklung des Menschen. — SWGB, 1972, N 11.

[221] Soziale und biologische Faktoren der Entwicklung des Menschen, S. 1310.

[222] Там же, с. 1312.

[223] *Krutezki W. A.* Die Entwicklung Leninschen Ideen in der sowjetischen Psychologie der Fähigkeiten. — Lenins philosophisches Erbe und Ergebnisse der sowjetischen Psychologie. Berlin, 1974, S. 138.

[224] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 392.

[225] Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 146.

[226] Там же, с. 148.

[227] Там же.

[228] Там же, с. 153.

[229] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 122.

[230] Там же, с. 123.

[231] *Kurella A.* Das Eigene und das Fremde. Berlin—Weimar, 1968, S. 105; *Kosing A.* Diskussionsbeitrag. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 154.

Раздел II

[1] *Freye H. A.* Notwendigkeit und Möglichkeit einer Eugenik im Lichte moderner Humangenetik. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. II. Kühlungsborner Kolloquium. Berlin, 1972, S. 56.

[2] *Witkowski R., Prokop O.* Genetik erblicher Syndrome und Mißbildungen. Berlin, 1974, S. 11; *Körner H.* Humangenetische Beratung, I. Teil. — «Zentralblatt Gynäkologie» (Berlin), 1974, N 9, S. 258.

[3] *Lederberg J.* zitiert von: *Freye H.-A.* Notwendigkeit und Möglichkeit einer Genetik im Lichte moderner Humangenetik, S. 15.

[4] *Smith D. L., Motalsky A. G.* zitiert von: *Körner H.* Humangenetische Beratung, S. 258.

[5] *Fuhrmann W.* Beeinflussung des menschlichen Genpools durch die moderne Medizin. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27. Zürich, 1972, S. 302; *Herrmann L., Rothe J.* Humangenetik und Gesundheitsschutz. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 9, S. 454.

[6] *Herrmann L., Rothe J.* Humangenetik und Gesundheitsschutz.— «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 9, S. 454.

[7] *Dietl H.-M.* Genetisch bedingte Krankheiten und die Aneignung des sozialen Erbes. — «DZfPh», 1974, N 7, S. 879.

[8] *Burkhardt G.* Die Verantwortung des Arztes. — Verantwortung des Arztes bei der Heilbehandlung. Dresden, 1974, S. 1—5.

[9] *Weiler W.* Zur Kategorie Verantwortung. — «DZfPh», 1965, N 8, S. 989—999.

[10] *Weiler W.* Moral und Gesellschaft — Entwicklungsprobleme der sozialistischen Moral in der DDR. Berlin, 1968, S. 135.

[11] См. *Бочков Н. П.* Философские, социальные и этические проблемы генетики человека. — «Вопросы философии», 1970, № 5.

[12] *Körner H., Grauel B. L.* Humangenetische Beratung, 11. Teil.— «Zentralblatt Gynäkologie», 1974, Heft 9; *Witkowski R., Steinbicker V.* Prophylaxe beginnt vor der Geburt. — «Humanitas», 1972, N 16, S. 4; *Witkowski R., Prokop O.* Genetik erblicher Syndrome und Mißbildungen, S. 15; *Ehmann G. et al.* Arzt und Patient in der sozialistischen Gesellschaft. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1973, N 11, S. 532; *Bach H.* Mögliche humangenetische Maßnahmen und ihre Problematik. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. III. Kühlungsborner Kolloquium 1972. Berlin, 1972.

[13] *Gahse H., Kranhold H.-G.* Ergebnisse einer empirischen Befragung verschiedener Bevölkerungsgruppen über Kenntnisse und Einstellungen zu Erbkrankheiten, ihre Behandlungsmöglichkeiten und zur humangenetischen Familienberatung. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1975, № 5, S. 267—272.

[14] *Fuhrmann W., Vogel F.* Genetische Familienberatung. — «Heildelberger Taschenbücher», Berlin (West)—Heidelberg—New York, 1968, N 42, S. 7.

[15] *Wendt G.* Thesen und Forderungen — Ein zusammenfassendes Schlußwort. — Genetik und Gesellschaft, Marburger Forum Philippinum. Stuttgart, 1970, S. 155.

[16] *Wendt G.* Genetics and the Quality of Life. Report from a Consultation by the subunit on Church and Society of the World

Council of Churches in Cooperation with the Christian Medical Commission. Zürich, 1973.

[17] *Fuhrmann W., Vogel F.* Genetische Familienberatung. — «Heidelberger Taschenbücher», Berlin (West)—Heidelberg—New York, 1968, N 42, S. 6.

[18] *Sperlich D.* Populationsgenetik. Jena, 1973, S. 169.

[19] *Vogel F.* Lehrbuch der allgemeinen Humangenetik, 2. Teil. Berlin (West)—Göttingen—Heidelberg, 1961.

[20] *Hüttner H.* Inanspruchnahme des Arztes — Teil des Gesundheitsverhaltens. — Gesunderhaltung, ein gesellschaftliches Problem in philosophischer, medizinischer, soziologischer und pädagogischer Sicht. Jena, 1974, S. 87—95; *Thom A., Weise K.* Medizin und Weltanschauung. Leipzig—Jena—Berlin, 1973, S. 68.

[21] *Bickel H.* Genetische Stoffwechselstörungen. Diskussionsbeitrag. — «Genetik und Gesellschaft». Stuttgart, 1970.

[22] *Parker W. C.* Some legal Aspects of genetic Counseling. — «Birth Defects», vol. 6, 1969.

[23] *Fuhrmann W., Vogel F.* Genetische Familienberatung. — «Heidelberger Taschenbücher». Berlin (West)—Heidelberg—New York, 1968, N 42, S. 76; *Wendt G.* Thesen und Forderungen — Ein zusammenfassendes Sclußwort. — Genetik und Gesellschaft, Marburger Forum Philippinum, Stuttgart, 1970, S. 156.

[24] *Shaw M. W.* Survey of Counseling Practices — Principal Disskussion. — Ethical Issues in Human Genetics — Genetic Counseling and the Use of Genetic Knowledge. New York—London, 1973, p. 13—17; *Lord Kilbrandon.* The Comparative Law of Genetic Counseling. — Ethical Issues in Human Genetics — Genetic Counseling and the Use of Genetic Knowledge, p. 245—259; *Lubs H. A.* Privacy and Genetic information. — Ethical Issues in Human Genetics—Genetic Counseling and the Use of Genetic Knowledge, p. 267—275.

[25] *Dietl H.-M., Gahse H.* Philosophisch-ethische und soziale Aspekte humangenetischer Maßnahmen in der entwickelten sozialistischen Gesellschaft. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 185.

[26] *Gahse H., Kranhold H.-G.* Ergebnisse einer empirischen Befragung verschiedener Bevölkerungsgruppen über Kenntnisse und Einstellungen zu Erbkrankheiten, ihre Behandlungsmöglichkeiten und zur humangenetischen Familienberatung. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1975, N 5, S. 267—272.

[27] Genetik und Gesellschaft. Marburger Forum Philippinum, 1969. Stuttgart, 1970.

[28] *Hermann L., Rothe J.* Humangenetik und Gesundheitsschutz, S. 454.

[29] *Grotjahn A.* Die Aufgaben der sozialen Hygiene. — «Deutsche Medizinische Wochenschrift», 1912, N 38, S. 2318—2320.

[30] *Tutzke D.* Alfred Grotjahn und die Sozialhygiene. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», S. 783—788.

[31] *Vogel F.* Lehrbuch der allgemeinen Humangenetik. II. Teil.

[32] *Hagemann R.* Genetische Manipulation beim Menschen — Begriff, Zielrichtung, Wege und Vergleiche mit der genetischen Manipulation bei Pflanzen. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik, S. 45—51.

[33] *Fuhrmann W.* Beeinflussung des menschlichen Genpools durch die moderne Medizin. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 305.

[34] *Sperlich D.* Populationsgenetik, S. 175.

[35] *Witkowski R., Prokop O.* Genetik erblicher Syndrome und Mißbildungen, S. 12.

[36] *Körner H., Grauel E. L.* Humangenetische Beratung. — «Zentralblatt Gynäkologie» (Berlin), 1974, N 9, S. 269.

[37] *Ehmann G. et al.* Arzt und Patient in der sozialistischen Gesellschaft. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1973, N 11, S. 530.

[38] *Witkowski R., Prokop O.* Genetik erblicher Syndrome und Mißbildungen, S. 12; *Körner H., Grauel E. L.* Humangenetische Beratung. — «Zentralblatt Gynäkologie» (Berlin), 1974, N 9, S. 269.

[39] *Fuhrmann W., Vogel F.* Genetische Familienberatung. — «Heidelberger Taschenbücher». Berlin (West)—Heidelberg—New York, 1968, S. 7.

[40] *Fuhrmann W., Vogel F.* Grundlegende Entdeckungen — 25 Fakten über Humangenetik. — «WHO — Features — in point of fact», 1974, N 4.

[41] *Dunowsky J.* Soziale Diagnose und Therapie im Kindesalter.— «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 13, S. 666.

[42] Там же.

[43] *Dunowsky J.* Report from a Consultation by the Subunit on Church and Society of the World Council of Churches in Cooperation with the Christian Medical Commission. Zurich, 1973, S. 13—15.

[44] *Becker K.-P.* Probleme der Rehabilitation physisch-psychisch Geschädigter. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1974, N 19.

[45] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen, Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. III. Kühlungsborner Kolloquium 1972. Berlin, 1972, S. 115—129; см. также: *Дубинин Н. П.* Ленинские философские идеи и проблемы генетики. — «Вопросы философии», 1970, № 4.

[46] *Andreé K., Heinemann S.* Ethisch moralische und sozial medizinische Probleme der pränatalen Diagnostik. Diplomarbeit, Manuskript. Magdeburg, 1974.

[47] Там же.

[48] *Gahse H., Kranhold H.-G.* Ergebnisse einer empirischen Befragung verschidener Bevölkerungsgruppen über Kenntnisse und Einstellungen zu Erbrrankheiten, ihre Behandlungsmöglichkeiten und zur humangenetischen Familienberatung. — «Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung», 1975, N 5, S. 267—272.

[49] *Helling U.* Zu den Problemen der künstlichen Insemination unter besonderer Berücksichtigung des § 203 E, 1962. — «Neue Kölner Rechtswissenschaftliche Abhandlungen», Berlin (West), 1970, N 65, S. 56.

[50] Autorenkollektiv: Lebensweise und Moral im Sozialismus. Berlin, 1972, S. 356.

[51] *Helling U.* Zu den Problemen der künstlichen Insemination unter besonderer Berücksichtigung des § 203 E 1962. — «Neue Kölner Rechtswissenschaftliche Abhandlungen», Berlin (West), 1972, S. 125.

[52] *Taylor G. R.* Die biologische Zeitbombe.

[53] *Polonski W. M.* Soziales und Biologisches in der Erziehung und Entwicklung des Menschen — SWGB, 1972, N 11, S. 1213—1220.

[54] *Mann T.* Sex—Drogen—Ethik. — Die biologische Zukunft der Menschen. Frankfurt a. Main, 1971, S. 33.

[55] *Luria S. E.* Leben — das unvollendete Experiment, S. 172.

[56] «Umschau», 1968, Nr. 2, S. 52—53.

[57] *Sinsheimer R. L.* Gentechnik: Können wir die Erbanlagen verändern? — Die biologische Zukunft der Menschen, S. 165.

[58] *Küng E.* Geht es mit der Menschheit aufwärts oder abwärts?— «Technische Rundschau» (Bern), 1969, N 2; Das umstrittene Experiment: der Mensch.

[59] *Hausmann R.* Genetische Manipulation durch Kern- und Chromosomentransplantation, Transduktion und Transformation. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 338.

[60] *Dubinin N. P.* Neue Kategorien der Evolution des Menschen.— Philosophische und etische Probleme der Molekularbiologie. III. Kühlungsborner Kolloquium 1972, Berlin, 1972, S. 126.

[61] *Ley H.* Wissenschaftliche Erkenntnis, Fortschritt und Verantwortung. — Philosophische und ethische Probleme der modernen Genetik. II. Kühlungsborner Kolloquium, S. 28, 30.

[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 95.

[63] *Hausmann R.* Genetische Manipulation durch Kern- und Chromosomentransplantation, Transduktion und Transformation. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», 1972, Bd. 27, S. 333.

[64] *Etzioni A.* Geschlechtskontrolle, Wissenschaft und Gesellschaft. — «Science», 1968, N 61, S. 1107.

[65] *Jones A., Bodmer W. F.* Our future inheritance: Choice or chance? A study by a British Association Working Party, o. J., o. V.

[66] *Taylor G. R.* Die Biologische Zeitbombe, S. 12.

[67] *Körner U.* Grenzbereiche des Lebens — erkenntnistheoretische und ethische Probleme ärztlicher Entscheidung. — Medizin, Menschenbild und sozial-biologisches Problem. Berlin, 1974, S. 128—129.

[68] *Hausmann R.* Genetische Manipulation durch Kern- und Chromosomentransplantation, Transduktion und Transformation. — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», 1972, Bd. 27, S. 334.

[69] *Schmid W.* Genetische Chirurgie beim Menschen? — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 353.

[70] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 20.

[71] *Schmid W.* Genetische Chirurgie beim Menschen? — «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 353.

[72] *Löther R.* Biologie und Weltanschauung. Leipzig—Jena—Berlin, 1972, S. 116—117.

[73] *Taylor G. R.* Die biologische Zeitbombe, S. 214; *Nürnberg U.* Diskussionsbeitrag. — Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie. III. Kühlungsborner Kolloquium 1972, S. 157.

[74] *Hausmann R.* «Bulletin der schweizerischen Akademie der Medizinischen Wissenschaften», Bd. 27, 1972, S. 335.

[75] *Bach H.* Philosophische und ethische Probleme der Molekularbiologie, S. 170—171.

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 31.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 383.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 377.

[4] Там же.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 452.

[6] *Jensen A. R.* Genetics and Education. L., 1972.

[7] *Darlington C.* The Evolution of Man and Society. L., 1969.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 349.
[9] *Федосеев П. Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии. — Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 22—23.
[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 322.
[11] Там же, с. 242.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 12.
[13] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 496.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 516.
[16] *Ramsey P.* The Moral and Religious Implications of Genetic Control. — «Heredity and Society. Readings in Social Genetics». New York, 1973, p. 365.
[17] *Fletcher J.* The Ethics of Genetic Control. Ending Reproductive Roulette. New York, 1974, p. 77.
[18] См. *Астауров Б.* Человек с большой буквы и эволюционная генетика человечности. — «Новый мир», 1971, № 10.
[19] См. *Дубинин Н. П.* Философские и социологические аспекты генетики человека. — «Вопросы философии», 1971, № 1, с. 41; см. также: *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976, с. 151, 195—196.
[20] *Ramsey P.* Fabricated Man. The Ethics of Genetic Control. New Haven—London, 1971, p. 79.
[21] Там же, с. 2.
[22] *Ramsey P.* Moral and Religious Implications of Genetic Control.
[23] Там же, с. 369.
[24] Там же, с. 370.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] *Фролов И. Т.* Прогресс науки и будущее человека. М., 1975, с. 192.
[28] *Fletcher J.* The Ethics of Genetic Control.
[29] Там же, с. 29.
[30] Там же.
[31] *Фролов И. Т.* Перспективы человека. — «Вопросы философии», 1975, № 8, с. 131.
[32] *Fletcher J.* The Ethics of Genetic Control, p. 106—108.

СОДЕРЖАНИЕ

Дитль Г.-М. и др.

Д49 Генетика человека в социалистическом обществе: Философско-этические и социальные проблемы/Г.-М. Дитль, Г. Газе, Г.-Г. Кранхольд; Пер. с нем. с сокр.; Послесл. С. А. Пастушного. — М.: Мысль, 1981. — 207 с.

75 к.

Книга философов из ГДР Г.-М. Дитля, Г. Газе и Г.-Г. Кранхольда посвящена комплексному рассмотрению философско-этических и социальных проблем генетики человека и практического использования ее достижений. Используя большой фактический материал, авторы рассказывают об основных направлениях исследований в области общей генетики и генетики человека, проводя их анализ с позиций марксистско-ленинского учения о человеке. В книге содержится глубокая критика разного рода идеологических спекуляций на новых данных биологической науки, в частности генетики человека.

Д $\frac{10501\text{-}045}{004(01)\text{-}81}$ 18-81

ББК 28.04
57.023

Ганс-Мартин Дитль
Гейнц Газе
Ганс-Георг Кранхольд

ГЕНЕТИКА ЧЕЛОВЕКА
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

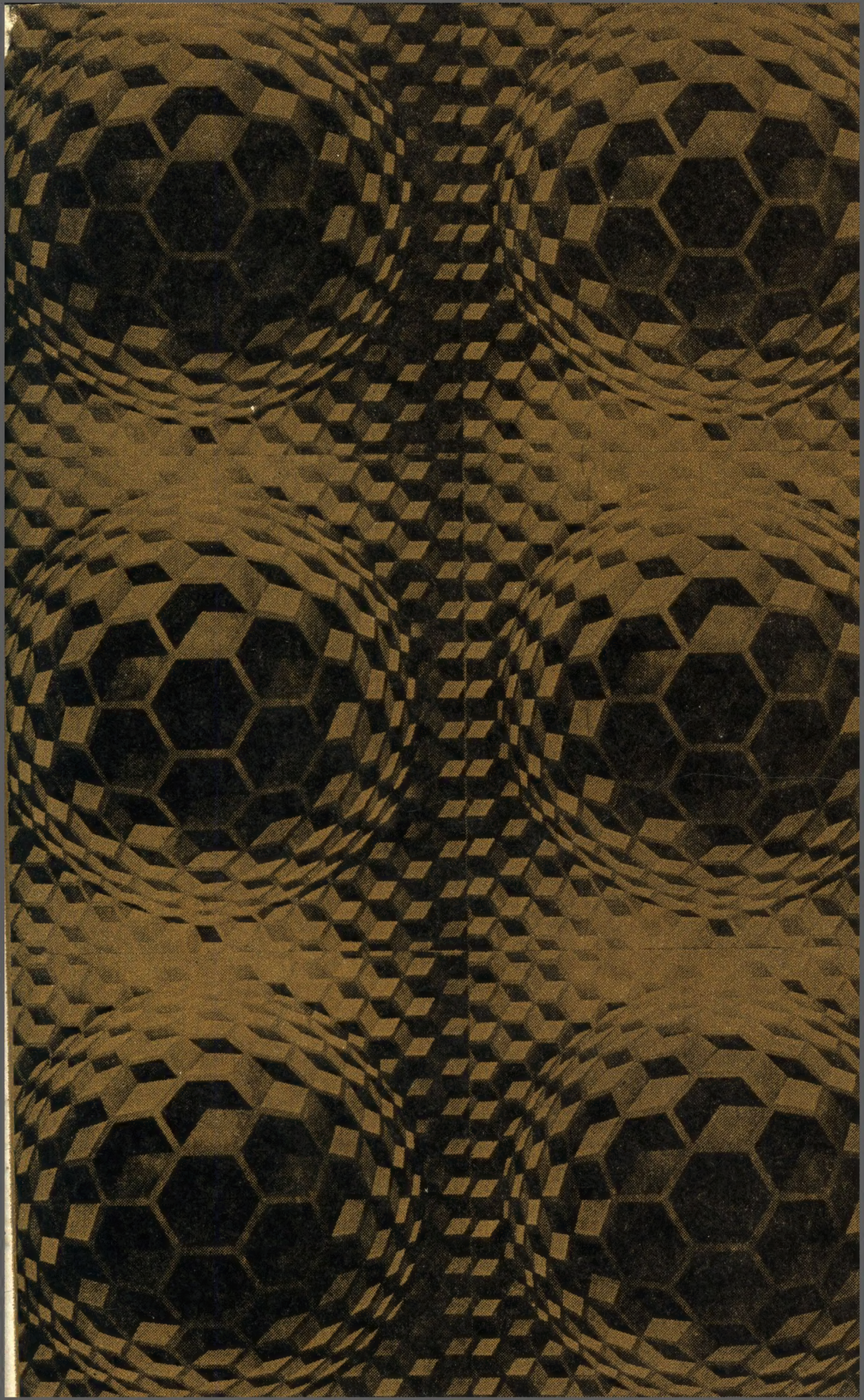
ИБ № 1327

Заведующая редакцией В. Е. Викторова
Редактор А. Г. Гридчина
Младший редактор Г. А. Диковская
Оформление художника В. А. Кафанова
Художественный редактор Т. В. Иваншина
Технический редактор Л. П. Гришина
Корректор С. С. Новицкая

Сдано в набор 21.08.80. Подписано в печать 09.02.81. Формат 84×108[1]/32. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печатных листов 10,92. Учетно-издательских листов 11,91. 328,9 тыс. кр.-отт. Тираж 29000 экз. Заказ № 9611. Цена 75 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда»,
Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

75 к.

